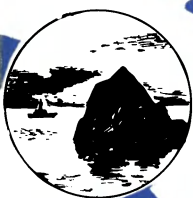

Г. Метельский

**ПО КРОМКЕ
ДВУХ ОКЕАНОВ**

ПОД НОЧНЫМ СОЛНЦЕМ
ГОРОДОК НЕ ВЕЛИК И НЕ МАЛ
КОГДА НЕТ ЛЕТНОЙ ПОГОДЫ
ОАЗИС НА ТАЙМЫРЕ

ПУТЕШЕСТВИЯ. ПРИКЛЮЧЕНИЯ. ПОИСК

Г. Метельский

**ПО
КРОМКЕ
ДВУХ
ОКЕАНОВ**

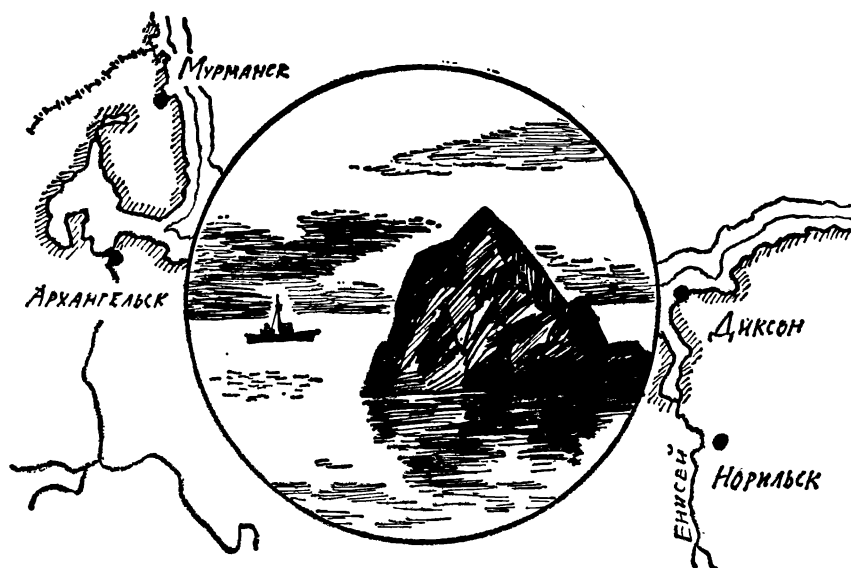

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ»
МОСКВА • 1978

РЕДАКЦИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Художник А. В. БЕЛЮКИН

**Черно-белые фото — из Фотохроники ТАСС,
цветные — В. ОРЛОВА и В. ПАВЛЕНКО**

ПОД НОЧНЫМ СОЛНЦЕМ

Прежде чем отправиться в дорогу, я достаю карты. Карты большие, и мне приходится разложить их на полу. Карта Мурманской области, Архангельской, Тюменской, Красноярского края, Якутской АССР, Магаданской области. Даже на полу тесно от этих карт, охватывающих весь Север, всю Арктику нашей страны. Кромка Ледовитого океана, точнее, его морей тянется от сухопутной границы с Норвегией до морской границы с Соединенными Штатами Америки.

Вооружившись масштабной линейкой, я прикидываю, мерю расстояние, которое мне предстоит преодолеть, — получается что-то около десяти тысяч километров в одну сторону, с запада на восток. Возможно, однако, что на обратном пути мне удастся завернуть на Камчатку, а оттуда на Курильские острова и Сахалин, и тогда расстояние удлинится еще на несколько тысяч километров.

Сколько бы я ни ездил, куда, в какую бы даль ни заносила меня судьба, я не устаю поражаться масштабности, огромности наших пространств. Мир, планета Земля, конечно, больше, но там, за границей, все чужое, и, когда передо мной встает дилемма: побывать где-то за пределами нашей страны или же

съездить, скажем, на Таймыр, — я неизменно выбираю второе. Кое-кому это кажется странным, а я чувствую неутоленный, усиливающийся с годами голод по родным просторам. Мы еще слабо знаем свою страну, чтобы отказаться от радости ее узнавания.

«Велико незнание России посреди России... Город не знает города, человек человека; люди, живущие за одной стеной, кажется, как бы живут за морями». Эти горькие слова Гоголя, адресованные А. П. Толстому в 1845 году, в значительной мере утратили свою остроту, но все же мы еще недостаточно популяризируем, недостаточно славим свою Родину.

На карте страны не осталось больше белых пятен — пятен незнания. Тщательно изучены ее недра, составлены геологические, ботанические, почвенные, этнографические и разные другие полезные и необходимые карты. По аналогии можно говорить и о «литературной карте» нашей Отчизны, карте, показывающей, насколько отечественные писатели изучили тот или иной ее уголок и как рассказали о нем людям. И вот тут с прискорбием придется отметить, что на этой карте все еще осталось немало белых пятен.

Арктике, пожалуй, повезло в этом смысле: написано о ней много. Но книги и статьи, рассказывающие о побережье северных морей, созданы преимущественно самими исследователями Крайнего Севера: Ф. Литке, Ф. Врангелем, Э. Толлем, С. Макаровым, В. Русановым, Г. Брусиловым, С. Обручевым, О. Шмидтом, Г. Ушаковым, В. Визе, Н. Урванцевым, а из иностранцев — Нансеном, Амундсеном, Норденшельдом, Свердрупом и другими.

За последнее время появились книги о наших современниках — геологах, нашедших нефть и газ на Тюменском Севере, о первооткрывателях якутских алмазов, о золотодобытчиках Колымы, а то и просто о тех местах, где еще нет оседлого жилья и редко ступает нога пришлого человека. Лучшие из подобного рода книг написаны непосредственными участниками событий. Такими, как незабвенный Григорий Анисимович Федосеев, геодезист по профессии, чьи отряды сняли на карту чуть ли не весь северо-восток нашей страны. Такими, как Владимир Клавдиевич Арсеньев, исшагавший весь Уссурийский край. Такими, как Георгий Алексеевич Ушаков, более двух лет прошедший в скитаниях по нехоженой Северной Земле.

И снова приходят на память так современно звучащие слова Николая Васильевича Гоголя: «Вам нужно проездиться по России. Вы знали ее назад тому десять лет; это теперь недостаточно. В десять лет внутри России столько совершается со-

бытий, сколько в другом государстве не совершается и в полвека... Чтобы узнать, что такое Россия *нынешняя*, нужно непременно по ней проездиться самому».

...Самое начало июня. Изнывающая от духоты Москва, накаленный солнцем автобус до Внукова, теплые перила трапа, поданного к самолету, улетающему в Мурманск. И через два с половиной часа — мокрый, липкий снег, устилающий тундру, свирепый ветер и бьющие в лицо белые хлопья.

— В прошлом году, двадцать второго июня, как сейчас помню, такой буран у нас поднялся, что даже машины на шоссе остановились. Полярный день, незаходящее солнце, а ничего не видать в двух шагах. Вот так тут у нас...

У моего случайного попутчика по самолету в руках букет ярких ялтинских роз, и он их заботливо, словно малого ребенка, укутывает газетой, пока ждет автобуса в город. Почти все, кто сошел с трапа, в летнем, нарядном: женщины — в открытых легких платьях, в туфельках на босу ногу, мужчины — в рубашках навыпуск, с короткими рукавами. И почти у всех цветы — гладиолусы, розы, тюльпаны, а у одной — мальвы, должно быть с Украины.

В мурманском аэропортулюдно, шумно, тесно. Все, кто улетают, летят на юг, в том числе в Котлас, в Архангельск: по отношению к Мурманску это тоже юг. На север рейсов нет, и я еду в Никель автобусом. Шоссе кружит между сопками, покрытыми чахлым, то березовым, то лиственничным, голым еще леском. Огромные замшелые валуны покоятся, спят по сторонам дороги. Прорубленные взрывами выемки в скалах, высокие насыпи, гулкие мосты через бурные речки без слов говорят о том, какого великого труда стоила эта дорога.

Перед древней Печенгой автобус останавливается. Речка Ворьема, которую перед отъездом я изучал по карте, течет рядом с дорогой. Впрочем, «течет» — это не то слово: она бежит, мчится, прыгает с валуна на валун, пенится и гремит на порогах.

Как и полагается горной речке, она течет в пропиленном ею же ущелье, и дорога жметя к обрывистым скалам. На них растут черемуха, можжевельник и корявые кривые березки с лохмотьями тончайшей, светящейся на солнце коры. Странно все-таки: в Мурманске, должно быть, все еще метет пурга, несутся низкие тучи, а здесь, в ста с лишним километрах к северу, тепло, греет ласковое солнце, на берегах распускаются клейкие листочки, у берега буйно цветет ива, пробивается между валунов ослепительно зеленая трава.

— И комара здесь не бывает,— радостно сообщает мой спутник.— Ветер, наверное, выдувает. Ущелье — оно как труба.

Дорога здорово размыта весенними ручьями, взбухшими речками. Снег еще растаял не весь, его слепящие пятна в окружении свежей травы выглядят неестественно нарядно. Машина, скрежеща тормозами, то спускается под гору, то натужно, на последнем дыхании ревя, ползет вверх. Лишь в двух местах попадают ровные, покрытые слежавшимся песком участки.

Места, по которым мы едем, после Октябрьской революции были уступлены Советским правительством Финляндии, хотя и являлись исконно русской землей, издревле принадлежавшей России. Об этом говорят не только документы, но и географические карты, на которых среди финских названий сохранилось немало русских. Некоторые из них произошли от имени Трифона — Трифоновое озеро, Трифонов ручей, поселение того же названия...

О преподобном, канонизированном православной церковью монахе Трифоне немало написано в дореволюционной литературе, и, прочитав статьи и книги о нем, можно представить в своем воображении могучего, огромной силы молодца, одетого в рыцарские доспехи и подпоясанного красным кушаком, со старинным мечом в руках. Рядом — его удалые сотоварищи по разбою на большой дороге, не страшющиеся ни опричников, ни стражи.

В ту пору святой Трифон еще носил имя Митрофана, был беден, обижен своей бедностью, незнатностью рода, обозлен на мир и в ту раннюю пору влюблен в красавицу Елену из богатой семьи, проживавшей в его родном Торжке. Елена ответила взаимностью, бросила отчий дом и ушла к Митрофану. В шайке появилась женщина в одежде воина. Она не раз выручала из беды своего мужа, не раз умирjala его жестокий вспыльчивый норов, пока не поплатилась жизнью: заподозрив жену в измене, Митрофан в припадке гнева зарубил ее топором.

Если бы все на этом и окончилось, то история едва ли сохранила бы в своей памяти имя этого человека. Но, ужаснувшись тому, что он сделал, Митрофан оставил шайку, облачился в рубище, подпоясался веревкою и босой подался далеко на север, в нехоженую глушь далекого Мурмана. Добравшись до Печенги, до того места, где в нее впадает река Манна, он срубил келью и затворился в ней, приняв обет не пить хмельного и поститься до конца дней своих. Вскоре удалой разбойник Митрофан превратился в смиренного монаха Трифона.

Вслед за кельей он срубил часовню, сам нарисовал иконы

и стал обращать лопарей — саамов в христианство. Недавно грозный и страшный при малейшем прекословии ему, еще не утративший могучей силы, он безропотно сносил истязания и побои, которым его подвергали кебуны — саамские шаманы. И свершилось чудо: ненависть местных жителей сменилась жалостью, а потом и уважением к русскому пришельцу.

Трифон решил закрепить за Россией эти земли. Пешком он отправился в Новгород Великий к митрополиту Макарию, и тот выдал ему грамоту на построение храма. Затем сходил в Москву, подал челобитную самому Ивану Грозному, который одобрил деятельность монаха и вручил Трифону жалованную грамоту на земли мурманского побережья. «Та земля лопская и искони вечная вотчина наша великого государя, а не датского короля», — гласил царский указ.

В те времена церкви и монастыри служили на Руси как бы заявочными столбами на новые владения. И Трифон, воротясь на Мурман, начал их строить. В 1533 году он основал ставший впоследствии знаменитым Печенгский монастырь и укрепил его. Вокруг монастыря стал селиться пришлый люд, стали развиваться промыслы — солеварный, мельничный, кожевенный, рыбный, а построенные монастырем корабли шли на продажу не только поморам, но и норвегам. Монастырь завел торговлю с заморскими странами, но просуществовал недолго. В 1590 году шведы осадили его, семь дней стояли под монастырскими стенами и «в день рождества Христова, тотчас после литургии, умертвили всех бывших в ограде, ограбили церкви и сожгли и разрушили до основания весь монастырь». Погибла и монастырская библиотека из пятидесяти девяти книг (цифра по тем временам очень большая), среди которых был «Хронограф» — редчайшее рукописное сочинение по всемирной истории.

С тех пор Печенгский монастырь оставался необитаемым триста тридцать два года, после чего на этом клочке земли снова возникло русское поселение.

Печенга оставила заметный след в истории России. Она дала название огромному, как и принято на Дальнем Севере, району. Именно этот район Советское правительство дважды уступало Финляндии — в марте 1918 и в апреле 1940 года, и белофинны дважды грубо нарушали условия мирного договора. Печенга (по-фински — Петсамо) не раз упоминалась в сводках Совинформбюро во время Великой Отечественной войны. 22 июня 1941 года в два часа сорок пять минут гестаповцы и финские полицейские ворвались в здание советского консульства в Печенге, избили сотрудников и отправили их в Киркенесский концлагерь. Через час пятнадцать минут началась вой-

на. Северная часть Печенгского района — полуостров Рыбачий всю войну оставался в наших руках, и это было единственное место на Дальнем Севере, где немцам не удалось перейти через нашу государственную границу.

...Машина едет по местам жестоких боев. Где-то здесь 17 октября 1944 года советские войска вышли на рубеж с Норвегией, разгромив фашистскую горнострелковую дивизию «Эдельвейс». Более тридцати лет прошло с тех пор, но все еще сохранились выдолбленные в скалах окопы, все еще можно найти неразорвавшиеся снаряды и мины, простреленные каски, осколки... И как вечная память о героизме наших воинов — братские могилы, прибранные, заботливо ухоженные, с оградками и памятниками, которые видны далеко-далеко.

...Край этот весь исполосован, изрезан бурными речками с перекатами и падунами. Некоторые из этих рек были в свое время «зело богаты жемчугом». Про впадающий в Тулому ручей Венчину говорили, что «жемчужных раковин здесь до пропасти». Много их было в Коле, во всех речушках, текущих «сверху», попадались драгоценные раковины. В местных зажиточных крестьянских семьях от матери к дочери обязательно передавалась нитка собранного в здешних водах жемчуга. Старинный герб карельского города Кеми украшает венок из жемчуга на голубом поле. К нашему времени кольские реки оскудели этим даром природы, зато было открыто и широко использовано другое, куда более ценное их богатство — сила стремительного течения, которую заставили вращать турбины нескольких гидроэлектростанций на Ниве, Ковде, Туломе, Пазе...

От того места, где я нахожусь, всего ближе до электростанции в поселке Борисоглебск. Добрые люди дают машину, и я снова проделываю головокружительные подъемы и спуски, затем еду гладким до блеска шоссе.

В Борисоглебске реку Паз перегородили плотиной. С высоты видно старое каменистое сухое русло Пазы. Реку упрятали под землю, в почти километровый подводный тоннель, чтобы там, на глубине, в недрах горы поток обрушился на лопасти турбин всю свою силу. Такие подземные станции можно строить только в горах, где сама природа вознесла на высоту водоем, содержимое которого можно вылить в пробуренную в горе дыру.

Мой спутник подходит к закрытым воротам в скале и тихонько говорит куда-то в пустоту: «Муза, мы пришли». И тотчас, как в сказке из «Тысячи и одной ночи», ворота бесшумно открываются. За ними нет ни души. Мы заходим внутрь, и ворота так же таинственно и тихо закрываются за нами. Вдаль

уходит длинный, облицованный пластиком коридор. Его стены украшены цветными диапозитивами, на которых изображены разные электростанции страны.

— Это для экскурсантов,— поясняет мой спутник.

ГЭС дает ток трем государствам — СССР, Норвегии и Финляндии, и на станции не жалуются на недостаток людей, желающих ее осмотреть.

— Вместе с Хантайкой мы самая северная гидростанция в стране,— дежурный инженер Муза Леонидовна Пеункова улыбается.— Впрочем, один наш дотошный товарищ подсчитал и утверждает, что наша станция все же севернее... На несколько метров.

Через двойное звуконепроницаемое стекло в зале, где разместился пульт управления, виден другой, машинный зал — генераторы, шины, водоводы, четкие квадраты пластикового ковра на полу. И все это в самом нутре горы, глубоко под землей. А наверху без дороги, по скалам шагают стальные опоры линии электропередач. Впервые в стране их строили с помощью вертолетов.

Неподалеку от электростанции высится старинная церковь Бориса и Глеба, давшая название поселку. Церковь эта поначалу была построена тем же монахом Трифоном, не раз сгорала и снова поднималась на старом фундаменте, пока в восьмидесятых годах прошлого века не приняла свой теперешний облик. Она пострадала во время последней войны, и ее обновили реставраторы, и государство взяло церковь под свою охрану. Слышал я, что во время ремонта в церковном склепе нашли чугунную плиту, на которой славянской вязью было написано, что сей храм стоит на исконно русской земле.

А рядом уже совсем другой, современной красотой сияет молодой поселок энергетиков. В этом поселке нет ничего лишнего, но есть все необходимое для того, чтобы люди могли нормально трудиться в трехстах пятидесяти километрах к северу от Полярного круга.

Каждый, кто работает на станции, от директора до монтера, получил отдельную квартиру в одноэтажных деревянных домиках. Квартира уже была обставлена удобной мебелью, на низеньком журнальном столике в гостиной красовался букетик полевых цветов. Встроенные шкафы, на кухне блестел эмалью холодильник, в подвале стояла стиральная машина. Пол был застлан необычайно прочным, ярким пластиком, который не вспучился до сих пор, хотя со времени первых поселенцев минуло уже более десяти лет. Электрическое отопление, которое можно регулировать поворотом ручки реостата,

электрическая плита на кухне, холодная и горячая вода, ванная комната. В поселке школа, Дом культуры, магазин с большим выбором продуктов и товаров, баня с сухим, до девяносто пяти градусов паром, куда приезжают мыться любители со всей округи. Наконец, асфальтированное шоссе, соединяющее поселок с внешним миром.

Да, здесь можно жить, несмотря на климат — единственное, чего не смогли изменить люди: он оставался все тем же суровым, заполярным. Пять месяцев в году люди не получают ультрафиолетовых лучей, черемуха в чахлом лесу зацветает только в августе, сплошная ночь длится более пятидесяти суток, в течение месяца бывает десять штормовых дней...

И, несмотря на это, текучесть кадров на Борисоглебской электростанции практически равна нулю. Люди не уезжают из поселка, не тянутся на юг, к теплу, в обжитые края, они и здесь, почти на семидесятом градусе северной широты, живут полной жизнью, с тем необходимым комфортом, которого порой еще не хватает в других местах Заполярья.

Ток от Борисоглебской ГЭС идет на расположенный неподалеку комбинат в молодом поселке Никель, центре Печенгского района. Когда несколько лет назад я впервые попал туда, в исполнении хвалились, что их поселок один из самых молодежных промышленных центров в стране. Сейчас город заметно подрос, возмужал, как подросли и возмужали и его обитатели. Пользуясь первым теплым днем, почти все они собрались на стадионе, чтобы посмотреть спортивный праздник.

Светит не замутненное дымкой полярное солнце, освещая стадион, широкую, дышащую свежестью улицу, хвойный парк вдали, а в нем быструю речушку с кристально чистой родниковой водой.

Со мной рядом на скамейке сидит мой старый знакомый Сергей Самсонович Бабаев, начальник плавильного цеха комбината. С инженером Бабаевым я познакомился во время своего первого приезда сюда, и это было под сводами того самого цеха, которым он сейчас руководит. Бабаева тут в шутку зовут «хозяин трех труб». Эти трубы хорошо видны почти отовсюду в городе, видны они и со стадиона — три огромные трубы плавильного цеха, а по сути дела огромного завода, дающего стране никелевый концентрат.

Завод был разрушен до основания отступающими фашистами, 152-метровая труба, упав, раздавила здание; во всем поселке остались целыми только восемь домов канадцев, взявших у финнов на концессию весь комбинат, да еще шесть небольших домов, начиненных минами. Новое строительство на-

чалось в 1944 году с двух бараков да с заводской трубы, без которой нельзя было плавить металл. Такой высокой трубы в ту пору в нашей стране еще не было, и решили обратиться за помощью к американцам. Американцы согласились, но поставили условие, что будут работать только летом. Это нам не подошло — сколько этого лета на семидесятом градусе! — и американские специалисты уехали. Трубу строили советские специалисты, летом и зимой, в морозы, в полярную ночь, и управились за год с небольшим. Потом построили вторую трубу, за ней — третью.

— С трубы слезешь, сутки потом ноги болят, — жалуется Бабаев.

Как это ни странно, мощность металлургического завода в значительной мере определяется размером вытяжных труб.

— На комбинате, естественно, многое изменилось с тех пор? — спрашиваю у Бабаева.

— Само собой... Может быть, хотите посмотреть?.. — он не договаривает, но мы сразу оба встаем, понимая друг друга.

Из солнечного дня мы попадаем в полумрак плавильного цеха, где лениво льется струя металла, пахнет серой, бесшумно плывут в пустоте ковши с огненной начинкой, и горновой в войлочной шляпе, с лицом, усеянным капельками пота, показывает, как в глубине печи солнечно сияют электроды, накалинные до нескольких тысяч градусов.

— Такой температуры на других заводах еще не достигли, — доносится до меня голос начальника цеха.

В этот раз мне не довелось побывать в гигантском, одном из крупнейших в Европе, карьере, где добывают руду, содержащую никель, медь, кобальт и другие металлы, но с прошлого своего приезда я помню грохот могучего каскадного взрыва, поднимающего в воздух двести кубометров горной массы, помню уникальные по величине механизмы, ковши экскаваторов, поезда из думпкаров, а на обогатительной фабрике шеренги дробилок, мельницы, начиненные стальными шарами, — всю эту современнейшую, мощнейшую технику, которой щедро оснащен комбинат.

Да, ничего этого не было после войны. Не было комбината, города горняков — Заполярного, районного центра Никеля с его чистыми улицами, красивыми общественными зданиями и удобными жилыми домами.

— А то оставайтесь у нас в Никеле! — предлагает на прощание Сергей Самсонович. — Я вот здесь скоро три десятилетия живу и, поверьте, не помню дня, когда бы мне хотелось уехать отсюда.

— Даже в Мурманск?

— Ну в Мурманск — это еще куда ни шло. Мурманск — из городов город.

И он вдруг вспоминает, как сразу после окончания войны ехал сюда работать через Мурманск. По молодости лет, что ли, но этот заполярный город представлялся ему чем-то вроде Сан-Франциско, экзотическим и туманным. Подошел и остался поездов, все стали торопливо выходить из вагона, а Сергей Самсонович сидел как ни в чем не бывало. Он смотрел в окно и не видел ни вокзала, ни домов, ни улиц — их не было, — одни рельсы. «Почему не выходишь? — сердито спросил у него проводник. — Приехали». «Это не Мурманск», — убежденно сказал Бабаев. Проводник весело рассмеялся. Сергей Самсонович наконец понял что к чему, схватил свой чемоданишко и вышел на опустевшее междупутье, через которое были проложены узкие тропинки к хилому бараку, заменявшему вокзал... Потом трое суток добирался пароходом до Линахамари и еще суток на попутных грузовиках до Никеля. Других путей тогда еще не было.

...Я добираюсь от Никеля до Мурманска в комфортабельном вагоне московского скорого поезда, и это занимает четыре часа с минутами.

Поезд уходит ночью, но спать не хочется, вернее, жалко терять дорогое время, и я гляжу на освещенные ночным солнцем вершины сопок, гигантские валуны, поросшие пестрыми лишайниками, на причудливо изогнутые, словно застывшие в танце березы и катящиеся по камням белые от пены ручьи и речки.

Стук колес, мерное покачивание, тишина уснувшего вагона — все это располагает к раздумью, и я думаю об удивительной судьбе края, от которого начинается мой долгий путь по кромке двух океанов. Ведь ничего здесь не было до Октября: ни городов, ни заводов, ни рудников, ни портов, — одна древняя деревянная Кола да несколько маленьких саамских поселков на берегу океана.

Путешествовавшие здесь в середине и конце прошлого века писатели Сергей Васильевич Максимов и Василий Иванович Немирович-Данченко оставили яркие и талантливые описания этой «холодной Сахары», «земли мхов и лишаяев», внутри которой нет иных сообщений, кроме рек и пешеходных дорог, а пришлое население состоит из тех «несчастных, которых посылал сюда царский гнев и наветы крамольных бояр».

Сочинения этих литераторов и этнографов — «Год на севере» Максимова, «Страна холода», «Полярное лето», «Мурманская страда», «У океана» Немировича-Данченко — явились своего рода вторым открытием края и привлекли к нему внимание русской общественности. В стране заговорили о целесообразности заселить и по-настоящему освоить богатый Мурман. Реакция на эти предложения не замедлила последовать. Воспитатель Александра III генерал-адъютант Н. В. Зиновьев, к которому обратились за содействием в колонизации Мурман, ответил следующее: «Так как на Севере постоянные льды и хлебопашество невозможно, то, по моему мнению и моих приятелей, необходимо народ с Севера удалить, а вы хлопчете наоборот и объясняете о каком-то Гольфштреме, которого на Севере нет и быть не может. Такие идеи могут приводить только помешанные».

Но тот, кому был адресован этот глупый (иначе не назовешь) ответ, отнюдь не был сумасшедшим. Записку под заглавием «О средствах вырвать Север России из его бедственного положения» написал и передал наследнику горячий поборник Северного морского пути, купец, миллионер, начавший свою карьеру бедным домашним учителем, Михаил Константинович Сидоров. Появлению этой записки предшествовало посещение выставки коллекций Сидорова будущим царем Александром III. Хозяин увлеченно рассказывал о необходимости быстрого освоения Русского Севера. Наследник престола предложил ему изложить свои мысли письменно. Сидоров это исполнил и вскоре получил уже известный читателю ответ генерала Зиновьева.

В моем дальнейшем пути по Крайнему Северу мне еще не раз придется столкнуться с именем этого странного, так непохожего на других богатей человека.

Не кто иной, как М. К. Сидоров, открыл для мореходства устье реки Печоры.

Снаряженная на его средства в 1877 году парусная шхуна «Утренняя заря», груженная «образцами сибирских продуктов», проделала героический путь от устья Енисея до Петербурга. На это ушло меньше трех месяцев. Через несколько дней после того, как судно пришвартовалось к причалу Васильевского острова столицы, Сидоров получил следующую телеграмму от Норденшельда: «Да рассеет «Утренняя заря» мрак, который до сих пор препятствовал верному суждению о судоходстве в Сибирь».

Сидоров предлагал немалые средства для организации экспедиций по исследованию Сибири, но Русское Географическое

общество почему-то отказалось их принять. Тогда Сидоров сделал в зарубежных журналах объявление о том, что он назначает премию в две тысячи фунтов стерлингов первому кораблю, который достигнет Оби или Енисея.

«Считая открытие прохода морем из устьев Оби и Енисея жизненным вопросом для Сибири и имеющим важное государственное значение для всего нашего отечества,— писал М. К. Сидоров,— я обратил на него все свое внимание... С 1841 года он сделался для меня задачей всей моей жизни, и для решения его я пожертвовал всем своим состоянием, нажитым от золотопромышленности, в 1 700 000 рублей, и даже впал в долги. К сожалению, я не встречал ни в ком сочувствия к своей мысли: на меня смотрели как на фантазера, который жертвует всем своей несбыточной мечте. Трудна была борьба с общим мнением, но в этой борьбе меня воодушевляла мысль, что если я достигну цели, то мои труды и жертвования оценит потомство».

Сидоров оказался прав: потомство оценило его патристический почин, но сделало это уже в советское время. Осуществились многие его замыслы, и в том числе его мечта об освоении богатств Кольского полуострова.

Рудники и карьеры, откуда выдают на-гора руды цветных и черных металлов, апатит, слюду; новые города и новые отрасли промышленности, электростанции, рыбодобывающий и торговый флот, научно-исследовательские институты и филиал Академии наук СССР, шоссе, воздушные и железные дороги — все это появилось на Кольском полуострове уже после Октябрьской революции. Все, кроме, пожалуй, железной дороги, связавшей Мурманск с Петрозаводском.

...16 октября 1914 года, вскоре после начала первой мировой войны, при управлении по строительству железных дорог состоялось особое совещание, принявшее решение начать безотлагательно сооружение стального пути к незамерзающему морю на Мурмане. К этому времени строящаяся Олонецкая железная дорога дошла до Петрозаводска, и ее решили продолжить к северу. Завербованные в центральных и северных губерниях мужики числом сто шесть тысяч вместе с пятьюдесятью тысячами военнопленных построили тысячеверстный путь за неполных семнадцать месяцев. Первая лопата земли была взята в начале июня 1915 года, а 3 ноября 1916 года дорогу сдали в эксплуатацию.

Одна английская газета писала в это время: «А когда все будет закончено, когда на берегу Ледовитого океана засвистит наконец первый паровоз... Россия будет вправе заявить, что ею

еще раз исполнена титаническая работа». Английской газете вторили французские и норвежские. Подвиг русских строителей высоко оценили во всем мире.

Постройка дороги еще только заканчивалась, но уже было решено, что ее конечный пункт получит название Романов-на-Мурмане. 4 октября 1916 года состоялась торжественная церемония закладки нового города. Собственно, закладывался не сам город, а главный его Никольский собор. На торжества прибыли министры путей сообщения и морской, архангельский епископ, корреспонденты столичных газет, начальник строительства дороги В. В. Горячковский, архангельский губернатор. После полагающихся по ритуалу молитв и речей в котлован будущего храма замуровали латунную посеребренную плиту.

Церемония довольно широко освещалась в русских газетах. В одной из них были напечатаны смелые ставшие вещими слова:

«Да, город вырастет, поднимется из земли, точно по мановению волшебника. В одну из ближайших весен, взойдя над горами, солнце увидит вдруг... крыши огромных строений и порт, гудящий жизнью, пестрый флагами... Откинув назад черные массивные трубы, великаны океана торжественной поступью направятся вперед, протягивая за кормой пенящуюся нить между друзьями-народами. И прозвучат слова дружбы и взаимного понимания, раздастся громкая русская речь, свободная, знающая себе цену». Газета «Русское слово» пророчила новому городу электричество, водопровод, канализацию — житейские блага, которыми в ту пору пользовались лишь крупные города.

В нескольких километрах от Мурманска поезд останавливается на станции Кола, и я выхожу из вагона, чтобы немного побродить по этому самому древнему на Кольской земле городу. Здесь в 1684 году сожгли на костре сторонницу боярыни Морозовой Мавру Григорьеву, здесь отбывали ссылку политические противники Петра, сюда на вечное поселение отправили сподвижников Пугачева. В Колу не раз плавал с отцом на своей «Чайке» юный Ломоносов.

Я пытаюсь посмотреть на город его глазами, увидеть воеводский дом, острог, кузницы, соляные лавки, шняки и гукары на воде... Но вокруг меня совсем новый город: блочные дома, на одном из которых изображен древний герб города с китом в нижней части («вздумали коляне в губе своей китов ловить»), лес телевизионных антенн на крышах, поток грузовых машин, промчавшийся к югу товарняк...

И все же кое-что из древностей в Коле сохранилось. Крепостной вал и ров, вырытый стрельцами по велению Ивана Грозного, Благовещенский собор 1804 года — первое каменное здание на Кольском полуострове — и огромный дубовый крест, поставленный в XVII веке поморами в том месте, где начинается залив. Он черный от времени, этот крест, массивный, изъеденный трещинами. Это не только навигационный знак, но и память о тех, кто погиб в море — на Груманте или на других заполярных островах, докуда добирались поморы. Умерших хоронили там, где они расставались с жизнью, а крест над их рассеянными по миру могилами был общий, вот этот, в Коле.

Больше со стариной на мурманском берегу мне не удастся встретиться. В Мурманске все новое, построенное уже после окончания Великой Отечественной.

...Еще невидимый Кольский залив уже дает о себе знать запахом соли, водорослей, оставшихся на дне после отлива, просмоленных канатов, моря. Уже из окна вагона видны силуэты океанских судов, тесно стоящих у причалов, слышатся разноголосые пароходные гудки. Я ищу глазами знаменитую «Арктику» — она должна выделяться среди других океанских кораблей, — но тщетно. Атомоход сейчас во льдах, где-то далеко, проводит караваны судов по Великому северному морскому пути. Еще минута, другая, и поезд останавливается у нового вокзала с видом на лежащую чуть ниже площадь, переходящую в улицы и проспекты вдаль, на столпившиеся в сутолоке далекие дома, карабкающиеся на синие сопки, в которые врзался город. Там строятся новые кварталы.

А вот и залив. Сегодня он удивительно тих, и на его поверхности покоится, чуть дрожа, розовый блин солнца. Из невидимых репродукторов доносится голос диктора, перечисляющий названия судов, которые завтра возвратятся в порт...

Город юнг и город капитанов,
Моря брат и океана брат...

«Порт четырех океанов», «самый северный в мире порт», «самый большой в мире город за Полярным кругом», «ворота в Арктику», «край земли» (М. Горький), «новый мир» (норвежский писатель Нурдаль Григ), «самый пролетарский город в СССР» (К. Паустовский)... Какими только эпитетами не награждали Мурманск, и все они отражали правду, раскрывая то одну, то другую черту в характере города.

Корабли из Мурманска отправляются только на север, а поезд — только на юг. Это город, в котором летом идет снег, а

зимой дождь. Мурманск севернее Верхоянска, долгое время считавшегося самым холодным местом на земле, но в Мурманске в январе нередко плюсовые температуры, тогда как в Верхоянске ртутный столбик опускается до шестидесяти девяти градусов ниже нуля... Парадокс за парадоксом! Северные ветры зимой приносят в Мурманск оттепели, а южные — морозы. Когда Каспийское и Азовское моря скованы льдом, у Мурманска «парит море» и плещутся о скалы теплые волны. В одной из книжек писательницы Зинаиды Рихтер, посетившей Мурманск в начале двадцатых годов, я вычитал, что «мурманцы всю зиму обходятся без шубы. Профессор Ключе, заведующий Мурманской биологической станцией, шестнадцать лет круглый год ходит в морском дождевике поверх кожаного жилета». Журналистское преувеличение? Может быть. Но общую картину мурманского климата этот отрывок все же дает...

В древних русских летописях, в разного вида грамотах и универсалах встречаются, должно быть, сотни названий городов, посадов, сел, которые могут гордиться своей уходящей в глубину веков историей. В этом смысле Мурманску хвалиться, как видим, нечем. У него другая слава, она как бы спрессована во времени. И то, на что иному городу понадобились века, Мурманск прошел за считанные десятилетия.

Табличку, которую замуровали в фундаменте Никольского собора, нашли тринадцать лет спустя, когда начали строить одно из первых монументальных зданий Мурманска — Дом культуры рыбаков имени Кирова. Теперь она хранится в краеведческом музее, а на восстановленном после войны Доме культуры красуется мемориальная доска:

«На этом месте 4 октября 1916 года состоялась торжественная закладка города Мурманска».

Музей в Мурманске большой и богатый. Целый день я провел в нем, неторопливо переходя из зала в зал.

Предметы быта саамов, в прошлом называвшихся лопарями, парчовые сарафаны поморок, их кокошники, шитые местными жемчугом, колода с останками древнего человека... По сохранившемуся черепу профессор М. М. Герасимов воссоздал скульптурный портрет — волевое, скуластое, не лишенное обаяния лицо первобытной женщины, жившей около трех тысяч лет тому назад...

На мой непросвещенный взгляд, нет ничего совершеннее в строительном искусстве, чем наши северные деревянные церквушки. Макет одной из них, Успенской из села Варзуги, шатровой, построенной в 1674 году, красуется в музее. Север с его некогда непроходимыми лесами оставил нам деревянные кру-

жева, украшавшие всякий дом, срубы станов — жилых изб из лиственничных, необъятной толщины бревен, придорожные кресты, служившие своего рода маяками, челны, деревянные суда и суденышки самых разных, непривычных современному уху названий: карбас, ела, каюк, шняка, тройник, лодья, гукар...

В одном из залов со стены смотрит улыбчивый Александр Евгеньевич Ферсман. Рядом его товарищи по профессии П. Н. Чирвинский, А. А. Полканов, Е. С. Федоров. И тут же за толстыми стеклами витрин серые, зеленые, пятнистые куски апатита, тяжелые медно-никелевые руды из гигантского карьера в Заполярном, образцы молибдена в серебристых блестках, ослепительно чистый, лазурный амазонит, целая глыба аметиста, вся в лиловых, с сияющими гранями призмах, пестрый, словно цветущая тундра, эвдиалит, коричневые пластинки заполярной слюды — мусковита, названного так в честь Москвы, как в старину иноземцы величали Россию.

Минералы, минералы, минералы... Несть им числа! Почти ежегодно Международная комиссия по новым минералам дает права гражданства находкам Кольского полуострова. В особой витрине хранятся впервые открытые здесь мурманит, шизолит, ломоносовит, ферсманит, лабунцовтит (в честь геолога А. Н. Лабунцова, работавшего вместе с А. Е. Ферсманом), куплетскит (в память Б. М. Куплетского, исследовавшего горные богатства полуострова с 1917 по 1945 год)... А сколько еще неизвестных минералов, тех, что ждут своей очереди попасть в заветную витрину!

Выхожу из музейного здания на шумный, оживленный, освещенный заполярным солнцем Ленинский проспект. «Он Мурманск пересек, широк и прям», — сказал поэт.

В любом другом городе кого удивишь многоэтажными зданиями, витринами, асфальтом, троллейбусами, неоновыми рекламными? Кого удивишь бульварами и скверами? Все это привычно, просто, обыденно... Но здесь, почти в четырехстах километрах к северу от Полярного круга, это вызывает удивление и уважительное отношение к увиденному. Особенно к зелени.

Два ряда деревьев и кустарников обрамляют проезжую часть проспекта.

«Глубокоуважаемый Владимир Леонтьевич! Не откажите указать мне, какие именно породы трав, мхов, кустарников и деревьев могли бы в районе Мурманска быть насаженными и какое лицо либо учреждение могло бы с успехом осуществить практически подобную задачу».

С этим письмом в октябре 1917 года обратился к будущему президенту Академии наук СССР В. Л. Комарову инженер В. Фигель, начальник изысканий и подготовительных работ по устройству поселений Мурманска.

Рекомендации были получены, и на немощенных мурманских улицах, на пустырях и южных склонах сопок зазеленели высаженные рябина, черемуха, ольха, береза, можжевельник. С 1931 года начался систематический поиск новых для Севера растений, который проводит размещенный вблизи Кировска Полярно-альпийский ботанический сад, единственный в мире за Полярным кругом. Отсюда по всей Мурманской области расселяются новоселы зеленого царства.

Природа порой придает некоторым здешним деревьям причудливую форму. Только здесь можно встретить березу, удивительно напоминающую своим видом старую яблоню: толстый, короткий ствол, раскидистая крона. Или ель в «юбке» из густых ветвей, словно балетная пачка, надетых на нее у самой земли; выше начинается голый, обглоданный поземками ствол, лишь у вершины увенчанный щедедушной кроной.

Зеленый наряд Мурманска погиб в огне гигантского пожара, когда 18 июня 1942 года фашисты подожгли город. Плающие толевые крыши, подхваченные ветром, переносили огонь с одного деревянного дома на другой, каменных домов почти не было.

Но на землю Мурманска за всю войну ни разу не ступила вражеская нога, хотя гитлеровцы отвели на захват города три дня. А стояли на подступах к нему три года. По случаю предполагаемого взятия Мурманска немецкое командование отпечатало пригласительные билеты на банкет в ресторане «Арктика». Билеты остались неиспользованными. Их находили потом в карманах немцев, убитых в нескольких десятках километров от города — самом близком расстоянии до ресторана «Арктика», на которое смогли подойти непрощенные «гости».

На всем гигантском фронте, протянувшемся от Черного до Баренцева моря, только возле Мурманска врагу не удалось перейти государственную границу, и всю войну стояли там наши пограничные столбы. Один из них, под номером сто шестнадцать, я видел в краеведческом музее. Его привезли туда с полуострова Рыбачий.

Многое в Мурманске напоминает о Великой Отечественной войне.

Артиллерийское орудие на высоком постаменте, то последнее, единственное, которое уцелело. Из него стреляли по врагу

воины шестой батареи, защищавшие подступы к Мурманску. Они стояли насмерть в пятидесяти километрах от него, на развилке трех дорог. На этом месте в день двадцатилетия Победы собрались жители города и окрестных сел, солдаты, моряки, ветераны войны. Вспыхнули костры, и их пламя на бронетранспортерах торжественно привезли в Мурманск, на Ленинский проспект, к орудию шестой батареи. Там был зажжен вечный огонь.

А через десять лет на улице Челюскинцев открыли еще один монумент. Вот он передо мной: незакатное полярное солнце освещает символическую бетонную руку, в которой покоится земной шар. Внизу подпись: «В память о совместной борьбе стран антигитлеровской коалиции против фашизма во время второй мировой войны».

На открытие памятника приехали представители США, Великобритании, Австралии, Канады, соседней Норвегии. Адмирал в отставке Сэмюэл Фрэнкел, во время войны руководивший американской миссией в Мурманске, возложил венок на могилу трех американцев, не вернувшихся из Мурманска на родину. На Мурманском кладбище лежат еще двадцать погибших от бомбежек иностранных моряков. Да, три и двадцать... Я не знаю числа жертв среди гражданского населения Мурманска, но знаю другое: на каждого жителя города за время войны пришлось по шесть фашистских бомб!

Памятник Герою Советского Союза Анатолию Бредову, до войны рабочему мурманской судоверфи, а в войну комиссару роты. Бредов стоит в центре города на огромном валуне. В последний миг своей короткой жизни он бросает единственную оставшуюся гранату, чтобы подорвать себя и врагов...

Есть неповторимая прелесть в том, чтобы бесцельно бродить по незнакомому городу, идя «в никуда», стараясь отыскать что-то интересное, на чем хочется задержать взгляд. Но на этот раз «срабатывает» не зрение, а слух. Кто-то невидимый играет популярную мелодию на слова «Прощайте, скалистые горы». Потом слышится шум моря, крики чаек, удары в рынду — корабельный колокол, и наступает тишина. Я подхожу ближе и вижу высокую, блестящую на солнце стелу, поставленную перед Домом междурейсового отдыха моряков. Ее соорудили рыбаки тралового флота в память своих погибших товарищей. Их было много, тех, кто не капитулировал, не сдался на милость врагу, а ушел непобежденным под воду.

Идут мимо моряки, останавливаются, снимают форменные фуражки.

— Памятный знак «Туману», — говорит один из них.

Сторожевой корабль «Туман», а до войны мирный рыболовный траулер «Лебедка», призванный в состав Северного флота, принял бой с фашистскими миноносцами. Раненный одиннадцать раз, он продолжал сопротивляться и отверг предложение о сдаче. «Туман» ушел на дно Баренцева моря, не спустив флага и приумножив славу крейсера «Варяг». Было это 10 августа 1941 года. С развевающимся на гафеле флагом опустился в морскую пучину «Пассат», изрешеченный фашистскими эсминцами и тоже отказавшийся сдаться на милость врагу.

Прошли годы. Отправляются на промысел и возвращаются с уловом в родной порт «Туман-2», «Пассат-2», другие двойники погибших. Бороздят моря и океаны рыболовецкие суда, от обычных траулеров и до плавучих рыбозаводов. «Отсюда уходят, чтобы вернуться. Сюда возвращаются, чтобы снова уйти».

Нелегко осмотреть километры причалов, трудно обойти все расположенные тут же, на берегу залива, цехи рыбокомбината и уже совсем невозможно побывать на всех стоящих борт о борт судах. Надо что-то выбирать. Для этого у меня есть знающий и доброжелательный помощник. Я вспоминаю, как познакомился с ним в областном комитете партии. В день приезда я по старой журналистской привычке зашел туда и позвонил помощнику первого секретаря.

— Я очень занят сейчас, но вы гость, и я к вашим услугам,— послышался в трубке густой, спокойный голос.

Через несколько минут я разговаривал с крупным, седым и добрым человеком, который, отложив на время все дела, стал нажимать на кнопки и просить к телефону тех работников, которые могли мне в чем-то помочь. Вскоре в кабинете собрались заведующий отделом рыбной промышленности, заведующий сектором печати, еще какие-то люди. Все они с ходу стали обсуждать, что мне надо увидеть в их родном Мурманске.

— По городу, чтобы ознакомиться с его достопримечательностями, с вами поедет...

— В торговый порт мы вам выделим в помощь...

— Сопровождать вас в поездке в рыбный порт мы попросим товарища...

Этим товарищем оказался инструктор Олег Павлович Знаменский, инженер, окончивший Астраханский технический институт рыбной промышленности и хозяйства. Сюда он приехал в 1968-м, сначала думал, на три года, чтобы «отработать срок», но «прикипел» к Мурманску, полюбил этот город, его высокое небо, его пароходы, уходящие в двадцать восемь государств мира — сто семьдесят портов, его расцвеченные ли-

шайниками скалы, его синие сопки, строительные краны, его людей — и остался тут. Обзавелся семьей, квартирой, друзьями, книгами и стал одним из многочисленных жителей стремительно растущего города: каждое пятилетие здесь поднимается еще два довоенных Мурманска.

Главная улица Мурманска стала называться проспектом Ленина в день похорон Владимира Ильича. Старики рассказывают, что в тот тревожный день, в четыре часа пополудни, тишину, вдруг наступившую после страшной пурги, прервали длинные прощальные гудки паровозов и военно-сторожевого катера. И вдруг в эту траурную симфонию влились басы двух десятков иностранных судов — датских, норвежских, английских, шведских. Их моряки тоже прощались с Лениным.

...— Это не по дороге, но давайте заедем к Алеше, — говорит мой спутник.

В хорошую погоду Алеша виден из любой точки города и залива. Виден он и отсюда, поднявшийся во весь свой богатырский рост солдат, стоящий на самой высокой сопке Мурманска — Зеленом мысу, в том месте, мимо которого проходит каждый корабль. Во время войны с этой сопки была по вражеским самолетам зенитная батарея.

Дорога петлями идет в гору, и вот мы уже среди молодого парка, газонов, цветников, аллей, над которыми высится мемориал защитникам Заполярья. Никто не забыт, ничто не забыто!.. Безымянному вначале солдату с автоматом в руках жители Мурманска дали имя Алеша.

Монумент открыли 18 октября 1974 года. Десятки тысяч людей, которые пять месяцев трудились над созданием мемориального комплекса, двинулись от памятника Ленину к сопке Зеленый мыс. Впереди на двух бронетранспортерах моряки-североморцы везли капсулу с водой, взятой в месте гибели «Тумана», и землю с тех рубежей, где насмерть стояли защитники Мурманска, — из-под Кандалакши и из Долины Славы.

...Отсюда, с высоты Зеленого мыса, весь город словно на ладони. То белоснежные, то цветные корабли, заполнившие акваторию, порталные краны, железнодорожные пути, прижатые к заливу. А над ним широкие, все в зелени улицы, новостройки, овальная чаша недавно открытого стадиона, телевизионная вышка, заводские трубы. В свете яркого, незаходящего солнца все это смотрится отчетливо, контрастно, без полутонов.

Три цвета сейчас господствуют вокруг: голубой — воды, зеленый — сопки и кремовый, желтоватый — большинства новых зданий. Почти весь Мурманск вот в такой светло-желтой одеж-

де. Строители считают, что в долгую полярную ночь, когда ни на час не гасят фонари, желтый цвет зданий помогает городу выглядеть наряднее и веселее.

Но пора и в путь. Минуем стоящий у ворот знак с эмблемой порта — рельефным якорем и рыбой, еще некоторое время едем на машине, но вскоре из-за тесноты останавливаемся и продолжаем путь «пешим строем».

— Куда сначала, в цех, на судно? — спрашивает Олег Павлович.

— Все равно...

— Тогда в цех. А точнее, в холодильник.

Раньше мне казалось, что в холодильнике морозят разные продукты, чтобы не испортились, и в таком виде хранят их. Оказывается, там и «облагораживают».

Мы — в цехе вяления мойвы. Мойва — рыбешка невзрачная, малоценная, мелкая и, прямо скажем, не очень вкусная. Но ее в море много, и это заставило задуматься, как сделать ее вкуснее. Об этом впервые заговорили в январе 1974 года на городской партийной конференции и с трибуны обратились к ученым: найдите рецепт, чтобы из невкусной рыбы сделать вкусную. Ученые подумали и нашли.

В цехе, куда мы пришли, как раз и выпускают такую мойву — деликатесного вяления.

— Попробуйте, — предлагает девушка в белом халате.

Я осторожно откусываю кусочек рыбешки и вдруг чувствую, как по подбородку струйкой течет теплый жир.

— Ой, забыла вас предупредить! — девушка смеется.

В мойве до восемнадцати процентов жира, и, вяленную особым способом, ее охотно берут покупатели. Из мойвы делают также «шпроты», и как будто тоже довольно удачно.

Но для Баренцева моря, конечно же, главное не мойва, а извечная, столь любимая поморами, традиционная треска. Это для ее обработки сконструированы многие сложные машины. Вот одна из них захватывает в свою пасть рыбину, где-то в глубине обезглавливает ее, удаляет все кости и плавники, выдавая на другом конце чистое белое мясо. Двадцать четыре трески в минуту. Тут же аппараты для замораживания пельменей, машины, расфасовывающие в нарядные коробки филе, готовые сборную уху, двойную — из палтуса и окуня, и тройную — с добавлением все той же трески.

— Это старый цех, — говорит Олег Павлович. — Позднее мы с вами зайдем в новый, и вы увидите разницу. Кстати, новых цехов и заводов у нас гораздо больше, чем старых, доживающих свой век.

До нового цеха далеко, и мы сначала направляемся на стоящее поблизости судно — транспортный рефрижератор «Хибинские горы».

Узкий, шатающийся под ногами трап с толстым канатом, заменяющим перила, кажется бесконечно длинным. Олег Павлович говорит вахтенному матросу, кто мы и откуда, и через несколько минут первый помощник капитана показывает нам судно. Помощнику некогда, через несколько часов «Хибинские горы» уйдут в Атлантику; заканчивается погрузка, гудят лебедки, опуская в бездонную глубину трюмов соль, бочки, пустые консервные банки, продовольствие, круглые коробки с кинолентами...

— Последний рейс получился коротким, два месяца всего, — рассказывает первый помощник. — Как мы работаем, спрашиваете? Да обыкновенно. Приходим в район промысла и ждем. Подходят суда с уловом, берем у них свежую рыбу и домой...

Ну до чего же просто, до чего буднично и спокойно выглядит жизнь рыбаков из рассказа первого помощника капитана!

— А штормы были?

— Куда от них денешься...

А ведь и в шторм не прекращалась работа. Свирепые волны перекачивались через палубу траулера, прижавшегося к борту рефрижератора, выл ветер, падали от усталости матросы, которые сутки не покидал мостик капитан... В трюмы днем и ночью лился поток рыбы, чтобы тут же ее заморозить и сохранить. Не выдерживали кранцы (похожие не то на огромные сардельки, не то на авиационные бомбы), которыми с бортов обвешивается рефрижератор, чтобы защитить себя от ударов соседа. А зимой, в мороз, при сбивающем с ног лютым ветре, когда обледеневают, одевается шубой из снега каждая корабельная снасть!

Мурманский траловый флот ведет свое начало с весны 1920 года. В 1924 году из Архангельска сюда пришли первые шесть траулеров, предназначенные для круглогодичного лова. В 1931 году в Мурманске было сорок шесть промысловых кораблей, через три года — шестьдесят восемь. Сколько судов ловили рыбу в войну, учесть трудно: многие, подобно «Туману», стали боевыми кораблями, участвовали в конвоях и проводках караванов, эвакуировали гражданское население в тыл, помогали нашим войскам, удерживали Рыбачий, получали пробоины, горели и гибли... В 1956 году промысловые суда вышли в открытый океан, все дальше, дальше от родного порта, пока не достигли другого полушария Земли. Это были суда с неогра-

ническим радиусом плавания. Первый такой рейс совершил большой морозильный траулер «Серафимович» во главе с капитаном Андреем Филипповичем Тараном.

...Солнце не заходит, и с непривычки теряешь всякое представление о времени; только взглянув на часы, убеждаешься, что уже поздно, кончается рабочий день. Но Олег Павлович все же ведет меня на новый копильный завод.

Да, это не цех, где вялят мойву! В длинных, как школьные коридоры, помещениях царствуют конвейерные ленты, вкусно пахнет дымком. Это в особых печах без пламени обугливают опилки, и дым поступает в тоннели. Знаменский распаивает огромную, одну из множества, дверь, ведущую в тоннель, и мы видим медленно вращающийся решетчатый барабан, обвешанный множеством золотистых рыб. Конструкция печей настолько нова, что еще не успела попасть в учебники по обработке рыбы.

Домой мы возвращаемся поздно. Порт работает, для него нет ни вечера, ни ночи, ни выходных. Несколько десятков женщин с цветами толпятся на пирсе, очевидно ожидают судно, возвращающееся из долгого плавания. Перебрасываются между собой шутками, а сами все смотрят вдаль: не покажется ли долгожданный траулер.

Около южного причала стоит старое приземистое здание. Ничем особенным не выделялось бы оно из десятков других, если бы не вымпел, прикрепленный к фасаду: семь звезд на ярко-синем фоне. Я роюсь в памяти, стараясь вспомнить, что это за созвездие, но напрасно, и Олег Павлович подсказывает:

— Персей, правда слегка стилизованный. И нарисован он на флаге Полярного научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии. Название, как видите, длинное, и все пользуются сокращенным — ПИНРО. В этом здании — экспериментальный цех института. Очень советую побывать.

Институт носит имя почетного члена Академии наук СССР заслуженного деятеля науки и техники Николая Михайловича Книповича. Это его В. И. Ленин назвал «научной силой 1-го ранга». Они были знакомы, переписывались, встречались. Книпович, еще до революции известный ученый-ихтиолог, по мере сил помогал большевикам, предоставлял квартиру для сходов, для хранения литературы, шрифтов. «...На отзыв его можно и *должно* вполне положиться», — писал о Книповиче Ленин. Он консультировался с ученым по вопросам организации рыбных промыслов на Севере и одобрил мысль Книповича о том, что причиной упадка рыбного промысла в Баренцевом море явля-

ется не скудость природы Заполярья, а несовершенство организации промысла.

На фасаде здания ПИНРО висит мемориальная доска с барельефом В. И. Ленина и словами о том, что 10 марта 1921 года Председатель Совнаркома В. И. Ленин подписал декрет о создании плавучего Морского научного института (Плавморнина). «Районом деятельности Института,— указывалось в декрете,— определить Северный Ледовитый океан с его морями и устьями рек, островами и прилегающими к нему побережьями РСФСР, Европы и Азии».

Так начал свою трудовую деятельность институт, куда я захожу, чтобы встретиться с его директором.

— Да, наш институт — один из старейших в стране,— говорит директор.— И мы более полувека с гордостью носим флаг Персея.

О том, при каких обстоятельствах родился этот необычный флаг, я вычитал в книге воспоминаний ихтиолога Всеволода Аполлинарьевича Васнецова, сына художника-пейзажиста и племянника автора «Аленушки».

В начале двадцатых годов на белой полосе, опоясывающей черную трубу экспедиционного судна Плавморнина «Персей», появились семь главных звезд созвездия, которое дало судну имя. Оно родилось как символ победы добра над злом: герой древнегреческого мифа Персей бесстрашно отрубил голову злобной Горгоне. Под этим вымпелом корабль совершил девять экспедиций, ходил к берегам Шпицбергена, Земли Франца-Иосифа, Гренландии. В 1925 году, вспоминает В. А. Васнецов, родился и гимн «Персея», который молодые участники экспедиции пели на популярный тогда мотив «Мы кузнецы»:

Сквозь зыбь волны открыт «Персею»
Весь тайный мир морского дна,
Вперед, «Персей», на норд смелее —
Земля там Гарриса видна.

Эти строки написал участник экспедиции, тогда молодой геолог Сергей Владимирович Обручев...

— Кстати, вам известна судьба «Персея»? — спрашивает директор.— Во время последней войны он был переоборудован под госпиталь, и, несмотря на опознавательные знаки Красного Креста, его разбомбили фашисты. Потом у нас появился куда более совершенный «Персей-2». Сейчас плаваем на третьем по счету «Персее».

За институтом закреплены экспедиционные суда. Где только не побывала эта научная флотилия, работающая под звездным флагом Персея! В Баренцевом и Норвежском морях, в

районе Ньюфаундленда, у моря Баффина... Совместно с Норвегией, Исландией и Англией проведены комплексные исследования Норвежского и Баренцева морей по гидрологическим разрезам. Это значит, что одновременно в разных точках на всех судах определялись температура и соленость воды, содержание в ней кислорода, брались пробы планктона — составлялась возможно более полная характеристика обоих морей.

Главная цель, которую ставит перед собой институт, — дать рекомендации рыбакам, где и сколько надо ловить той или иной рыбы, чтобы не выловить «нечаянно» всю рыбу. Ведь рыбные богатства морей не безграничны. А в 1975 году в одном лишь Баренцевом море промыслили суда под флагами двадцати двух государств — Испании, Португалии, Франции, Норвегии, Швеции, Дании и многих других.

...Должно быть, уже давно истекло отведенное на встречу время, часто приоткрывается дверь, и кто-то многозначительно заглядывает в кабинет, а директор, увлекшись, рассказывает то об одной, то о другой проблеме.

— Главная наша сегодняшняя цель — обеспечить рациональное ведение промысла. Кстати, в июле пойдем обследовать наши участки. Хотите принять участие?

— Конечно, хочу. Но в июле я должен быть где-то на Таймыре или на севере Якутии.

— Жаль. Красота неопишущая. Кентовские краски. Фьорды, птичьи базары, в низинах целые поля морошки, которой наши коляны платили дань московским царям...

В ответ я только вздыхаю.

— Ну ладно. Тогда продолжим наш разговор о проблемах... Чтобы грамотно поймать рыбу, надо знать не только ее биологию, но и высшую математику, акустику, использовать электронно-вычислительные машины. Современный эхолот принимает сигналы с относительно небольшой глубины, а есть рыбы, и очевидно в немалом количестве, которые обитают на глубине до четырех километров. Как их взять? Два с половиной километра пока предел для лебедки, если глубже — не вытянуть улов. Дальше. Нужны более высокие скорости траления. Рыба плавает быстрее, чем движется трал. Или найдет какую-либо крохотную щель в снасти — и туда. Обдирает чешую до мяса, а протискивается. Как мы об этом узнали? Построили гидростат, потом другой снаряд, вроде подводной лодки. Опускались на разные глубины и смотрели.

...Гидростат мне показывает старший научный сотрудник лаборатории техники подводных исследований Михаил Львович Заферман. Сначала он увлекся подводной стереофотоъем-

кой, вместе с товарищами по лаборатории смастерил подводную фотокамеру, а затем занялся гидростатами.

В мастерской лежит ветеран — «Север-1», верой и правдой прослуживший более пятнадцати лет. «Бочка с веревкой», как его зовут шутя, этакий стальной цилиндр трехметровой длины с пятью иллюминаторами. В нем опускается наблюдатель, стараясь попасть прямо в рыбный косяк. «Бочка» не шумит, висит неподвижно, и рыбы ее не боятся. Включи прожектор и смотри через круглое окошко, фотографируй, зарисовывай. Правда, внутри не очень тепло — летом восемь — десять градусов, зимой — три-два. Для наблюдения не требуется никакой особой подготовки, и оно доступно каждому.

А посмотреть есть на что! Феерическим светом вспыхивают морские звезды. Светятся глаза морских окуней, скапливающихся у самого грунта. Спит треска, прижавшись брюшком к «земле». Камбала, работая плавниками, поднимает облачко ила, и оно, медленно опускаясь, обволакивает ее всю, скрывая от врагов. Садится на свой подогнутый хвост и отдыхает зубатка. Пикша, словно свинья, роется носом в морском иле...

Но не эти красоты были, понятно, главным в наблюдениях из гидростата. Выяснилось, например, что толщина слоя трескового косяка достигает шести метров, а трал разезает пасть на ширину вдвое меньшую. Что треска и пикша менее пугливы, когда находятся у грунта, чем в толще воды... Что на глубине нескольких километров встречается столько рыб, креветок, кальмаров, что это скопище напоминает живую уху. Что бы достичь такой глубины, понадобился снаряд куда более совершенный и сложный, чем гидростат. Его назвали «Север-2». Впервые в нашей стране он опустился на глубину две тысячи двадцать метров, в одну из впадин Черного моря.

— Приглашаю на дегустацию, — сказал директор во время первой нашей встречи.

Дегустировать предстоит блюда, приготовленные в одной из лабораторий института.

Пирожки, а из других «деликатесов» чебуреки, палочки, пельмени, а также весьма аппетитная на вид лапша, хлеб лежат на тарелках, которыми уставлен покрытый скатертью лабораторный стол.

— Прошу откусать! — жестом гостеприимного хозяина директор приглашает к столу.

Из лаборатории мы идем в экспериментальный цех, в котором получили путевку в жизнь сконструированные сотрудниками ПИНРО десятки разных станков: для разделки сай-

ки; для разделки тресковых рыб на тушки; для сортировки, расфасовки, упаковки. Свой особый станок для каждой породы рыб. Рыбонасос, который демонстрировали на международной выставке «Иррыбпром-75». На промысловых судах печень из трески извлекают вручную, особой формы ножом — «камбалкой». Это трудно и дорого. В ПИНРО для этой цели создали машину и опробовали ее рядом с зарубежной. Наша оказалась лучше.

...Дни бегут быстро, стремительно. Пора бы и распрощаться с гостеприимным Мурманском, но я узнаю, что вот-вот в порт придет атомоход «Арктика», и откладываю свой отъезд.

Наконец Олег Павлович сообщает, что «Арктика» стоит у причальной стенки, и я отправляюсь в порт.

Когда вахтенный приводит меня в огромную каюту к плотному сидящему человеку за письменным столом, я почему-то решаю, что передо мной первый помощник капитана.

— Капитан! — с шутливой строгостью в голосе восклицает приподнявшийся с места Юрий Сергеевич, исправляя мою невольную ошибку. — Ка-пи-тан, — повторяет он уже по складам.

Есть у этого южного человека с усами что-то очень доброе во взгляде, в голосе, даже в пресловутой кавказской вспыльчивости, которая не содержит раздражительности, а лишь недоумение, как это я не знаю, что передо мной сидит бывший капитан атомохода «Ленин» и нынешний капитан «Арктики», «сухопутный» осетин, связавший свою судьбу с морским флотом. Такие сведения не раз приводились в печати, и, естественно, мне полагается о них знать.

Разговор продолжается, перемежаясь шутками, которые, судя по всему, любит капитан. И, уже перейдя на серьезный тон, он рассказывает о навигации, о проводке судов, о своем атомоходе, о том, какая нужна ювелирная точность, чтобы обколоть лед вокруг застрявшего парохода, или как опасно идти во льдах впереди наступающего тебе на пятки транспорта.

— Мы тоже можем на какое-то время застрять в торосах, а сзади, очень близко, идет тяжелое судно. Чуть замешкайся на ледоколе, и оно врежется в тебя, не в силах погасить инерцию. Вам понятно?

Разговор постепенно становится все более дружеским, особенно после того как Юрий Сергеевич узнает, что я окончил тот самый железнодорожный институт, в котором он начинал

учиться, но вскоре оставил и уехал на Диксон. С этого и началась его морская биография.

— Семь месяцев в году толкаться во льдах — норма это или нет? — капитан смотрит на меня в упор, будто я немедленно должен ответить на поставленный ребром вопрос. — Люди держатся на нервах, но держатся, черт побери, потому что так надо! Вот готовят сменные экипажи, тогда будет порядок... У нас многие могли бы плавать за границу, а они плавают на ледоколе. Привычка? Нет! У людей сильно развито чувство долга!

Разговор затягивается, но не капитан, а я украдкой поглядываю на часы: мне неловко отнимать время у очень занятого человека. Юрий Сергеевич замечает это и нажимает на селекторе кнопку. В каюту заходит старший помощник капитана.

— Надо показать гостю пароход, — говорит ему Кучиев.

Чтобы как следует осмотреть такую махину, как «Арктика» (около тысячи трехсот разных помещений), нужен не один день, но таким временем ни я, ни мой гид не располагаем, и знакомство с атомоходом идет по весьма укороченной схеме. И все равно судно поражает своими размерами, отделкой, удобными каютами, салонами отдыха, обычной и финской банями, спортивным залом, бассейном с морской водой, амбулаторией и операционной и, конечно же, центральным пультом управления.

В этом большом, сверкающем приборами зале стоит благоговейная тишина. Все внешне обычно, как на любой электростанции, на «Северном сиянии», и в то же время все необычно, потому что сердце ледокола питается энергией расщепленного атома урана.

Старший помощник идет за ключом, отмыкает железную дверь, и мы входим в коридор, откуда через окно в стене открывается внизу вид на атомный реактор. Словно гигантский паук, оперся он своими могучими лапами о пол. Тускло блестит металл. Косы кабельных жил сначала идут вместе, а потом разбегаются в стороны. Сюда заходят редко и обязательно в белой одежде, которая хранится в специальном помещении. Множество точнейших приборов непрерывно фиксируют, нет ли опасности. Опасности нет. Уровень радиации на судне во много раз меньше, чем от солнца.

Через час, прощаясь с капитаном, я выслушиваю его дружеское напутствие.

— Когда будете писать о любви к Арктике, помните, что на первом месте стоит не любовь, а долг. Здесь трудно, очень

трудно. Вот пишут: «Я люблю шторм». Это же чушь! Нормальный человек не может любить шторм, разве что глядя на него с набережной или рассматривая картины Айвазовского. И пожалуйста, поменьше обо мне. Последнее время в статьях о нашем пароходе слишком много внимания уделяется капитану. Пишут, в частности, что он «мал росточком». В свое время много писали об одном американском полярном летчике, делая упор на то, что он одноглаз. Вы думаете, ему приятно было читать, а?

Но пора в путь. Время идет, а впереди еще очень длинная дорога.

У меня в кармане лежат служебные авиационные билеты с красной полосой на весь мой путь — от Мурманска до Владивостока через многие арктические воздушные порты. Эти билеты по просьбе журнала «Октябрь» мне выдали в Министерстве гражданской авиации. Проще всего сесть на рейсовый самолет и через несколько часов оказаться ну хотя бы в Нарьян-Маре.

Но тут снова вступает в силу закон северного гостеприимства. В обкоме партии мне говорят, что есть возможность часть пути проделать на грузовом судне, отправляющемся послезавтра на Диксон.

— Теплоход «Приморск». Свяжитесь с капитаном Корешковым или с первым помощником Богдановым. Мы с ними договорились, и вас впишут в судовую роль.

В Мурманске пока нет приморских бульваров, набережных и все берега залива отданы портам.

Торговый порт Мурманска. Это о нем говорят: «Ворота в Арктику». Впрочем, в Антарктику тоже. Знаменитый дизель-электроход «Обь» отсюда направляется к пятому континенту.

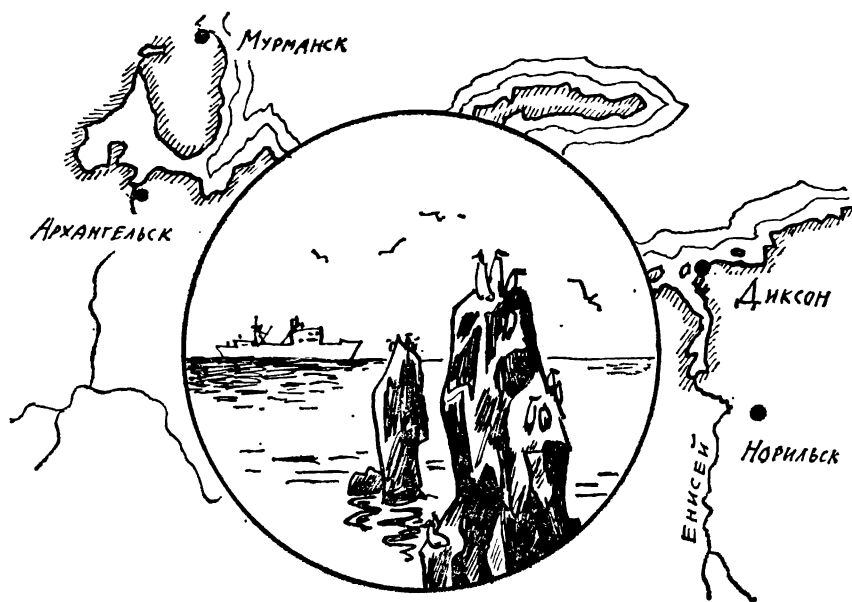
К Мурманскому порту был приписан «дедушка русского ледокольного флота» — легендарный «Ермак». Торцовая стена краеведческого музея превращена в памятник кораблю. На фоне мозаичного панно — забитого льдом океана — подлинный якорь с «Ермака». А в самом музее — бронзовые, надраенные до блеска буквы: «ЕРМАК», — снятые с борта ледокола, рулевое колесо, колокол с надписью: «Ермак. 1899».

Последние четырнадцать лет своей долгой жизни ледокол базировался в Мурманске. Здесь была и его последняя стоянка, в январе 1965 года. Потом старый ледокол разрезали.

«Литке», «Георгий Седов», «Красин», «Сибиряков» — кому не знакомы имена наших прославленных арктических судов, швартовавшихся у мурманских причалов!

Трижды посещал Мурманск крейсер «Аврора», всякий раз встречаемый восторженной толпой жителей. «Сегодня военморы «Авроры»... среди нас, а мы — с ними. Да здравствует авангард морского отряда Мировой Революции!» — так приветствовала команду крейсера газета «Полярная правда» в июне 1924 года.

Отсюда уходил в последнее плавание «Челюскин». Начальник полярной экспедиции на корабле Отто Юльевич Шмидт сказал перед отходом: «Северный морской путь мы окончательно закрепим, и Мурманск будет его началом».

ГОРОДОК НЕ ВЕЛИК И НЕ МАЛ

«Приморск» — одно из тех судов, которые работают на западном отрезке Северного морского пути. Не без труда я нахожу теплоход среди множества других, заполнивших причалы, — советских, шведских, финских, английских, итальянских.

Вахтенный матрос, стоящий у трапа, вверху, уже знает о новом пассажире и провожает меня к капитану.

— Каюта врача свободна. Можете устраиваться, — говорит Виктор Платонович Корешков.

Внешностью он походил бы на помора, если бы не был таким живым и подвижным; поморы, по-моему, отличались степенностью и спокойствием. Корешкову же не сидится на месте, он все время ходит деловым шагом то по своей каюте, то по палубе, смотрит в бинокль, на ходу отдает распоряжения, интересуется, все ли готово к отплытию.

Отплываем рано утром. Я просыпаюсь от громкого начальственного голоса, доносящегося из репродуктора в моей докторской каюте:

— Палубной команде стоять по местам швартовки!

Наскоро одеваюсь и иду на капитанский мостик; вчера Виктор Платонович разрешил мне заходить сюда.

За ночь на залив напал туман, но сейчас он, к счастью, рассеивается, и сквозь него проглядывает большое безостановочное солнце. Погрузку закончили еще в полночь: наполнили трюмы продовольствием для Диксона и какими-то станками в ящиках для Нарьян-Мара. Неподалеку на огромный теплоход с грохотом и скрежетом всю ночь грузили уголь для полярных зимовок.

— Прямо руль... Руль прямо! — слышу я негромкий голос капитана. — Отдать шпринг!

Сверху, с высоты мостика, хорошо видно, как матросы выполняют команды. «Приморск» медленно, словно ему жаль расставаться с Мурманском, отходит от причала и выходит на свободную воду.

«Сохранно плавать вам по студеному морю!» — напутствовали бы нас в старину поморы, но я слышу лишь короткое:

— Так держать!

— Так держать! — повторяет старпом команду.

И вот мы уже идем полным ходом. Крутые скалистые берега залива поражают своим первозданным, диким величием. Серые, наваленные друг на друга камни кое-где подернуты скудной зеленью и пестрыми пятнами лишайников. На южных, открытых солнцу склонах растет березовый стланик. С нависших над водой камней спускаются зеленоватые водоросли, похожие на бороду лешего.

Вспоминается рассказ одного мурманского краеведа. Этим заливом, только в обратном, чем мы, направлении осенней ночью 1922 года плыла рыбацкая лодка, на которой, поеживаясь от холода, всматривался в темноту — не покажутся ли спасительные огоньки Мурманска? — великий датский писатель Мартин-Андерсен Нексе. Этим трудным путем он пробирался в нашу страну, чтобы принять участие в работе четвертого конгресса Коминтерна.

Минуем гавань слева. Впереди море. Я вспоминаю, что в соседней Кислой губе находится единственная в стране приливная электростанция. Но «Приморск» идет мимо, и мне остается лишь мысленно побывать там, где с 1968 года работает опытная ПЭС.

...Кислая губа соединяется с морем узкой щелью, пропиленной за миллионы лет в скале волнами моря. Точно в назначенный срок начинается одно из чудес природы — прилив. Воды Баренцева моря неудержимо устремляются в губу. Это особенно красиво ночью, когда они фосфоресцируют, искрятся, игра-

ют холодным светом. Поток бурлит, ему тесно. Узкое горло Кислой не в состоянии пропустить всю напирющую с моря воду, и в самом узком месте губы образуется перепад. Но вот напор стихает, вода успокаивается — прилив достигает своего максимума, — а через несколько минут просыпается снова, разбуженная начавшимся отливом: через узкую щель вода опять устремляется в море. И так было века! Даровая, не зависящая от погоды и времени года огромная энергия пропадала зря. Теперь ее обуздали. Правда, всего лишь какую-то ничтожную долю ее, но все же...

Из рассказов мурманчан, из книг и газет я зримо представляю ее, нашу единственную пока, первую ПЭС, — приливную электрическую станцию, построенную по проекту энтузиаста Льва Борисовича Бернштейна. Серое аккуратное здание, возвышающееся посреди ослепительно синей, прозрачной воды, на дне которой в отлив хорошо видны камни, устилающие русло. Два бетонных крыла соединяют станцию с отвесными берегами, облизанными морем. Дом для обслуживающего персонала. Ни кустика, ни деревца вокруг, лишь мхи да лишайники, лишайники да мхи...

До Кислогубской была построена только одна ПЭС — во Франции. Скептики называли эту затею «экономическим безумием», «дорогостоящим капризом». Президент де Голль назвал станцию «выдающимся сооружением века».

Наша ПЭС по своей мощности не идет в сравнение с французской, и тем не менее она стала объектом внимательнейшего изучения как советских, так и зарубежных специалистов. Здание станции вместе со всей «начинкой» соорудили не в необитаемой Кислой губе, а рядом с индустриальным Мурманском и в готовом, смонтированном виде отбуксировали за сто километров, к месту постоянной прописки. Это было удивительное зрелище. словно под руки, вели два буксира изящную громаду из бетона и стали, похожую на мощный океанский корабль. На здании станции была устроена временная штурманская рубка, капитанский мостик, а на высокой мачте развевался красный флаг.

Пока я предаюсь этим размышлениям, наш «Приморск» покидает Кольский залив и выходит в открытое море. Я все еще стою на капитанском мостике и любуюсь безбрежной морской равниной. Сейчас она спокойная, темно-синяя и лишь слегка распахана волнами, которых, к счастью, почти не замечает наше судно.

А ведь по сути дела это уже самый настоящий океан — Северный и Ледовитый. Появляются и медленно плывут льдины

причудливых очертаний. Одна из них, огромная, так сверкает на солнце свежим изломом, что на нее больно смотреть. Постепенно льдин становится все больше. Кромка льда отчетливо просматривается на экране локатора. Виктор Платонович, оборотясь лицом к востоку, долго рассматривает ее в бинокль. Следует короткая команда, и мы, свернув с рекомендованного курса, идем прямо на север: там виднеется чистая вода.

Погода благоприятствует нам. Ни шторма, ни зыби, какое-то особое великое однообразие. Все время одно и то же: ровный шум двигателя, мерное подрагивание корпуса судна, спокойные волны за бортом. Корабль отбрасывает от себя в стороны белую пену. Клубясь, она разбивается в брызги и тогда кажется зеленоватой.

«По дороге» у нас будет прибрежное поселение Индига. Мы его не увидим, потому что пройдем далеко от берега.

Я ровным счетом ничего не знал об этом населенном пункте на Тиманском берегу Баренцева моря, до тех пор пока в прошлом году судьба не свела меня с одним очень интересным человеком — Эдгаром Артуровичем Норманом. Случилось это в моем родном городке Стародубе Брянской области, где я провел лето, немного отдыхая и немного работая. Работал я в районной библиотеке; очень милые и предупредительные сотрудницы отвели мне отдельную комнату, в которой я мог стучать на машинке, и по первой моей просьбе приносили нужные книги из тех, что имелись в библиотеке.

В тот день в читальном зале работала Галина Алексеевна Курбатова, она и сообщила новость:

— К нам сейчас записался один приезжий, инженер Норман. Между прочим, швед по национальности. Это я из его паспорта узнала. Попросил что-нибудь о Брянском крае. Так я ему ваши «Листья дуба» дала.

На почве этой книги и состоялось вскоре мое знакомство с Эдгаром Артуровичем, как и я, приехавшим на лето в Стародуб. У нас нашлось несколько точек соприкосновения. Оказалось, что он тоже «болеет Севером»; тоже, как и я, инженер-железнодорожник. Много лет работал по проектированию Байкало-Амурской магистрали. Его цепкая память держит уйму интереснейших историй, касающихся транспорта.

Последнее время его внимание приковано к Индиге, где предлагает он построить морской порт, круглый год доступный для океанских судов. Об этом инженер Норман опубликовал интересную статью в «Известиях Сибирского отделения Академии наук СССР» — «Порт Индига — морские ворота Сибири и Урала».

О том, что такой порт нужен стране, писали и раньше. Нужда в нем особенно усилилась после открытия на Севере месторождений нефти, газа, полиметаллических руд, которые пока вывозятся главным образом по Енисею и Карскому морю — путем, доступным для судов лишь несколько месяцев в году.

Сооружение порта в Индиге сразу бы решило эту транспортную проблему, облегчило бы экспорт лесоматериалов, газа, нефти и других материалов, пользующихся устойчивым спросом на международном рынке.

— Морские суда, идущие зимой в Индигу из портов Атлантического океана, — рассказывал мне Норман, — будут сначала проходить по чистой воде или по разреженным льдам. Сплошной лед покажется только в пределах берегового припая.

Естественно, что порт оправдывает себя лишь в том случае, если к нему будут подведены удобные транспортные пути. Для этого Норман предлагает построить в Индиге железную дорогу и трубопроводы. Железная дорога прежде всего должна соединить новый порт с Соликамском. Но с действующей железнодорожной сетью она встретится гораздо раньше, где-то посередине пути, на линии Котлас — Воркута. В дальнейшем можно было бы продолжить дорогу до Сургута и далее через Нижневартовск до Маклакова на Енисее, уже связанного железной дорогой с Ачинском.

Я слушал рассказ Эдуарда Артуровича и зримо представлял себе эти далекие места, в которых не раз довелось побывать с геологами еще в то время, когда кругом была пустота и зверь встречался чаще человека. Сейчас Надым, Нижневартовск, Сургут — большие современные города с многотысячным населением.

Да, удивительно смелый, интересный, сулящий немалые выгоды проект! Вот и ожил в моем воображении крошечный кружочек на карте — Индига, мимо которой, как утверждает наш штурман Алексей Анатольевич Королев, мы как раз и проходим в эти минуты. Я смотрю на юг, но, кроме воды и льдин, не вижу ничего.

Уже поздний вечер. Вода в океане кажется маслянистой и почему-то двухцветной — где синей, где желтой, попеременно. Над горизонтом висит огромный, хорошо надраенный солнечный пятаяк, и его отражение в воде напоминает лужицу расплавленного металла. Небо высоко, чисто, прозрачно, и краски его меняются от багровой у горизонта и до голубовато-зеленоватой в зените.

— Идите спать. Утром будем в Нарьян-Маре, — говорит первый помощник капитана Игорь Алексеевич Богданов. —

А ведь хорошо, правда? — он показывает взглядом на закатное небо. — Только в Арктике такое и увидишь.

Спать что-то не хочется. В каюте слегка пахнет лекарствами. Отдергиваю занавесочку на иллюминаторе. Пароход немного покачивается, и в такт с ним движется вверх-вниз четкая линия, отделяющая воду от неба. Тихонько мурлычет радио, оно не выключается: вдруг что-нибудь случится и потребуются объявить аврал или тревогу...

Я так и не заметил, когда мы повернули к югу — в Печорскую губу, когда вошли в Печору. Пейзаж резко изменился: по обеим сторонам тянутся низкие берега — на востоке Большеземельской, на западе Малоземельской тундры. Между ними несет свои воды к океану могучая Печора. Мелкие кустики ерника да ивняка среди мохнатого болота...

Ледоход закончился, наверное, не так давно, на берегах еще громоздятся льдины, выброшенные паводком бревна от разбитых плотов. Навстречу плывут островки битого льда. Их еще немало.

Мы осторожно идем по одному из двадцати протоков Печоры, той самой Печоры, которую собираются повернуть вспять, чтобы она напоила мелеющий Каспий.

Долго путь судна по дельте в эту раннюю паводковую пору. Наконец впереди показываются контуры города, вытянутого вдоль реки. Это и есть центр Ненецкого национального округа Нарьян-Мар, «городок не велик и не мал», как поется в популярной песенке.

Мы долго и трудно швартуемся, теплоход как бы умащивается у стенки, принимая наиболее удобное положение. Нашим соседом оказывается «турист», привезший любителей северной экзотики. Они пойдут сперва к Диксону, а затем по Енисею до Игарки.

Построить где-либо в дельте Печоры порт пытались еще в середине прошлого века. Архангелогородец А. Деньгин, человек, по всей видимости, предприимчивый, долго обивал пороги губернских учреждений, носясь со своим проектом. Затея, однако, показалась властям абсурдной. «Печора двести семьдесят дней в году скована льдом, а вы хотите там сооружать порт!»

Величественно и широко разлилась Печора. Залита водой дорога, связывающая аэропорт с городом. Вовсю работают лодочные переправы. Вода подошла к лесной бирже, многие дома тоже стоят как бы на островах. Видны верхушки затопленных заборов.

По тундре гуляет пронзительный ветер, поднимается метель, и мокрый снег слепит глаза... Конец июня. Ветры здесь вообще с норовом: дуют с той стороны, где холоднее: зимой с суши, летом — с моря.

...Наш теплоход простоит здесь день-другой, и, пока есть время, я отправляюсь в город.

С давних пор это место прозвали Белощельем, должно быть, за обильные россыпи светлого песка. Никто тут не жил оседло, лишь в пугину ставили свои чумы ненцы, чтобы половить семгу. Первое «деревянное стойбище» здесь поставили в 1929 году, а через шесть лет заметно подросший поселок преобразовали в город Нарьян-Мар, что в переводе означает «красный город». «...В сравнительно короткий промежуток времени,— писала об этих днях окружная газета «Нарьяна Вындер»,— выросли десятки домов, и наметился контур большого заполярного города».

С причала я схожу на деревянные мостки, зигзагами уходящие вдаль. При каждом шаге из щелей между досками предательски бьют вверх фонтанчики ледяной ржавой воды. Стоят деревянные домики, очевидно доживающие свой век. С лесозавода доносится запах свежих стружек, опилок. Пахнет дымом: в домах топят печи.

Это окраина Нарьян-Мара. Вскоре начинается его центральная часть — широкая и красивая улица, мощенная бетонными плитами. Неправдоподобно зеленая травка обрамляет деревянные тротуары. Очень интересны некоторые дома — с балконами, мансардами, башенками наподобие ненецкого чума. Все это любовно выпилено, вырублено, выстругано из дерева, а потом раскрашено в яркие цвета. Не слишком много прохожих, не слишком много машин, и во всем облике Нарьян-Мара чувствуется домашний уют, обжитая неторопливость.

Все в мире относительно. Для Большеземельской тундры, для того места, где еще не так давно кочевали пастухи со стадами оленей, где плюсовая температура держится всего девятью днями в году, это действительно большой город.

За неимением в продаже путеводителя по Нарьян-Мару я листаю городской телефонный справочник. Опытная сельскохозяйственная станция. Краеведческий музей. Дом народного творчества. Кинотеатры. Зооветеринарный техникум. Педагогическое училище. Три порта — морской, речной и воздушный. Мясокомбинат. Тепличное хозяйство. Рыбообрабатывающий, молочный и лесопильный заводы. Что ж, не так и мало для города, вблизи которого пока не вскрыты полезные ископае-

мые, позволившие за считанные годы подняться Норильску, Заполярному, Сургуту, Нефтеюганску.

Хотя...

Секретарь Ненецкого окружкома партии Анатолий Дмитриевич Артеев не спеша подходит к полке и достает оттуда бутылку, наполненную черной маслянистой жидкостью. На бутылке — наклейка с надписью: «Скважина № 1. Проба нефти, полученной из отложений среднего девона. Дебит... Удельный вес... Вязкость... Температура застывания...» И внизу, уже совсем по-домашнему: «Придет время — дадим столько, сколько потребуется. 26 марта 1971 года».

— Да, это наша самая первая нефть, — мечтательно говорит секретарь. — Вы понимаете, какое это может иметь значение! Будет промышленная нефть — да она есть уже! — и край и город наш изменятся до неузнаваемости...

Дата на бутылке — 26 марта 1971 года — переносит нас в дни, предшествовавшие XXIV съезду партии, когда НРЭ-5, Пятая нефтеразведочная экспедиция глубокого бурения, несла трудовую вахту. Делегат съезда, начальник Ухтинского территориального геологического управления Николай Титович Забродоцкий улетел в Москву с рапортом о первом успехе экспедиции.

— Четыре года с тех пор прошло, — говорит секретарь. — За это время развернулись геологи и буровики. Скоро начнем добычу.

Экспедиция организовалась в апреле 1968-го. Постепенно она крепла, расширялась, а на окраине Нарьян-Мара вырос большой поселок геологов.

С трудом я добираюсь до него на окружкомовской машине, штурмующей первозданную, проложенную по тундре дорогу.

...Начальник экспедиции Юрий Николаевич Веретенников сидит за столом.

В кабинете в шкафу стоят колбы с нефтью, на полу — бутылки с «газированной» — минеральной водой, полученной из разных буровых. Тут же валяются серые, твердые цилиндры кернов. Стены увешаны структурными картами и схемами, глядя на которые можно узнать, чего добились геологи.

О том, что на Архангельском Севере есть нефть, знали еще три четверти века назад. Просматривая журнал «Живописная Россия» за 1901 год, я наткнулся на заметку: «В западной части реки Ижмы (приток Печоры), в Архангельской губернии, геологической партией министерства земледелия и государственных имуществ открыты площади нефтеносных земель». Но освоить, поднять нефтяную целину тогда не смогли...

Самый первый в Союзе газовый промысел был организован неподалеку отсюда, близ Ухты, в разгар Великой Отечественной войны. Таймырский Север, Якутский, Чукотский... Белое до Октябрьской революции пятно Русского Севера ныне во многих местах изучено с тщательностью, которой могут позавидовать многие центральные, испокон обжитые места нашей страны. И повсюду открытия...

Десять десятых общесоюзных запасов топлива расположено в районах Севера и Востока. На огромных просторах от Кольского полуострова до Берингова пролива разбросаны месторождения таких металлов, как вольфрам, молибден, никель, титан, — металлов, без которых нельзя достичь ни высоких скоростей, ни высоких энергий. Две трети общесоюзного гидроэнергетического потенциала тоже приходится на Север. Недра Севера хранят алмазы и золото.

Ненецкий округ тоже не обижен природой. В Канино-Тиманском районе — молибден, железо, горючие сланцы, красочные глины. «Красочные» — это не просто эпитет, а характеристика этого сырья для выработки красок. Есть уголь, торф, агаты...

В свете этих фактов становится особенно ясной политика нашего государства, наших научных и технических центров — приковать внимание к Крайнему Северу, освоить эту самую суровую, самую недоступную, самую редкую по населенности часть Союза, фасад нашей страны, как назвал Русский Север адмирал С. О. Макаров.

У каждого города, сколь бы маленьким он ни был, всегда найдутся свои достопримечательности, вехи, определяющие его становление и развитие. Так и в Нарьян-Маре. Разве можно забыть о том, что в мае 1936 года здесь приземлялся самолет Героя Советского Союза М. В. Водопьянова, совершавшего перелет Москва — Земля Франца-Иосифа? В этот арктический архипелаг самолет прилетел впервые в истории авиации. Что весной 1937 года в Нарьян-Маре базировалась следовавшая на Северный полюс экспедиция Отто Юльевича Шмидта? Тяжелые четырехмоторные самолеты сели на лед Печоры. Участников экспедиции встречало чуть ли не все население города. Для каждого самолета приготовили стоянку, а концы веревок для крепления намертво вморозили в лед реки. Город украсили флагами.

Следующие несколько дней погода была нелетная, и, чтобы скоротать время, математик и астроном академик О. Ю. Шмидт читал экипажам лекции по истории искусства и западной ли-

тературе, а ненцы устраивали для них вечера художественной самодеятельности...

(Из глубины памяти выплывают те апрельские дни, газетные известия, сперва скупые, осторожные, потом, после высадки на льдину, пространные и восторженные. Юность смотрит на меня с состарившейся страницы журнала «Вокруг света» тех времен. Записки штурмана И. Т. Спирина. «25 марта 1937 года краснокрылый четырехмоторный советский гигант нес меня на север... Быстро промелькнули Архангельск, Нарьян-Мар...»)

В истории этого города записаны и другие памятные даты.

1938 год: «Первая ненка — Евдокия Герасимовна Былко стала врачом». 1941 год: «В составе экипажа капитана Гастелло находился наш земляк Алексей Калинин». 1955 год: «По улицам города пошел первый автобус». 1958 год: «Над копром первой буровой вышки взвился красный вымпел. Положено начало планомерным поискам нефти и газа». 1969 год: «М. Я. Бармич, преподаватель ненецкого языка Ленинградского педагогического института имени Герцена, первый из ненцев получил ученую степень кандидата филологических наук».

...«Домой» на теплоход я возвращаюсь улицей Смидовича.

Ненецкий округ, как и другие национальные округа, как весь наш Крайний Север, очень многим обязан человеку, чье имя носит главная улица Нарьян-Мара, — председателю Комитета содействия народностям северных окраин при ЦИК СССР Петру Гермогеновичу Смидовичу. Соратник Ленина, старый большевик, профессиональный революционер, немало лет проведенный в царских тюрьмах и ссылках, инженер и ботаник, влюбленный в природу, мечтавший о том, чтобы всем на земле были доступны хлеб и розы, председатель Центрального бюро краеведения, он был тем первым «советским миссионером», который десять лет из своей не очень долгой жизни посвятил малым северным народностям, Северу, его пробуждению, развитию и расцвету. Рядом со Смидовичем (именно рядом, ибо он никогда не ставил своих товарищей по работе ниже себя), рядом с ним работали в Комитете такие замечательные люди, как Луначарский, Красин, Семашко, Житков, Кон, Ярославский, Тан-Богораз... Это было время, когда на Севере создавались фактории и культбазы, становились на ноги кочевые Советы, организовывались национальные округа. «Не только для народов Севера, но и руками самих народов Севера строили мы нашу работу». В этом весь Смидович. «Жалко ложиться и оставлять без переживаний эти прекрасные белые ночи, эти неподвижные зори, эти таинственные полутени». Не здесь ли,

на Ненецком Севере были записаны в дневник эти слова? «...Такой человек, как яркое пламя в темной ночи, притягивает и заставляет биться сердца людей, отвечающих ему такой же любовью и уважением», — сказал о нем М. И. Калинин.

И еще из письма Смидовича: «Последние несколько дней у меня страда: ежегодный пленум Комитета Севера. Из самых дальних мест люди, люди, которые ехали много времени... многие... из своей тайги или тундры ни разу не выходили. Люди, приехавшие со своими трудностями и недоумениями за ясными ответами. Ведь со времени VIII пленума прошло полтора года, и много, даже в этой замороженной дали, накопело. Создались новые округа и районы, в новые рамки въехала жизнь. И наполняет желание понять все и помочь на деле, помочь немедленно и по-настоящему».

О нем говорили в тундре: «Это большой наш человек! Это тот товарищ Калинин, который нас защищает! И никому не даст нас обидеть!»

В краеведческом музее висит его портрет: седой как лунь человек с голубыми, очень добрыми, юношескими глазами, наивно и восторженно («До чего ж хорошо жить на земле!») глядит на мир через очки в простенькой дуговой оправе. Греющая добрая улыбка освещает его лицо. Занимая высокие посты — председателя Моссовета, члена ЦКК, члена Президиума ВЦИК и другие, — он всегда оставался очень простым, душевным и человечным.

Из Нарьян-Мара мы отходим светлой солнечной ночью. Словно по заказу, утих ветер, разъяснилось. За какие-то считанные минуты нахлынуло тепло, и все преобразилось вокруг: берег, небо, городок «у Печоры, у реки».

Раздаются уже знакомые слова команды, три раза долго и прощально гудит «Приморск», снова ходит по мостику капитан, меряет шагами свою сияющую приборами рубку с полукруглием огромного окна.

Вблизи Нарьян-Мара проходит «граница распространения древесной растительности», как пишут в учебниках. Это означает, что севернее деревья уже не растут. Так оно и есть. Только карликовые березки, ивы, ольхи жмутся к земле, прячутся за кочки. Кричат нахальные чайки, стонет гагара. В музее мне сказали, что на одном из протоков Печоры весной скопляется множество лебедей: «Бело, будто молочная пена». Но это, конечно, не на судоходной дороге Городецкого Шара, по которой мы плывем, а где-то далеко отсюда, в спокойной тишине тундры...

— Спичек не найдется? — ко мне подходит молодой чубатый моряк, должно быть, из тех, кто впервые попал на Север.

Спичек у меня нет, но есть лупа, на всякий случай приобретенная в Мурманске. Я беру сигарету и навожу на ее конец солнечный зайчик, пока он не превращается в точку. И тут же начинает виться легкий пахучий дымок.

— Вот это да! — восторженно говорит моряк и машинально смотрит на часы. — Половина второго ночи!

...Чем ближе мы подходим к Новой Земле, тем больше встречается дрейфующих льдов — «ходячих по морю льдов», как назвал их Ломоносов.

В каждой льдине при известной доле воображения можно увидеть что угодно. Вот проплывает одна, совсем близко, очень похожая контуром на белую медведицу. От крутой волны, поднятой теплоходом, «медведица» с шумом переворачивается, и я вижу ее нижнюю ноздреватую поверхность. И что удивительно: только что тусклая льдина, вынырнув, изменила свой цвет, словно окрасилась в воде лазурью. Большой знаток арктических льдов Владимир Юльевич Визе говорил, что по цвету льда можно узнать его происхождение: если синий, — значит, из Атлантики, если зеленоватый — из Ледовитого океана.

Из-за льдов «Приморск» идет не прямо, а бесконечными зигзагами, удлиняя свой и без того немалый путь. Путь этот так замысловат, что на штурманской карте напоминает картину «броуновского движения».

Сменяются рулевые.

— Триста три сдал.

— Триста три принял.

— Счастливой вахты!

Вахта, однако, для сменщика не такая уж и счастливая. Неожиданно и очень быстро наползает туман, и «Приморск» погружается в воздушное молочно-белое месиво. По палубе нужно идти, вытянув вперед руки, чтобы ни на что не наткнуться. Раздается протяжный, какой-то тревожный гудок, это срабатывает включенный автомат. Теперь он будет гудеть каждую минуту до тех пор, пока не развиднеет.

Можно отправляться в каюту спать, все равно ничего не видно.

У трапа меня останавливает первый помощник капитана.

— Вам на Диксоне есть где остановиться?

Я пожимаю плечами.

— Нет, конечно. Но свет не без добрых людей.

— Совершенно верно, — отвечает Игорь Алексеевич и желает спокойной ночи.

Просыпаюсь я от осторожного стука в дверь.

— Скоро Карские Ворота,— сквозь сон доносится голос вахтенного матроса.— Просили разбудить.

Тумана как и не бывало. Небо чисто, высоко и так прозрачно, что удивляешься, почему не видны звезды.

Я долго стою на палубе, надеясь разглядеть южный берег Новой Земли или, на худой конец, северный берег Вайгача, но теплоход идет где-то посередине пролива, и лишь на севере в лучах низкого солнца возникает, подобно видению, нечто белое и воздушное, одинаково похожее и на снеговые вершины и на облака.

Штурман говорит, что это не облака, и протягивает бинокль. Я подношу его к глазам и вижу холмистую равнину тундры, пятна снега, чередующиеся с зелеными пятнами проталин. Суровые места, воспетые художником Александром Алексеевичем Борисовым.

В Архангельском краеведческом музее я видел его картины «Карское море. Вид Новой Земли», «Лунная ночь. Медведь на охоте», «Полярная ночь», а в Третьяковке — «В области вечного льда». «Не говоря уже о художественности редких по своей трудности изображений, эти уники неповторимы и по времени и по месту, и ничто не может понизить их ценность»,— писал о картинах Борисова его учитель Илья Ефимович Репин.

Борисов не раз бывал на Новой Земле, и не в качестве туриста вроде тех, что, возможно, уже следуют за нами на Диксон, а как художник и одновременно исследователь берегов архипелага, которые в то время были нанесены на карту лишь пунктиром. С этюдником в руках он четыреста верст прошел по снежным полям Новой Земли. Затем была санная экспедиция на собаках. Во время своего второго путешествия на Новую Землю в 1900 году Борисов с товарищами однажды чуть не погибли. Их спасли ненцы, среди которых был местный житель Константин Вылко, отец Ильи Вылко.

Глядя на удаляющийся новоземельский берег, нельзя не вспомнить и об этом удивительном человеке. Илья Константинович Вылко — фигура на Севере легендарная. Первый ненецкий художник, картины которого выставлены в музеях Ленинграда, Архангельска, Орла, Нарьян-Мара, первый ненецкий штурман, получивший эту специальность еще в 1911 году, проводник экспедиции полярного исследователя революционера Владимира Александровича Русанова, певец, поэт и собиратель ненецкого фольклора, наконец, общественный деятель — бессменный в течение тридцати двух лет, до 1956 года, пред-

седатель Новоземельского островного Совета депутатов трудящихся...

Русанов очень много сделал для Вылко, и Вылко не остался в долгу. Он написал на своем языке песню о Русанове, которая заканчивалась такими словами:

С русским Русановым дружба была хорошая.
Две головы было у нас, а сердце одно.

Еще несколько часов на редкость спокойного хода, и справа по курсу вырисовывается на горизонте узкая туманная полоска земли. Ничего примечательного нельзя различить на ней даже в сильный бинокль. Но почему же при взгляде на этот унылый берег тревожно и радостно щемит сердце? Наш «Приморск» проходит мимо Ямала, по которому мне довелось бродить вместе с геологами, искавшими там нефть и газ. Немало лет прошло с тех пор, но сердце мое прикипело к этой холодной, неуютной, суровой земле. Я смотрю, вглядываюсь в туманную даль и вдруг начинаю отчетливо видеть в своем воображении две наши маленькие палатки среди тундры, огромной, пустынной, дикой, плоской, с чудом выжившей одинокой лиственницей — священным деревом ненцев, с «лесами» карликовой березки, стелющейся по мокрой земле.

В то памятное для меня лето, шагая по тундре, мы за два месяца встретили только одну семью оленеводов, гнавших оленье стадо к берегу Ледовитого океана, может быть, как раз к тому самому берегу, который я сейчас рассматриваю в бинокль. В то лето передо мной впервые открылся новый, необычный, ни на что другое не похожий мир Крайнего Севера, радостно оглушивший своей первозданной красотой.

Сидя у костра, мы мечтали о будущих городах на Ямале и даже видели их во сне — необычные, сказочные, под огромными прозрачными куполами, защищающими людей от непогоды.

Спят в палатке, забывшись, люди,
Снятся им голубые сны:
Рюкзаки всего лишь по пуду,
Броды только в метр глубины,
И еще, подобные чуду,
Города, которые будут
Здесь, быть может, возведены.
Снятся людям фонтаны газа,
Нефти гулкий водоворот
В междуречье Пура и Таза,
На земле высоких широт...

Сейчас осуществляется эта мечта. Выше самых высоких лиственниц вымахали буровые вышки. «Мои» и пришедшие им на смену другие геологи нащупали контуры газоносных площадей, и уже бьют на Ямале фонтаны газа, который в будущем пойдет по трубам за Урал. А пока по воздуху и по воде везут сюда бесчисленные грузы — механизмы, оборудование, материалы...

Всего на два месяца освобождаются от льда берега Ямала, и в эти два месяца надо успеть завезти сюда все, что нужно на год. Из-за мелководья суда останавливаются далеко от берега, грузы с них снимают и перегружают на мелкоосидающие баржи и везут дальше по штормовому морю и рекам, поближе к буровым вышкам и поселкам.

Так было до последнего времени. А потом моряки пошли на рискованный, однако же сулящий немалые выгоды эксперимент. С помощью атомного ледокола караван судов подошел к Ямалу не в августе, как раньше, а в мае, когда на Ямале стояли сорокаградусные морозы. Могучая «Арктика» протаранила льды припая и дала дорогу первому судну каравана. Тут же, на льду, его поджидали машины и люди. От ледового припая, ставшего разгрузочной площадкой, к берегу над мелководьем по ледяной, заранее выстроенной дороге пошли автомобили, груженные привезенным с материка добром. На спущенные с борта судна тракторы садились шоферы и, загрузив прицепы, шли к берегу...

Все это вспоминается мне, когда мы проходим вблизи Ямала и в туманной дымке виден его пологий, пустынный берег...

...К Диксону мы подходим холодным ветреным вечером. Идем по створам — полосатым треугольникам, поставленным на мысах и высоких скалах. Плещется за бортом синяя вода. И вдруг она как бы расцветает: то тут то там появляются медузы, похожие на крупные оранжевые цветы.

Заканчиваются последние мили, отделяющие Нарьян-Мар от Диксона. Уже хорошо видны каменистые голые берега острова, поселок, несколько черных, маленьких скал, на которые с шумом набрасываются волны. Между камнями пестреют цветы — незабудки, ромашки, подснежники, маки.

В рубке работает рация, доносятся бесконечные переговоры между портом и судами на рейдах. К этим голосам присоединяется и голос «Приморска», испрашивающего «добро».

В Диксонском порту тоже тесновато, и нам с трудом находят место у стенки. Несколько последних минут ожидания, пока спустят трап...

— Мы тут дня два простоим. Зайдете, надеюсь? — спрашивает Виктор Платонович.

Кто-то помогает мне надеть рюкзак. Трап уже спущен, можно сходить на твердую землю. Как обычно, в эти минуты на душе если не тревога, то некая забота, которая овладевает новичком в незнакомом городе: куда идти? где устроиться на ночь? И вдруг...

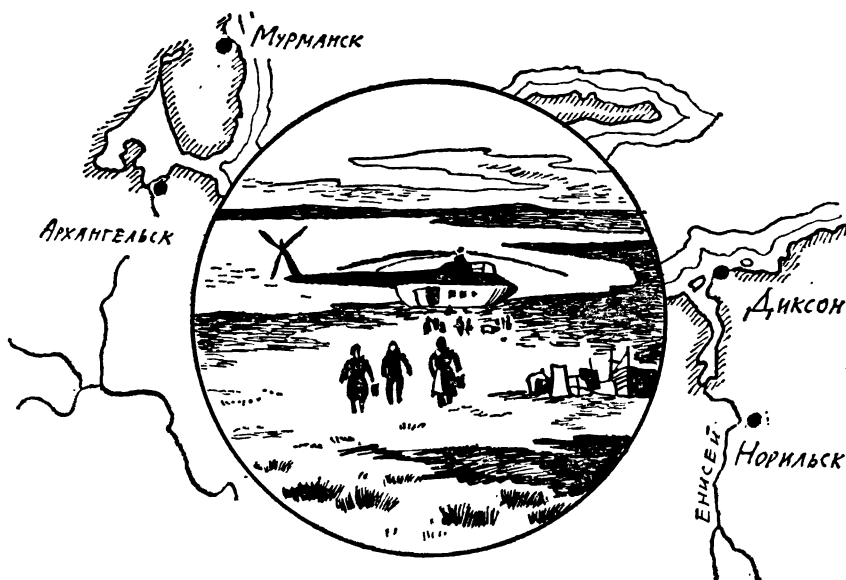
— Товарищ... — дальше следует моя фамилия, — есть?

— Есть, — машинально отвечаю я и спохватываюсь: что за наваждение? Откуда и кто знает меня на Диксоне?

К трапу тем временем подходит человек средних лет в форме Гражданского Воздушного Флота.

— Разрешите представиться: Иван Иванович, заместитель начальника аэропорта. Сейчас я провожу вас в гостиницу для пилотов. Не возражаете?

Я непроизвольно оборачиваюсь и встречаюсь глазами с улыбающимся первым помощником капитана. Сразу вспоминается вчерашний мимолетный разговор. Значит, Игорь Алексеевич связался по радиис с Диксоном, кого-то разыскал, договорился...

КОГДА НЕТ ЛЕТНОЙ ПОГОДЫ

До гостиницы летного состава мы добираемся рейсовым катером «Чайка», который ходит между островом Диксон, где остался морской порт с моим «Приморском», и «городом» — материковым поселком Диксон. Сильный боковой ветер раскачивает суденышко с пассажирами, зябко кутающимися в свои совсем не летние одежды. Иван Иванович, напротив, будто нарочно, подставляет себя ветру, даже снимает форменную фуражку и чуть ли не обмахивается ею.

— Привык к морю, — говорит он весело. — Я ведь на флоте пятнадцать лет служил. Пять лет на Черноморском, десять — на Тихоокеанском.

На Диксоне Иван Иванович не так давно, и, когда в управлении его спросили, надолго ли он собирается в Арктику, он ответил: «Лет на десять. Летать не люблю». Начальник управления улыбнулся: «Полетать все равно придется. Служить-то будете в авиации».

— Ну летаю, конечно, только не с места на место, как некоторые, а на полярные зимовки, на маяки, с ледовой разведкой. И знаете, чувствую, что живу здесь не даром. Тут, как

говорится, я для своих авиаторов и папа, и мама, и милиционер. Времени только не хватает. Вот консультативный пункт для заочников организовали, из товарищей с высшим образованием. На мою долю достались английский язык и философия.

...Диксон мало похож на другие северные поселки, в которых мне довелось побывать. Он какой-то особый — ладный, уютный. Несмотря на недавний дождь, улицы почти сухие: вода просачивается через песок. Во дворах она скатывается с лобастых угрюмых камней, на которых каким-то чудом держатся нежно-кремовые маки — грубость и нежность уживаются рядом. Маков очень много, лепестки тончайшей работы трепыхаются на ветру, складываются и раскрываются, как крылышки. Маки в поселке, на берегу, в тундре...

Вычитал я в одном журнале, что эти маки, как и некоторые другие арктические цветы, умеют улавливать солнечную энергию. Оказывается, лепестки мака скроены природой так, что получились своего рода параболическая линза, собирающая лучи солнца к центру цветка, туда, где находятся тычинки и пестик. В этой «отапливаемой» зоне жизненные процессы проходят быстрее, активнее, а это очень важно для растений Крайнего Севера, где теплые дни можно пересчитать по пальцам.

— Теплынь! — с удовольствием говорит Иван Иванович.

— Да ну? — мне холодно, зябко на ветру с Ледовитого океана, от заструг снега, от голубых льдов в бухте. — И снег вон не растаял.

— Четырнадцать градусов сегодня. Это у нас редкость. Средняя температура двух летних месяцев, самых жарких, — плюс пять.

— И туман к тому же...

Туман возникает как бы из ничего. Прозрачная даль мутнеет, только что хорошо видимые контуры зданий расплываются. Все это происходит за считанные минуты, почти внезапно. И вот уже туман так плотен, что в него входишь, как в воду, во что-то сугубо материальное, что можно ощутить не только зрением, но и осязать — руками, лицом.

Я распрашиваю Ивана Ивановича, как добраться до Норильска и летают ли туда рейсовые самолеты.

— Летают, конечно. И в Москву летают, и в Тикси, и в Хатангу, и в Красноярск. Кстати, вы знаете, что до полюса от нас ближе, чем до нашего краевого центра?

В небе то затихает, то нарастает гул мотора. Самолета не видно. Да что самолета? Дом на той стороне улицы и тот едва заметен!

— Зря кружится, — говорит Иван Иванович.

— Куда ж ему деваться?

— В Амдерму, возможно, направят, а скорее — в Хатангу. Хатанга, между прочим, почти всегда открыта. А у нас не туман, так ветер. Раз-два и какую-либо пушинку за полсотни метров унесло.

В гостинице на редкость тепло и уютно. Очень много комнатных цветов — в вестибюле, в номерах, в коридорах, в столовой. Иван Иванович представляет меня заведующей и с приторной строгостью в голосе требует, чтобы меня кормили не хуже, чем самых заслуженных пилотов.

...Ну вот я и снова «дома». Можно отдохнуть, собраться с мыслями, исписать еще несколько страничек в блокноте, перезарядить «зоркий» и заодно узнать, что посмотреть в поселке.

Иван Иванович оживает.

— Да всюду интересно. Штаб морских операций. Порт. Памятник Бегичеву. Братская могила защитников Диксона. Самое северное в мире подсобное хозяйство. Самая северная в мире школа. — Он вдруг заразительно смеется: — Самый тяжелый в мире летчик — сто сорок килограммов веса! Он у нас в ледовой разведке работает... Где его найти? Да в штабе морских операций. После обеда можете туда сходить.

Деревянные тротуары на круглых лежаках чисты, вымыты дождем, то тут, то там белеют свежие доски-заплаты, и не одуванчики, как в других северных городах, а вездесущие полярные маки выглядывают из-под них. От главного, так сказать магистрального, тротуара уходят в стороны, к домам, стоящим в глубине дворов, такие же деревянные удобные настилы, только поуже, и по одному из них я добираюсь до штаба морских операций.

Свежая масляная краска полов и стен, чистота, букетики цветов на столах, стрекотание пишущих машинок, пощелкивание каких-то приборов, хриплые голоса радиотелефонов. Очень просторный, светлый кабинет начальника штаба, медлительно-важного, начавшего полнеть человека. Во время навигации штаб руководит передвижением судов по западному сектору Арктики.

Пожалуй, никогда раньше мне не доводилось видеть такой огромной, поражающей своими размерами карты, как эта, что висит в кабинете. Она занимает всю длинную стенку — от угла до угла. Карта нарядна, пестра от обилия красок разного цвета. Коричневый цвет — его очень много — означает, что все занятое им пространство покрыто сплошным льдом. Чем гуще,

насыщеннее коричневый цвет, тем больше льда. Голубой означает чистую воду, зеленый — нечто среднее между нею и сплошным льдом.

Десятки ярких флажков с наименованиями разных судов разбросаны по этой карте. Флажки тоже разноцветные, бросающиеся в глаза. Зеленые — для судов, которые идут в Игарку с лесом. Красные — для тех, кто снабжает продуктами полярные зимовки. Голубые — для гидрографических судов, ведущих научную работу. Красно-желтые двухцветные — для рыболовецких траулеров и плавучих баз... В разных местах воткнуты в карту бумажные самолетики: в этих местах настоящие самолеты ведут ледовую разведку, и на одном из них сейчас летит «самый тяжелый в мире летчик».

То, что невозможно окинуть взглядом в натуре, разве что со спутника, наглядно видно здесь, сосредоточено на огромной карте, от стены до стены, — океан, льды, фактории, зимовки, острова и суда, суда... Яснее начинаешь осознавать грандиозность совершаемых в Арктике работ, их истинный масштаб.

В наш разговор часто вклинивается металлический голос радиации. Суда связываются со штабом, штаб с судами.

— Ледокол «Мелехов»? Это штаб. Как слышите? Прием.

— Слышу вас хорошо... Капитан Фартусов говорит. Добрый день!

— Добрый день, Евгений Федорович!.. «Бирюса» вам не дала свои координаты?

— Нет пока. Мы ведь в двенадцать ноль-ноль с Диксона вышли.

(Взгляд в мою сторону:

— «Мелехов» большого с танкера «Сумы» к нам привозил.)

— Понятно... Как ледовая обстановка в вашем районе?

— Поддувает сейчас. Гонит большое поле десятибалльного льда.

(Взгляд на карту.)

— Да, ледок у вас есть, и серьезный ледок... «Бирюсу» надо брать под проводку. Там капитан первый раз идет.

— Понял вас. «Бирюсу» брать под проводку.

— У меня все. Желаю успеха.

И после этого разговора сразу же:

— Танкер «Сумы»! Здесь штаб. Прошу выйти на связь!

На всякий случай договариваюсь слетать на ледовую разведку с одним из капитанов-наставников. Это если не дадут погоду на юг и дадут погоду на север. Под «югом» в этом разговоре несколько непривычно для слуха подразумевается Норильск.

Завтра самолеты вообще никуда не летают — страшный ветер, и, зря прождав полдня, я сажусь на знакомую «Чайку», чтобы навестить друзей на «Приморске». Волны бросают утлое суденышко, ветер чувствуется даже в узких проливах. Болтаются осколки битого льда, плывут бревна — остатки енисейских плотов, разбитых, быть может, за тысячи километров отсюда. Чернеет каменным углем купол островка с заброшенным причалом; здесь раньше заправлялись суда. Говорят, что с этого клочка земли и начался Диксон. Пролив Леңа, названный так в честь русского парохода, сопровождавшего Норденшельда в его плавании на «Вега». Пролив Превен — в честь зверобойной шхуны знаменитого шведа, который в 1875 году открыл необитаемый, неуютный островок, напоминавший формой подковку.

Еще в 1738 году, почти за сто сорок лет до Норденшельда, русского флота штурман Федор Алексеевич Минин плавал сюда на боте «Оби Почтальон» и нанес остров на карту. Норденшельд назвал бухту острова гаванью Диксона в честь богатого и щедрого человека, который вместе с сибирским купцом и общественным деятелем М. К. Сидоровым финансировал эту экспедицию Норденшельда.

Я тоже вижу этот островок, но не пустынный, а застроенный аккуратными домами и домиками, вижу подковообразную бухту, внутри которой разгружаются побывавшие в арктических переделках суда.

Об этой бухте Норденшельд написал в августе 1878 года своему покровителю Оскару Диксону:

«Можно наверное предположить, что этому месту, которое в 1875 г. впервые было посещено настоящим мореходным судном и получило название «Диксоновой гавани», суждено сделаться в будущем главным пунктом при экспорте произведений Сибири...»

От тех далеких времен остались неизменными, должно быть, только отполированные волнами берега из зеленовато-серого камня, мхи и лишайники на них вперемежку с чахлыми кустиками ползучей ивы. И все те же трогательные в своей беззащитности полярные маки...

...Но где же мой «Приморск»? Напрасно я всматриваюсь в контуры судов: «Приморска» нет! То ли он так быстро разгрузился и ушел, то ли его переставили, перевели на рейд, чтобы дать место другому судну с более важным грузом.

Я отправляюсь знакомиться с поселком.

Любое свидание с тем, что видишь впервые, тревожит душу. Так и здесь, на Диксоне. Сейчас я напоминаю провинциала,

только что попавшего в столицу: иду, оглядываюсь, с пристрастием рассматриваю дома, захожу в магазины, читаю таблички с названиями улиц. Улица Водопьянова, знаменитого летчика, не раз поднимавшего с Диксона свой самолет. Улица Таяна — в честь первого председателя Диксонского сельсовета, эскимоса по национальности. Его пригласили сюда в 1940 году с Чукотки, чтобы развивать зверобойный промысел. Улица Папанина, улица Георгия Седова, улица Воронина...

На улице Воронина стоит здание райкома партии. Рядом трепещет на ветру плакат «Пусть всегда будет солнце».

Мне приходилось бывать во многих райкомах на Дальнем Севере, я встречался со многими секретарями, деловыми, собранными, усталыми. И вдруг здесь навстречу поднимается из-за стола молодая красивая женщина в отлично сшитом модном костюме, с хорошо уложенными волосами. Приветливая, умная улыбка освещает ее лицо.

Здоровуюсь. Спрашиваю, не помешал ли?

— Что вы! Мы здесь всегда рады новым людям!

Откинувшись на спинку кресла, изредка поглядывая то на меня, то на карту на стене, Зоя Иннокентьевна рассказывает о своем самом северном в стране районе, куда входят Северная Земля, острова Уединения, Визе, Ушакова...

— Ушаков... — повторяет она и достает из ящичка снимок.

Среди других людей я узнаю ее. Сосредоточенные, торжественно-грустные лица. Виден высокий гидрографический знак на фоне голой тундры. К знаку прибита доска «Исследователю Арктики Г. А. Ушакову».

— Он завещал похоронить себя на Северной Земле, которой отдал столько лет жизни. Есть там необитаемый островок Домашний. Туда и перевезли из Москвы прах Георгия Алексеевича. Рядом ветхая деревянная избушка, где он зимовал с товарищами.

Как память нам о дне вчерашнем,
прочеркивая лунный диск,
стоит на острове Домашнем
над океаном обелиск.

Луна уходит, блекнут тени,
снежинки на ветру дрожат.
И лишь медведи да тюлени
покой героя сторожат.

— Это один наш северянин написал.

Да, немало славных имен, отечественных и зарубежных, связано с Диксоном. На его неуютную землю ступали Челюс-

кин, Толль, Норденшельд, Амундсен, Нансен, Шмидт, Визе. Известные полярные капитаны Воронин, Белоусов, Мелехов, Сорокин не раз выводили отсюда караваны судов на штурм пролива Вилькицкого. С Диксона вылетали Водопьянов, Чухновский, Мазурук, Черевичный — пилоты, без которых невозможно представить себе историю освоения Арктики. На острове зимовал писатель Борис Горбатов, собиравший здесь материалы для своего сборника «Обыкновенная Арктика».

Не дойдя четырех километров до радиостанции Диксона, погиб норвежский матрос Пауль Тессем из команды вмерзшего в льды Таймыра судна «Мод», на котором находилась экспедиция Амундсена. Здесь Тессема и нашел один из замечательных землепроходцев нашего столетия, участник экспедиции 1900 года, снаряженной для поисков таинственной Земли Санникова, упорный исследователь Таймыра, первооткрыватель двух островов в море Лаптевых, боцман Никифор Алексеевич Бегичев. В кармане погибшего норвежца лежали часы, компас, почта, отправленная Амундсеном, его путевые дневники. Многие сотни километров прошел Бегичев, пока не обнаружил останки моряка Кнудсена — спутника Тессема. Рядом лежали разбитый барометр, монеты, винтовочные гильзы. Все это вместе с подробным отчетом о поисках отправили на родину моряков.

Правительство Норвегии наградило Бегичева медалью и золотыми часами. В центре берегового поселка Диксон поставили ему памятник. На груде диких камней прочно стоит человек в полярной одежде, с планшетом через плечо и смотрит на север, на свои любимые ледяные просторы. Не забыт и Тессем. Большой, отшлифованный с одной стороны камень с мемориальной доской на нем напоминает о погибшем норвежце...

Я подолгу стою возле того и другого памятника, обхожу их, фотографирую и думаю о том, какой дорогой ценой дались человечеству открытия в Арктике, сколько утрат понесли люди, стремясь разгадать ее тайны.

...Погода не улучшается. Пилоты, прилетевшие из разных портов и застрявшие, до изнеможения играют в карты и глядят вокруг ослепленными глазами. Потом идут в столовую, покупают апельсинны и пьют крепкий, «чтоб ложка стояла», чай. Молоденькая официантка в накрахмаленном переднике переводит грустный взгляд с летчиков на буфетную стойку, на которой янтарно светятся бутылки коньяка, но пилоты отворачиваются, вздыхают и смотрят в тарелки. В соседнем с моим номере кто-то поет популярную здесь песню «Который день пурга качается над Диксоном». Пурги, правда, нет, как-никак

июль, но есть свирепый, ревущий за окном ветер, который вот уже трое суток не дает пилотам подняться в воздух.

Вечером Иван Иванович неожиданно говорит, чтобы завтра к девяти утра я был готов: возможно, полетит самолет ледовой разведки.

В девять я прихожу на летное поле. Желтовато-красный, как бы пылающий самолет (отличительная окраска полярной авиации) стоит наготове. «Добро» дают около одиннадцати.

Экипаж и гидрографы не торопясь, покуривая и переговариваясь, идут к машине через все поле, восемь человек. Девятый — я.

— Кому выпел будем бросать? — спрашивает кто-то, должно быть гидрограф.

— «Мелехову», — отвечает, наверное, командир корабля, высокий, молодой, с широкими нашивками на рукавах.

В самолете непривычно просторно, от бывшей обстановки остались лишь два пассажирских кресла в салоне. Зато есть привинченные к полу металлические столы, табуретки, кухонная утварь и электрическая плитка, на которой бортмеханик будет готовить обед.

— Располагайтесь и чувствуйте себя как дома.

Гидролог, тот самый, который задавал вопрос пилоту, высокий, массивный, никак не уместяющийся на круглой табуретке, по-домашнему скидывает пиджак, вешает рядом с собой на крючок, надевает тапочки. Пилоты тоже снимают кители и удобно усаживаются в свои мягкие кресла. Работать придется долго, часов десять. Гидрограф расстилает на столе похожую на простыню узкую и длинную карту, затачивает цветные карандаши, аккуратно собирает мусор в жестянку из-под консервов и профессиональным движением поворачивается к иллюминатору. Иллюминатор этот особый, глубоко выступающий выпуклостью наружу, чтобы удобно было наблюдать за тем, что делается за бортом.

Взлетаем. Тикает хронометр. Дрожит стрелка альтиметра. Термометр за бортом показывает «восемь градусов жары».

Я тоже не отрываю глаз от окна. Чистая вода вскоре заканчивается, и впереди, докуда видно, появляются отдельные льдины с неправдоподобно четкими желтыми краями и голубыми пятнами посередине. Потом этих льдин становится все больше, и вот под нами уже больше льда, чем воды. Чем дальше от нас, тем лед кажется гуще, отдельные куски его сливаются в сплошное бугристое голубовато-серое поле с очень узкой серебристой полоской на горизонте, словно бинт на лбу земли.

Самолет летит низко, метрах в ста от поверхности океана. Несмотря на гул моторов, отчетливо слышно, как крупные капли дождя стучат по металлической обшивке, и подрагивающие косые полосы его перечеркивают иллюминаторы. Машину ведет второй пилот. Он удобно сидит в низком кресле с парусиновым чехлом, небрежно поглядывает вправо, влево, на включенный «дворник», точно такой же, как у автомобилей. Летчик часто меняет курс, летит зигзагом, чтобы гидрологи могли увидеть как можно больше.

Я сижу рядом с гидрологом. Каждые пять минут он смотрит в свой глубокий «персональный» иллюминатор, потом выбирает карандаш из коробки, зачерчивает им кусок карты, ставит условные значки — круги, ромбы, квадраты, треугольники с цифрами внутри.

Прислушиваюсь к бормотанию гидролога, к странным, непривычным названиям разных состояний льда и снега: склянка (тонкий, прозрачный ледок в виде блестящей хрупкой корки), нилас (эластичный, легко изгибающийся на волне и зыби лед), снежура (вязкая кашицеобразная масса от обилия выпавшего на воду снега), — а также к знакомым: ледяные иглы, сало, шуга...

За соседним столом работает штурман. Он тоже чертит, считает на логарифмической линейке, подходит к бортовому визиру, прищурясь, смотрит в длинную черную трубку — определяет, где мы находимся сейчас.

И так час за часом...

Уже давно мы обогнали ледокол «Капитан Мелехов», ведущий три судна — два лесовоза и знакомую по вчерашнему разговору в штабе «Бирюсу», и теперь идем далеко впереди, высматривая, выбирая наилучший путь для каравана.

Льды, льды, льды...

Часа в три мы обедаем. Задолго до этого времени по самолету разносится аппетитный запах вареной птицы, как выясняется за обедом, дикой утки. Из-под крышки кастрюли косо бьют струйки белого пара. Бортмеханик достает миски, ложки, режет пышный хлеб.

— Остров Белуха, — говорит капитан-наставник. Он совсем молод лицом, и странно видеть его полуседыше густые волосы, лихо зачесанные назад.

Мы уже пролетели над островами Вардроппера, Арктического Института, Скотт-Гансена, Рингнес, Кравкова и сейчас идем к самой северной точке нашего маршрута. Я прошу штурмана сказать мне, когда будет эта самая точка, чтобы, не дай бог, не пропустить ее.

— Семьдесят шесть градусов сорок пять минут, — вскоре объявляет штурман. — Севернее не полетим.

Я смотрю вниз и вижу все такой же битый лед, все такие же торосы. Вроде бы ничего особенного. Должно быть, вот так выглядит и полюс...

С этой «вышей» точки мы теперь как бы спускаемся ниже и влево, забирая к востоку до рассыпанных по океану островов, островков, скал, именуемых архипелагом Норденшельда. Под нами, если посмотреть на карту, — Северная Земля, остров Домашний с одинокой могилой Ушакова. Правее мыс Челюскин — самая северная отметка Азии. Но до него мы не доходим и у девяносто одного градуса восточной долготы поворачиваем на запад, к дому. На сотни километров вперед разведан путь для каравана судов. Теперь ясно, где и какой на этом пути лед — сплошной, битый, разрушенный, торосистый — и как обойти ледяные поля, выйти на чистую воду.

По-прежнему идет, стучит по самолету крупный дождь, будто просится путник в дом. Иногда прорывается сквозь тучи скупое, негреющее солнце, и тогда все преобразается вокруг. Вспыхивают голубым и зеленым льды, ослепительно блестя их свежеобломанные края, искрится пористая снежная корка, напоминая дорожную парчу, пятна воды, до этого казавшиеся грязно-серыми, яснеют, наливаются голубым светом.

Но не надолго. Через несколько минут становится настолько темно, что штурман включает электричество: не видно делений на логарифмической линейке. Что-то тусклое, плотное, зловещее окружает самолет, который начинает вибрировать, дрожать, словно от страха.

И вдруг орудийным выстрелом с близкой дистанции раздается удар грома. Блещут, проносятся косые молнии, и все за иллюминаторами становится на миг голубоватым, волшебным.

— Вот попались! — весело кричит командир корабля, обращаясь.

Он срочно уводит машину от грозы, обходит ее. Мрак постепенно редет, появляются прогалины в тучах, и через эти окна видны сказочно освещенные низкими молниями голубые торосы.

Мы вылетели в одиннадцать часов по местному времени, сейчас уже девятнадцать. Вот-вот состоится встреча с ледоколом, ради которой экипаж и гидрологи болтаются в воздухе треть суток. Карта уже готова, подписана, скопирована на кальку. Жирной линией нанесен рекомендованный каравану путь. Гидролог складывает кальку, заворачивает в подвернув-

шуюся под руку обложку какого-то журнала и закладывает в цилиндрик цвета спелой моркови. К цилиндрику на длинной бечевке привязывается такого же цвета поплавок.

Наступают последние, самые тревожные и ответственные минуты.

Капитан-наставник надевает наушники-блюдца и связывается с ледоколом.

— Сейчас бросать будем, — говорит он в микрофон капитану ледокола. — Приготовились!

Бортмеханик раскрывает дверь в небо и стоит, прижавшись к стене и держа наготове свой драгоценный груз.

Взгляды всех обращены вперед и чуть вправо, откуда должен показаться караван. Я вижу его сначала в локаторе — на голубом поле, по которому вращается тонкий зеленый лучик, потом и через окно.

Самолет снижается до пятидесяти метров.

— За мачту зацепишь! — доносится из наушников голос с «Мелехова».

В этот момент гудит сирена, бортмеханик бросает вниз вымпел. Несколько долгих, напряженных до предела секунд тишины, сменяющейся громким облегченным вздохом.

— Прямо ему на антенну попали!

— А ты как думал! — радуется бортмеханик.

Вот и все. Можно прямоиком лететь домой.

Вскоре на горизонте показывается Диксон. Штурман подводит итог: за десять часов пять минут пройдено две тысячи семьсот километров.

На аэродроме по-прежнему безлюдно. Самолеты, прилетевшие сюда несколько дней назад, стоят на своих местах. В небе хмуро и пусто... Хотя нет! Что-то большое сигарообразное, такого же морковного, что и вымпел, цвета косо и быстро поднимается с земли и скрывается в тучах.

— Радиозонд с метеостанции запустили, — говорит пилот.

На метеостанцию я иду завтра во второй половине дня, убедившись, что летная погода не наступила и самолеты, как стояли, так и будут стоять, крепко привязанные к земле.

Диксонская гидрометеостанция — одна из старейших в стране: она начала работать в 1916 году. Десятки других станций, подчиненных Диксонскому арктическому метеоцентру, значительно моложе. Я вижу их на карте — красные кружочки, разбросанные от острова Виктория в Баренцевом море и до острова Преображения в море Лаптевых. На Челюскине. На Северной Земле. На острове Рудольфа.

— По сравнению с ними мы — типичные южане. Всего семьдесят три градуса и тридцать минут. До полюса еще семьсот восемьдесят километров, — рассказывает старший инженер гидрометеоролог Виктор Владиславович Гедройц.

Я помню старые метеостанции с их традиционными, слушающимися ветра флюгерами, с визуальным наблюдением облаков. Здесь эти операции выполняют автоматы. Щелчок выключателя — и медленно открывается крышка прибора, нацелившего в небо свой оптический глаз. Посланный импульс отражается от облака или тучи, и на шкале видно, как далеко до него. Тут же на столе стоит другой прибор, заменивший флюгер. Он показывает скорость и направление ветра.

— Восемнадцать метров в секунду, — говорит Гедройц, взглянув на прибор. — Зимой бывает до сорока, порывы — до пятидесяти. К тому же морозец градусов тридцать. Диксон не подчиняется общему закону. Обычно сильный ветер приносит потепление, а у нас наоборот. Это от рельефа местности: живем в отлично продуваемом енисейском коридоре, ничем не прикрытом с моря.

Да, условия жизни на Диксоне, прямо скажем, не ахти какие. Всего два безморозных месяца в году. Долгая полярная ночь. С восьмого ноября солнце уже не выйдет на работу и наступят три месяца темноты, до четвертого февраля, когда ровно в полдень покажется багровая, огненная горбушка светила.

— А в этом году на день раньше увидели солнышко, — Гедройц замечает мой недоуменный взгляд. — Благодаря рефракции: не само солнце, а его отражение. А все равно радостно, — он смотрит на часы. — Между прочим, сейчас радиозонд будут запускать.

Мы отправляемся в соседнее здание и приходим в тот момент, когда распластанный на полу длиннющий, все того же морковного цвета мешок только что начинают наполнять водородом. Газ вырывается из баллона с легким свистом, мешок на глазах полнеет, выпрямляется и становится похожим на гигантскую сигару. Эта «сигара» продолжает набирать силу, набухает, как бы потягивается после сна и вдруг одним мощным рывком подскакивает к потолку ангара. Там она бестолково вращается, удерживаемая не только потолком, но и веревкой снизу, и теперь напоминает старинную иллюстрацию к роману Жюль Верна «Пять недель на воздушном шаре».

Несколько молодых бородачей торжественно выносят «сигару» через огромные ворота во двор. Там по-прежнему свистит ветер, все те же восемнадцать метров в секунду, и надо приложить немало усилий, чтобы удержать эту вырывающуюся

из рук махину. Кто-то, должно быть главный, поглядывает на часы и машет свободной рукой: «Время!» «Сигару» отпускают, и она, как вырвавшийся из бутылки джинн, стремительно взмывает вверх, в свинцовое небо, но не свечой, а косо, сноси-мая ветром. На конце у нее болтается зонд, что-то вроде небольшого ящичка, заполненного радиопередатчиком и другими приборами, которые уже начали посылать на землю уйму разных сведений и будут заниматься этим полезным делом, пока не лопнет где-то на тридцатикилометровой высоте наполнен-ная водородом «сигара».

...Завтра тоже нет летной погоды. Впрочем, меня это не очень беспокоит: можно продолжить знакомство с Диксоном и записать в свой блокнот еще несколько фамилий.

Одна из этих фамилий — Седова. Лидия Евгеньевна Седова, о которой я услышал еще при первой встрече с секретарем райкома партии. Зоя Иннокентьевна тогда говорила о людях, чьи сердца «прикипели к Диксону», и среди первых назвала Седову, управляющую диксонской торговой конторой. (Заметь-те, не торгом, не отделом, а как-то по старинке — конторой.)

Утром я связываюсь по телефону с Лидией Евгеньевной и слышу в трубке энергичный молодой голос:

— Приходите в любое время, я буду вас ждать...

До торговой конторы я добираюсь через час.

Навстречу из-за стола встает седа-я красивая женщина сред-них лет, очень подвижная, со знаком «Почетный полярник» на груди.

— С чего мы начнем? С беседы или экскурсии? Или, мо-жет быть, пойдемте ко мне пообедаем? — она забрасывает меня вопросами. — Хотя до перерыва еще далеко. Тогда луч-ше всего походить по городу. Покажу вам свое хозяйство. У нас ведь торговая контора не такая, как на материке. В на-шем подчинении и хлебопекарни, и молочнотоварная ферма, и питьевая вода. С водой у нас проблема. На Диксоне пресной воды нет, берем из озера за два километра, — она машет ру-кой, должно быть, в сторону этого озера. — А случается, что не хватает воды, тогда снег топим.

Этот рассказ я дослушиваю уже на ходу. Лидия Евгеньев-на, в модном демисезонном пальто и модных туфлях, гулко ступает по деревянному тротуару, уводящему куда-то на окра-ину поселка.

— Наших буренок хочу вам показать. Самое северное в мире стадо.

Буренок, однако, я вижу только издали, они все в тундре, па-сутся, стараясь утолить голод в солнечных лучах, испытыва-

емый трехмесячной ночью. Заходим в пустой, аккуратный и очень чистый коровник. Пахнет парным молоком, висят аппараты для электродойки, по желобам весело бежит вода.

— Все — холмогорской породы, — продолжает Лидия Евгеньевна и сама при этом светится от радости, от гордости за свое хозяйство, за свою работу. — Чистопородные: класс элита-рекорд, элита и первый класс. Надои более четырех тысяч литров. Хорошие коровки. Вот только копыта быстро растут. Это потому, что без движения, мало ходят.

Лидия Евгеньевна говорит быстро, торопливо, будто боится, что не успеет рассказать все, чем живет в этом заполярном поселке.

— Просто не знаю, что бы я делала на материке. Здесь вся в работе. Летом особенно. Груз идет, надо встречать, провожать. Вон на «Приморске» мясо привезли. Муку... Хлеб вы наш, конечно, ели?

— Чудесный хлеб, — хвалю я.

— Нет, в столовой не то. Хлеб надо пробовать прямо из печи... Пошли в пекарню? А? — она вопросительно смотрит на меня, ожидая моего согласия. — Ну вот и добро. Это недалеко.

— Здравствуйте, девочки! Здравствуйте, милые! — раздаётся ее голос, едва мы переступаем порог пекарни. — Я к вам гостя привела. Угостите нас, пожалуйста, чем богаты, — и, оборотив ко мне радостное, раскрасневшееся от быстрой ходьбы лицо: — Коллектив коммунистического труда... Вот Анна Федоровна Сафронова... Жданова Галина... Матрена Васильевна Асадчикова. Все пекари... А как будет пекарь женского рода, а?

Одна из женщин приносит румяный, пышный, с глянцевой корочкой «кирпич», от которого Лидия Евгеньевна с легким хрустом отламывает кусок и протягивает мне.

— Ешьте на здоровье! — И через секунду: — Ну как, вкусно? Ели вы еще где-нибудь такой хлеб? То-то же... Шесть сортов выпекаем. Наш хлеб на станции «Северный полюс» едят да нахваливают. Вынимаем из печи буханки и сразу горячие замораживаем. А там, на СП, они разогревают, и получается хлеб свежий, будто только испекли.

Обедаю я в гостях у Лидии Евгеньевны. Она живет в новом доме со всеми мыслимыми удобствами, именуемом «кораблем»: говорят, что таким виден дом с моря на подходе к Диксону. За столом степенно сидит сын Седовой, Витя, ширококостый и улыбчивый подросток.

— Вот мы с Витей несколько лет назад отдыхали в Сочи. Неделя не прошла, а он вдруг и говорит: «Надоел мне этот юг,

мама, поехали-ка домой, на Диксон...» Или еще одна гражданочка спрашивает там у меня: «Вы откуда, извините, приехали?» «С южного берега Карского моря», — отвечаю. А она этак серьезно: «С южного, это еще ничего».

Потом Лидия Евгеньевна показывает книги с дарственными надписями на английском, французском, немецком, польском языках.

— Туристы оставили... А вот эту книжку, — Лидия Евгеньевна достает ее с полки, — один газетчик подарил. Автограф можете не читать... (Я все же читаю: «Самой обаятельной женщине Севера».) Вот еще дареная книга. С нею маленькая история. Журналист-поляк преподнес. И надпись по-русски сделал. Эту можно прочесть: «С большой признательностью за борьбу за освобождение моей отчизны. Бронислав Мейтчак». Я в боях за Польшу участвовала, военфельдшером... Встретилась с Брониславом первый раз далеко отсюда. А через несколько лет смотрю, к нам на Диксон ледекол с иностранными журналистами приходит. И среди них Мейтчак... Обрадовался, когда меня увидел. Тогда и книгу подарил...

Затем доходит очередь до альбома с любительскими фотографиями, дружескими записями вроде «ГДР помнит Вас» и даже стихами, как в старину.

— Может быть, и вы что-либо напишете на память? — спрашивает Лидия Евгеньевна, раскрывая альбом на чистой странице.

Что же мне написать этой доброй и мужественной женщине? Разве вот это?

От Урала до Диксон-острова,
где полгода метет пурга,
где весною от ветра острого
в лед спрессовываются снега,

на просторы безмолвия белого,
у коварной Обской губы,
там, где волны осатанелые
будто вздернуты на дыбы,—

в неисследованные области,
никого не спросясь, пришли
люди силы и люди доблести,
пионеры Большой земли.

Небо их накрывало тучами,
неживая давила тьма.
Тундра мокрая, хоть выкручивай,
их пыталась свести с ума.

Им худое вещали вороны,
смерть заглядывала в глаза...
Но не сбились с дороги в сторону,
ни один не ушел назад.

Дальним Севером приворожены,
в эти камни навек вросли
на волшеников непохожие
пионеры Большой земли...

В благодарность я получаю, как выяснилось, уже очень редкий сувенир — значок, выпущенный в честь пятидесятилетия Диксона.

— Вы знаете, почти не осталось, — жалуется Лидия Евгеньевна. — А спрос колоссальный: моряки, туристы, авиаторы... На обратном пути я встречаюсь с Иваном Ивановичем.

— Откуда и куда? Где были? Что видели?

Я рассказываю.

— Седова — она герой!.. А пушку возле самой северной в мире школы она вам показала? А в школьный музей сводила?

Музей организовали учителя и школьники. Сейчас каникулы; месяца два назад выпускники подняли на руках отличницу первого класса Свету Осадникову, чтобы она дотянулась до кнопки и дала последний звонок. Но в музее работа не прекращается и на каникулах. Приходят бродяги вроде меня, туристы, и каждому надо подарить букетик полярных маков. Надо рассказать об экспонатах.

В этом маленьком зале есть многое из того, что должно быть в любом краеведческом музее. Образцы местных растений и горных пород, чучела и шкурки водящихся здесь зверей, птиц, рыб. Находки из раскопанной старшеклассниками старой зимовки в урочище Лемберова — утварь, оружие. На стенах талантливые рисунки школьника Вити Воробьева и его товарищей. В витрине — приветствия в честь пятидесятилетия Диксона, и в том числе вот это, от портовиков Дудинки:

Нашим добрым соседям, полярникам Диксона!
Под бушующим ветром, под скалами льдистыми
замерзающий остров согревают полвека
воля, мужество, сила и труд человека.

Пушка, о которой говорил Иван Иванович, стоит у входа в школу. Экспонат поистине исторический. Из этой пушки 28 августа 1942 года на Диксоне подали тревожный сигнал о том, что на горизонте показался немецкий линейный корабль «Адмирал Шеер».

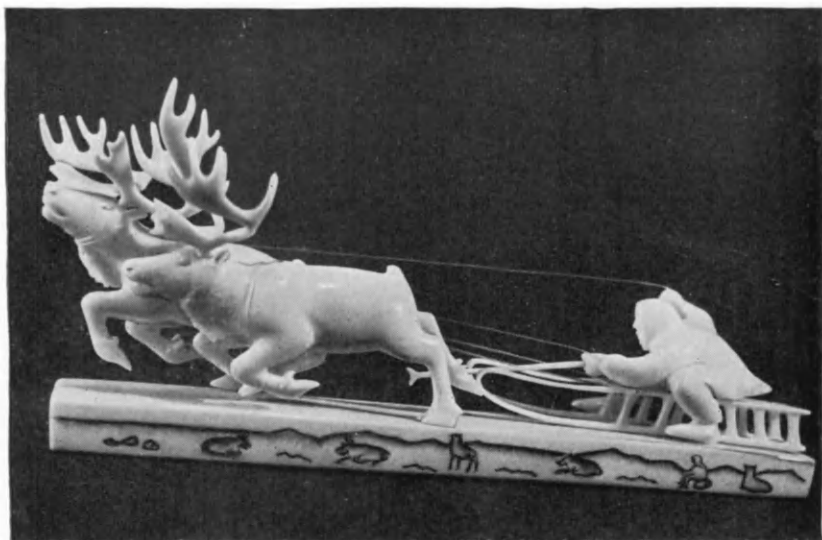
Мурманский порт

Диксон. Памятник матросу П. Тессему, участнику экспедиции
Р. Амундсена

Изделия чукотских косторезов славятся во всем мире

Линии электропередач вблизи Норильска

Дудинка. В порту

Талнах

На реке Хатанге (фото В. Орлова)

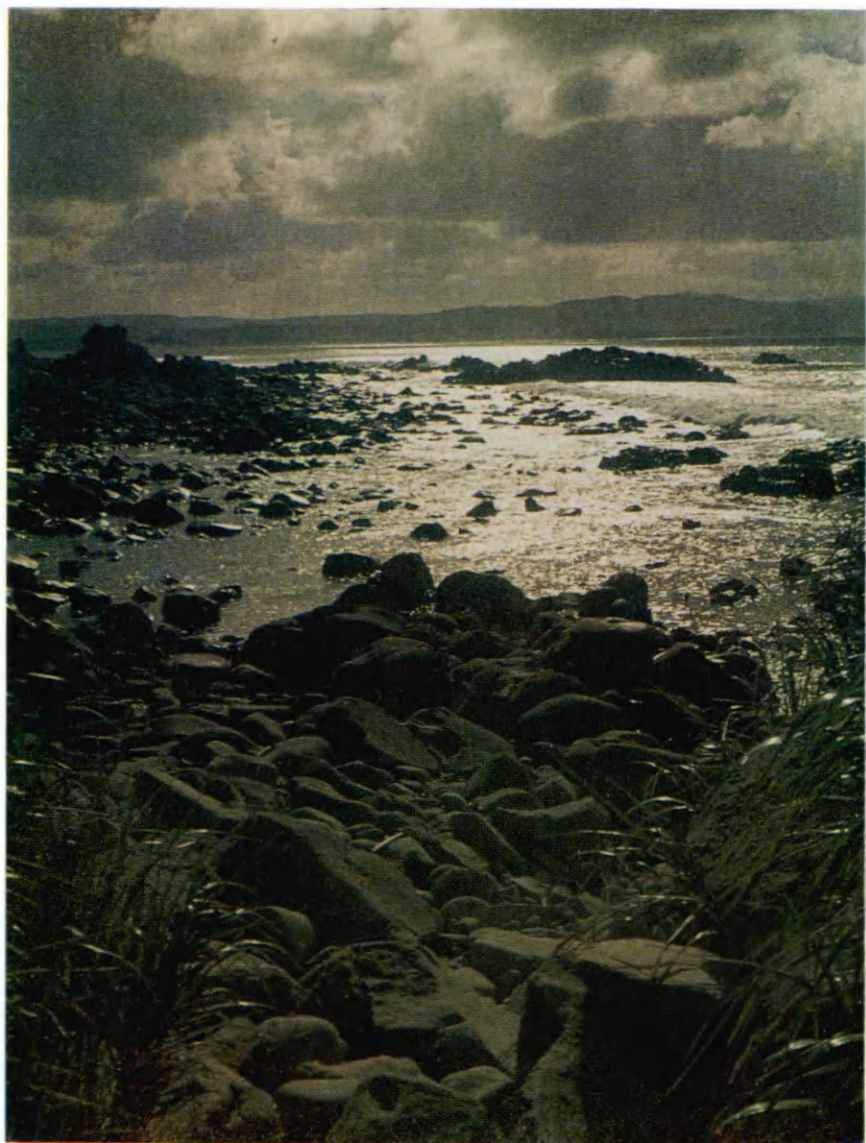
Еще не растаял лед, а тундра уже цветет... (фото В. Орлова)

Памятник В. Берингу на острове его имени (фото В. Павленко)

Туманный летний день на Командорах (фото В. Павленко)

На берегу Тихого океана... (фото В. Павленко)

В проливе Лонга (фото В. Орлова)

Лов рыбы у берегов Чукотки

За несколько дней до этого линкор потопил у острова Белуха ледокольный пароход «Сибиряков», мужественно принявший неравный бой с фашистским кораблем. После этого «Адмирал Шеер» пошел к Диксону, намереваясь там высадить десант. Объятый пламенем «Сибиряков» успел оповестить по радио о том, что в Карском море находится фашистский пират, и с Диксона увели в тундру детей, а из взрослых организовали отряд народного ополчения. Вся огневая мощь поселка в те дни состояла из двух пушек.

Командовал батареей лейтенант Николай Корняков. Несколько снарядов, посланных с Диксона и со сторожевого корабля «Дежнев», достигли цели. На линкоре загорелись надстройки, и он, поставив дымовую завесу, ушел в море.

Сейчас в центре поселка стоит памятник участникам героической обороны Диксона. Солдат в плащ-палатке, с автоматом в руках, смотрит в ту сторону, откуда появился немецкий линкор.

Вместе с научным сотрудником гидрографической базы Владиленом Александровичем Троицким мы мчимся через кипящее море на Большой Медвежий остров.

Владилен Александрович влюблен в Арктику, прекрасно знает ее и вот уже много лет занимается топонимикой, то есть происхождением географических названий, побережья Таймыра. Работники Диксонской радиостанции окрестили острова Медвежьими из-за множества белых хищников, которые держались у проходящей неподалеку границы ледового припая. Это было вскоре после Октябрьской революции. А в 1962 году получили «медвежьи» имена — Пестун и Медвежонок — и два других мелких острова из этой группы.

Острова Суслова, Ульянова и другие названы в честь краснофлотцев, погибших в боях за поселок. На карте появился и остров кочегара Вавилова; из сибиряковцев только он один не попал в плен. Больше месяца он жил на необитаемой Белухе, пока его не сняли оттуда наши летчики.

...Катер дрожит всем своим стальным телом, иногда зарывается носом в воду, и тогда зеленоватая завеса на несколько секунд отрезает нас от мира. В ветровое стекло бьют поднятые ветром брызги, будто кто-то набирает их в пригоршни и со злостью швыряет. Не прекращается качка, пахнет отработанным газом, который врывается через дверь, когда порыв ветра срывает ее с крючка и распахивает со страшной силой. Скорее бы показался маяк, что ли...

Маяк возникает вместе с угрюмым каменистым островом из серой мглы.

— Место здесь, как говорят, приглубное, — говорит Троицкий. — Иначе сказать, глубины у берега большие. Тут иногда и зимой чистая вода.

Владилен Александрович легко спрыгивает на дощатый причал и помогает мне. К маяку и нескольким строениям с ним рядом проложены бревенчатые скользкие мостки. Их сделали из венцов, оставшихся от охотничьей зимовки восемнадцатого века.

Заслышав тарахтение мотора, навстречу идет хозяин маяка Анатолий Григорьевич Смुरыгин. Весь он какой-то основательный, прочный, надежный. На Диксоне — с 1952-го, на маяке — годом позднее.

Во время полярного дня маяк не работает, а в темное время мигает своим ярким электрическим глазом на все четыре стороны.

— Чайком погреться с дороги, — приглашает Смурыгин, и вскорости мы уже удобно сидим в его теплом доме и, хлебая из эмалированных кружек обжигающий, круто заваренный чай, слушаем, что рассказывает хозяин.

— В позапрошлом году вот так же сидим с механиками за столом, ужинаем. Только слышим, кто-то возится во дворе. Обернулись — медведь в окошко смотрит! Любопытство, видеть, его разобрало... А раньше как-то будку разорил, мясо там у нас лежало... А так тут неплохо. Дичи, морского зверя полно, рыбы, понятно. Дикий олень иногда забегает... Банька есть с парилкой. К нам даже с Диксона приезжают со своими березовыми вениками.

Обратный путь кажется не таким трудным. Это всегда так, возвращаться — быстрее. Как в жизни. Детство и юность тянутся, зрелые годы идут, пожилые — мчатся стремглав, словно их кто-то гонит...

Неожиданно светлеет небо, и в нем появляются голубые прогалины. Понемногу утихомиривается ветер, порой стихает совсем, потом, собравшись с силами, опять налетает, но с каждым разом все слабее, легче. Я посматриваю на небо и прислушиваюсь — не летают ли самолеты. Вроде не летают.

К Диксону мы подходим почти при идеальной для этих мест погоде. Медленно уплывают к югу последние клочья туч. Ветер упал, это заметно по флагам, поднятым на судах в порту. Они уже не стреляют своими натянутыми полотнищами, а лишь подрагивают, приникнув к древку.

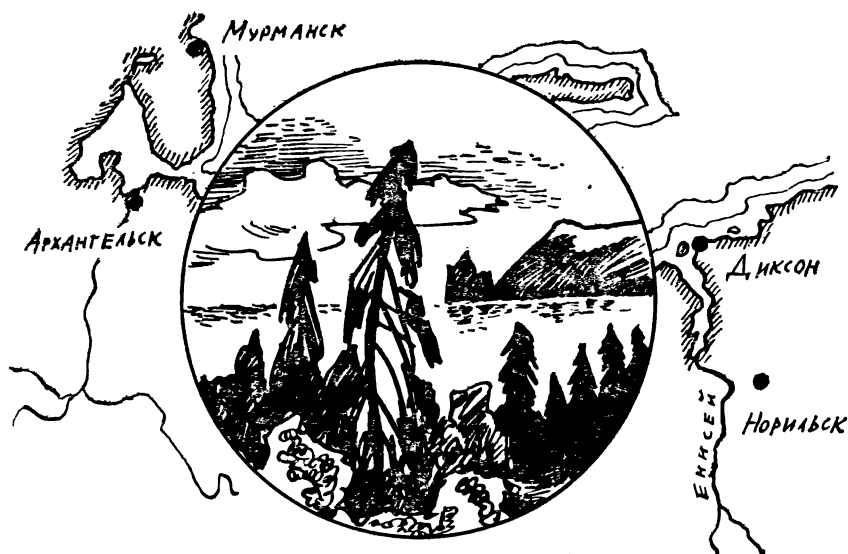
На причале стоит Иван Иванович. Судя по тому, как на-

пряженно он смотрит на наш катер, можно подумать, что ему очень нужен кто-то из нас. Так оно и есть.

— Куда вы пропали! — доносится до меня нетерпеливый голос. — Через двадцать минут самолет в Норильск уйдет!

На летном поле слышен дружный гул опробуемых моторов. Пилоты отчаянно торопятся, никто из них не уверен, что через четверть часа синоптики не сменят милость на гнев и не отменят свое разрешение на вылет. Тут это бывает.

Мы все-таки успеваем подняться в воздух. Две-три минуты внизу виден аэродром, порт, оба поселка, застроенные разноцветными домами. Потом все это скрывается из глаз, и в поле зрения остаются пятнистая тундра, кривые сабли слежавшегося снега по берегам бесчисленных озер и Енисей, Енисей... «Впечатление... грандиозное; чувствуешь, что находишься у входа в одну из величайших водных артерий мира». Это сказал о Енисее Фриттьоф Нансен.

ОАЗИС НА ТАЙМЫРЕ

От аэропорта Алыкель до Норильска надо ехать на электричке. Поезда ходят довольно редко, и у меня в запасе много времени, которое надо употребить по возможности с толком.

... С той верхотуры, где я сижу рядом с диспетчером пункта подхода, хорошо просматривается все летное поле, локаторы, завалы снега, дома вдали, самолеты. Кажется, что они летят прямо на нас, угрожающе быстро увеличиваясь в размерах. Крутая винтовая лестница привела меня в эту святая святых норильского аэропорта. Здесь царство приборов, блеск никелированных поверхностей, мигание похожих на выпуклые пуговички сигнальных ламп, доносящиеся из репродукторов граммофонные голоса...

Дежурного диспетчера зовут Игорь Иванович Кирдянов. Он энергичен, выглядит молодо, свежо. У него густые темные всклокоченные волосы, очень подвижное лицо с немногими озорными глазами, ровный голос. В прошлом летчик, на Севере четырнадцать лет: пять — в Туруханске, остальные — здесь...

Эти, прямо скажем, не очень подробные сведения Игорь Иванович выкладывает не сразу, не в один присест, а урывками. Начатая было фраза вдруг обрывается на полуслове, Кирдянов быстро отворачивает от меня лицо, прищурясь, вгля-

дывается куда-то за огромные стекла куполообразной башни, и в ту же секунду раздается его измененный до неузнаваемости голос:

— 5-264, запуск — ждать команду! — И вслед за этим: — 15-805, посадку разрешаю. От нас пойдете на Валек.

Не сразу разберешься, что это ответы, что они принимаются Кирдяновым молниеносно, после такой же молниеносной оценки обстановки на поле и в небе — какой самолет в воздухе, какой на аэродроме, кому надо взлететь, кто должен освободить место для другого самолета, который уже дал о себе знать по рации.

И снова без паузы, вслед за тем, как рукой привычно, не глядя, нажал на какую-то кнопку:

— Погоду прочитайте!

«Погода» слышна отчетливо, ее монотонно диктует женский голос:

— ...Давление семьсот сорок семь, температура плюс три...

— Три градуса жары, — Кирдянов весело усмехается, глядя на меня.

И опять без малейшей передышки:

— 72-264, запуск разрешаю!

— Я 72-264. Понял вас...

Слышится нарастающий гул двигателей, а Кирдянов, оборотя ко мне озорное лицо, роняет:

— Надоела жара. Надоело лето. Скорее бы зима!

Ответить или хотя бы сочувственно посмеяться шутке не успеваю. Из репродуктора уже доносятся новые голоса, немедленно привлекающие внимание диспетчера. Снова напряженный взгляд прищуренных глаз, мгновенная оценка обстановки, решение, имеющее силу приказа.

И так все время. Медики утверждают, что в крупных аэропортах диспетчеры работают на пределе. За восьмичасовой рабочий день едва набирается пятнадцать минут, когда они могут ни о чем не думать, откинуться на спинку кресла и закрыть глаза. Впрочем, за те два часа, которые я провожу на диспетчерском пункте подхода, Кирдянову это не удается.

— Проверьте рули, закрылки. Взлет разрешаю!

И через минуту-другую последнее напутствие экипажу:

— Конец связи... Счастливого пути!

Последние два слова можно и не говорить, они не предусмотрены инструкцией, но Игорь Иванович обязательно их произносит.

...Электричка приурочена к концу смены, и в Норильск я еду вместе с Кирдяновым. Когда я был последний раз в Но-

рильске, вагоны еще тащил паровичок. И пейзаж слегка изменился: рядом с полотном пролегла нитка самого северного в мире газопровода. В вагоне шумно, почти все знакомы друг с другом. Кто играет в замусоленные карты, кто стучит костяшками домино, кто рассказывает что-то смешное. Игорь Иванович вспоминает, что весной через полотно «железки» шло столько диких оленей, что приходилось останавливать поезд.

Я гляжу в окно на тундру, она вся в ярком убранстве, каждая былинка старается вовремя отцвести, чтобы дать потомство. Остро пахнет багульником. То тут, то там на северных склонах откосов, в лощинах лежит ноздреватый снег, он, должно быть, так и не растает до нового. Кто-то вспоминает о прошлогоднем лете, небывало жарком — до тридцати градусов, — не то что нынешнее, когда и согреться не удастся, все ходят в пальто. Кирдянов же смотрит на это весело, легко, говорит, что климат в общем терпимый, здоровый, а жизнь прекрасна, когда после работы попадаешь наконец домой, в уют и тепло.

— Обязательно приходите завтра в гости. Дикая утка еще осталась. На охоту в прошлое воскресенье ездил...

Дорогу между портом на Енисее — Дудинкой и Норильском начали строить зимой 1935 года. Шпалы с рельсами клали прямо на снег, который перед этим смешивали с нарубленным хворостом и потом заливали водой. Мосты тоже делали из льда. Ледяной мост через реку с малопривлекательным названием Дурома был длиной восемьдесят метров, через реку Косую — сто двадцать шесть. Работали днем и ночью при свете прожекторов. Использовали непрерывно дующий здесь ветер: вагонетки с грузом для стройки шли под парусами. Рельсы и шпалы подвозили мотовозом на двух платформах, которые сопровождала специальная бригада. Мотовоз почти каждую поездку сходил с рельсов, опрокидывался, и бригада под команду «Раз-два — взяли!» возвращала мотовоз в исходное положение.

17 мая 1936 года дорогу закончили. В этот день у реки Амбарной сомкнулись рельсы: их укладывали одновременно с двух сторон. На следующее утро с обеих конечных станций вышли навстречу друг другу два поезда. В июне в эти края пришла весна, и снег начал таять. Вскрылись реки, поползли насыпи, и целые участки дороги повисли в воздухе наподобие Чертова моста. Летом ледяные насыпи заменили на земляные, а вместо растаявших ледяных переходов через реки построили деревянные.

Но трудности на этом не закончились. Зимой дорогу заносило снегом, высота сугробов достигала двенадцати метров.

Под тяжестью снега рвались телефонные провода. Снегоочистителей не было, и единственным орудием оставалась лопата. На очистке стокилометровой дороги ежедневно работало полторы тысячи человек. Но и эта армия справлялась не всегда. Поезд, вышедший из Дудинки 7 ноября 1939 года, прибыл в Норильск в июне 1940-го; его занесло снегом. Понятно, что все это время дорога не работала.

Шли годы. В наиболее опасных местах начали строить крытые дощатые галереи высотой семь метров. Но это обходилось дорого и не всегда помогало. Защита железной дороги от заносов стала проблемой номер один. Решить ее удалось инженеру путей сообщения М. Г. Потапову.

Во время самых сильных метелей, когда света божьего не было видно, он часами стоял вблизи полотна, наблюдая, как ведет себя снег, наткнувшись на снеговой щит. Обычные щиты, два на два метра, тут не помогали, они просто тонули в сугробах. Потапов заменил их другими, перед которыми старые казались карликами, и поставил не прямо, а наклонно к ветру. Получилось лучше: снег, разбежавшись по наклонной плоскости, взмывал вверх, и часть его уносилась за насыпь. Затем начались другие пробы: на каком расстоянии от рельсов лучше всего ставить щиты? Потом родилась идея поднять их над землей, оставив внизу пустое пространство. Получилось совсем хорошо. Ветер, ударяясь о щиты, завихрялся и не пускал снег на полотно железной дороги...

Я смотрю на эти высоченные, решетчатые, с козырьками сооружения, укрепленные на прочных столбах. Их не убирают на короткое лето, а лишь латают, и они бесконечным конвоем сопровождают стальные пути.

За окном уже Норильск: трубы комбината, заводов, разноцветные дымы, монументальные каменные здания, озеро в центре города, названное Теплым за то, что в него поступает отработанная в ТЭЦ вода. Кстати, эта ТЭЦ — одна из крупных в стране. Она дает Норильску столько тепла, сколько потребляет большой современный промышленный город.

Норильск никогда бы не вырос столь стремительно, его вообще бы не было на карте, если бы о будущем городе не позаботилась природа: она создала и положила здесь рядом руду и уголь. Иногда они лежат так близко друг от друга, что пласт угля вклинивается в пространство между рудными залежами.

В прошлый мой приезд сюда мне показывали угольную шахту, куда надо было не спускаться, как обычно, а подни-

маться в клети. Угольный пласт здесь лежит в верхней части горы Шмидта.

Эта гора так названа в честь геолога и ботаника Федора Богдановича Шмидта, который в 1866 году по командировке Петербургской академии наук приехал в низовья Енисея искать труп мамонта. Мамонта он не нашел, но мимоходом, по просьбе дудинского купца Куприяна Сотникова обследовал угольную залежь у пустынной реки Норилки. Лет через тридцать норильским углем заинтересовался племянник Сотникова, который с помощью аборигенов добыл здесь и вывез на оленях в Дудинку несколько тысяч пудов каменного угля. Углю дал высокую оценку руководитель гидрографической экспедиции 1895 года А. И. Вилькицкий, закупивший значительную часть топлива.

В 1919 году норильское месторождение детально обследовал молодой горный инженер Николай Николаевич Урванцев, возглавивший небольшой отряд. Тогда же нашли и заявочный столб купца Сотникова. До ближайшего оседлого жилья — села Дудинки, насчитывавшего с десяток бревенчатых изб, было сто верст тундры, изрезанной речками и озерами.

Кроме угля геологи обследовали на берегу реки Норилки еще и руду, также в свое время обнаруженную Сотниковым. Анализ руды показал наличие в ней «целого букета» металлов, таких, как медь, никель, кобальт, платина.

Рудой, естественно, заинтересовались в Москве, и Урванцев был снова назначен начальником экспедиции, отправившейся в те же места. Геологи остались на зимовку и поставили из листовенных бревен небольшой одноэтажный дом. Он сохранился и поныне. В старинных городах взяты на учет и охраняются законом памятники архитектуры и истории — церкви, замки, крепостные стены. В Норильске охраняется этот урванцевский дом, на стене которого висит мемориальная доска: «Первый дом Норильска, построенный геологоразведочной экспедицией Н. Н. Урванцева летом 1921 года. У этого дома зимовщики в 1922 году провели первую в Норильске первомайскую демонстрацию».

Следующие одна за другой экспедиции расширили и углубили знания о полезных ископаемых края.

Шло время. В марте 1935 года в ЦК ВКП (б), в кабинете Сталина, состоялось совещание по никелевой проблеме. Кроме Сталина присутствовали члены Политбюро, были приглашены также О. Ю. Шмидт, начальник Главникеля Языков и молодой, недавно окончивший Московскую горную академию А. Е. Воронцов — руководитель геологических и разведыва-

тельных работ в Норильске, один из первооткрывателей Норильских месторождений. Совещание началось докладом Языкова. Выступил Орджоникидзе, который рассказал о нехватке в стране цветных металлов, и особенно никеля, крайне нужного для развития тяжелой промышленности. Правда, с прошлого года стал давать продукцию один из уральских заводов, начато строительство комбинатов в Мончегундре и Актюбинске, но это не решает проблемы, и выход из создавшегося положения может быть только один — создание никелевой промышленности в Норильске.

Воронцов рассказал о рудных запасах Норильска и о том, как их надо осваивать. На столе лежала карта Севера страны, члены Политбюро рассматривали ее и задавали вопросы о климате, населении, быте зимовщиков. Совещание перешло в беседу, Сталин вспомнил свою курейскую ссылку, рассказал о пургах в том краю, а затем, снова перейдя на официальный тон, одобрил идею строительства комбината в Норильске.

Комбинат достраивали уже во время войны. Первого мая 1942 года из Норильска в портовую Дудинку по недавно проложенной железной дороге, соединяющей эти два кружка на карте, отправился поезд, состоящий из паровоза и единственного вагона, в котором лежала первая тонна норильского никеля. В тот же день специальный самолет доставил металл в Красноярск, а оттуда на один из военных заводов. Специалисты подсчитали, что тонны норильского никеля хватит на броню для двадцати шести танков.

За никелевым заводом в строй вступили медеплавильный, агломерационная и обогатительная фабрики, другие предприятия. Наши союзники по войне называли это «русским чудом». Американская газета «Нью-Йорк геральд трибюн» напечатала статью своего корреспондента, побывавшего здесь в годы войны:

«Среди американцев не многие слышали о Норильске, но для русских Норильск является символом торжества человека над природой Севера. С некоторых пор это процветающий индустриальный центр. В Норильске имеется несколько небольших парков, постоянный театр, электрическая централь, футбольный стадион, залы для танцев, кинокартин и лекций. Есть средняя школа, металлургическое и промышленное училища.

Норильск — живое доказательство того, с каким напряжением Россия распространяла цивилизацию на далекий Север... Москва взялась за дело, развивая невероятную энергию и быстроту. Переселение началось немедленно. Продовольственные

припасы и строительный материал посылались одновременно с переселенцами. Избы, мастерские, лаборатории выросли на некогда бесплодной тундре... Так возник Норильск — город, состоящий из изб и заводов».

Полночи брожу по городу, гляжу на его «избы» и «мастерские».

Норильск в общем-то пятиэтажный. Таким он и был задуман с самого начала, когда возводили (тут не подходит слово «строили») его главный — Ленинский проспект, который начинается от великолепной, напоминающей по архитектуре Ленинград Гвардейской площади. Впрочем, чему удивляться: сердце города спроектировали ленинградцы. Они успели возвести величественные здания с колоннами, портиками, балконами. Для Норильска это не излишества, а необходимость; человеку здесь хочется противопоставить небывало суровому климату не только тепло квартир, не только быстрый и удобный транспорт, но и внешний вид самого города. И эти высаженные в вазы цветы на широченных улицах, и эти неправдоподобно свежие зеленые газоны, на которых весело растут овес и ячмень.

Посередине Гвардейской площади, в самом центре ее асфальтового круга, высится глыба норильской руды, отливающая в изломе густым золотистым цветом. К одному из ее боков прикреплена металлическая пластина со словами: «Здесь будет сооружен обелиск, всегда напоминающий о подвиге норильчан, покоривших тундру, создавших наш город и комбинат».

Жители гордятся своим городом, тем, что они сделали и делают. И конечно, по праву. Когда я однажды зашел позавтракать в кафе и взял салат из свежих овощей, сидевший со мной за столиком мужчина, узнав во мне приезжего, воскликнул экспансивно:

— Почему вы так равнодушно, я бы сказал, прозаически едите салат?! Прошу учесть: вы едите не просто помидоры и огурцы, вы едите помидоры и огурцы, выращенные на шестьдесят девятый параллели! — он продолжал, все более воодушевляясь и забыв о своем завтраке. — За этот салат вы заплатите чуть больше, чем в московском ресторане, в то время как каждый житель Норильска обходится государству в пять раз дороже, чем москвич! Это потому, что здесь трудно жить. Климат и прочее. Вы у нас бывали зимой? Нет? Тогда вы не имеете ни малейшего представления о норильском характере! Коренной норильчанин — это не просто человек! Это кремень! Это — сгусток энергии!..

Норильск построен на вечной мерзлоте, и это тоже наложило на его архитектуру свой отпечаток. Его здания необычны уже хотя бы потому, что все они, кроме, может быть, домика Урванцева, стоят на сваях. Весь город метра на полтора приподнят над мерзлой землей, и нетерпеливые прохожие проложили под домами свои, сокращающие путь тропинки.

Я тоже пользуюсь одной из них, захожу в этот открытый со всех сторон «подпол» и чувствую, как гуляет здесь холодный, не согретый ночным солнцем сквозняк. Впрочем, как раз этого и добивались проектировщики: зданиям нужен холод, который не дал бы оттаять вечной мерзлоте. Иначе — беда.

Как-то на одной из улиц Норильска пробурили скважину. Обычно чем глубже в землѣ, тем теплее. Здесь же нулевая температура началась лишь с отметки в сто пятьдесят метров. Такова мощность вечномерзлотного массива, царства вечного холода. Но есть места, где это царство простирается еще глубже.

Вечная мерзлота ничем не грозит людям, если ее не трогать. Наши предки этого не знали, и некоторые из них жестоко поплатились за незнание. В 1868 году уже знакомый читателям дудинский купец Куприян Сотников построил на открытых им руде и угле примитивный завод и выплавил двести пудов меди. На этом биография завода закончилась: шахтная печь, в которой плавилась руда, разрушилась и ушла в землю. Чтобы узнать, в чем причина беды, потребовались годы и годы. Летом 1936 года в Норильске ушел в землю деревянный цех электролиза никеля, через три года поползли бараки. Затем стали деформироваться здания обогатительной фабрики, кирпичного завода. Дальше терпеть было нельзя.

В январе 1941 года тогдашний начальник Норильскстроя Авраамий Павлович Завенягин, чье имя сейчас носит дважды орденоносный комбинат, отдал приказ о создании специальной мерзлотной лаборатории. Ее возглавил инженер Михаил Васильевич Ким. А в 1966 году за победу над вечной мерзлотой Киму была присуждена Ленинская премия.

...О том, что окончилась ночь и наступил рабочий день, я узнаю не столько по солнцу — оно уже давно оторвалось от горизонта, поднялось и светит во всю ивановскую, — а по тому, как быстро заполняются народом улицы, как нутужно гудят переполненные автобусы и мчатся еще пустые грузовики.

На одной из окраинных улиц уже приступили к работе строители: как раз делают свайный фундамент дома. На площадке кое-где зеленеют островки мхов — почву здесь стараются сохранить — и торчат похожие на высокие пни бетонные

столбы. Стучит небольшой буровой станок. Лежат сложенные наподобие бревен балки, которым предстоит скоро превратиться в сваи. Одна из скважин готова, и в нее из ковша заливают киселеобразную глинистую массу. Потом кран осторожно подхватывает балку, раздаются команды: «Помалу вправо», «Опускай!», после чего конец балки попадает в отверстие скважины и медленно опускается в глубину. Оттуда выдавливается через край, булькает и пенится только что залитый желтый «кисель». Пройдет какое-то время, и он замерзнет, затвердеет и незаметно закрепит в грунте сваю, одну из многих, на которые положат бетонную плиту будущего здания.

Теперь оно будет стоять прочно и долго, как если бы его построили в Москве: полутораметровый слой воздуха под ним надежно защитит вечную мерзлоту от тепла отопительных батарей, газовых плит, ванн с горячей водой.

И еще. Строить жилье в «арктическом исполнении» здесь необходимо из-за климата. А он в Норильске, пожалуй, посуровее, чем на Диксоне. Урванцев писал, что пурги в Норильске дуют «30—35 процентов календарного времени зимних месяцев», иными словами, третью часть зимы! Особенно страшна так называемая черная пурга, когда от мороза лопаются стальные рельсы и одновременно свирепствует ветер, оцениваемый по шкале Бофорта как ураганный. Сочетание того и другого определяет балл жесткости погоды. В Норильске он выше, чем на полюсе холода.

Несколько лет назад «черная пурга» бушевала три недели. Она началась внезапно, вечером шестого января. Стало трудно дышать. Седая снежная мгла поглотила огни окон, витрин, уличных фонарей. Ветер срывал железо с крыш. (А крыши здесь специально делают плоскими, да еще заливают поверх битумом.) Остановился весь транспорт, даже между заводскими цехами все занесло снегом.

О своей, прямо скажем, не очень ласковой погоде норильчане, однако, говорят с неизменным юмором.

— Ветер сумочку дамскую гонит по тротуару, а за ней ее хозяйка бежит, никак догнать не может. Кричит: «У меня там три десятки!» А ей кто-то в утешение: «Не горюй, к тебе сейчас другая сумочка, с тремя сотнями прилетит!»

Или:

— Иду это я, а ее навстречу пурга несет. Прямо ко мне в объятия. Просит: «До стены проводи». Ну и проводил... на всю жизнь.

— Унты не подбил микропоркой, вышел на улицу, а меня как понесет, как понесет, будто на лыжах с горки лечу.

— После пурги на улице столько пыжиковых шапок валялось, подбирать не успевали...

И в то же время нет, пожалуй, другого города в стране, где бы с последствиями пурги разделялись так быстро. Для очистки улиц в Норильске приспособили отработанные в авиации турбины: мощная струя воздуха выдувает снег из любого закоулка. Армия бульдозеров и других машин dokonчит начатое. На операцию «снег» уходит всего два часа.

И еще одна особенность города на шестьдесят девятой параллели. Уличные фонари здесь повешены очень близко друг от друга, часто. В других городах расстояние между ними пятьдесят метров, в Норильске — вдвое меньше.

Сейчас фонари, понятно, не горят, а зимой не выключаются с ноября по февраль, пока не взойдет солнце, принося с собой удивительно синие рассветы и голубые, прозрачные сумерки. А вот красные лампы на угловых домах светятся и сейчас; это на случай тумана, который иногда бывает таким густым, что если смотреть на город издали, то увидишь только верхушки заводских труб над плотной серой пеленой, похожей на смог. Туман — нередкий гость и зимой, но это уже при сорока пяти градусах мороза.

Весной свои неприятности: надо опасаться сосулек с крыш. Весенняя погода в этих местах капризна, меняется несколько раз на дню — то тает, то морозит, вот и вырастает сосулька порой до нескольких сот килограммов весом. Упадет такая с крыши кому-нибудь на голову — и нет человека...

...На следующий день я захожу к Кирдяновым. Небольшая квартира, где основной и, я бы сказал, самой нарядной частью обстановки являются заполненные книгами стеллажи. Уютно, обжито, прочно.

Жена Кирдянова, Маргарита Ивановна, библиограф центральной городской библиотеки, увлекающаяся молодая женщина с горящими глазами и нимбом пышных волос вокруг головы, сразу же начинает рассказывать любопытные истории некоторых книг, с каким трудом они достаются в Норильске. Говорит она, заметно волнуясь, но свои переживания и чувства выражает не жестами, даже не взглядом, а голосом, который то понижается до шепота, то становится громким, будто она говорит с трибуны, а не за семейным столом, уставленным разными вкусными вещами, среди которых и обещанная Игорем Ивановичем дикая утка.

— Уехать из Норильска? — повторяет Маргарита Ивановна мой вопрос. — Что вы! Разве здесь плохо? Разве в каком-либо другом городе так любят книгу, как у нас? Вы знаете,

как у нас проходила подписка на Куприна? По телевидению поздно вечером в четверг объявили, и в ту же ночь записалось двести человек. Каждый десятый дежурил. А подписка в субботу началась... И вообще у нас емкость книжного рынка шестьсот тысяч рублей в год, а книг выделяют на двести пятьдесят тысяч. Разве ж так можно?

В библиотеке, где работает Маргарита Ивановна, мне дают справку: Норильск занимает первое место в Союзе по количеству литературы на душу населения.

На этом, однако, мое сегодняшнее знакомство с культурными ценностями Норильска не заканчивается. Игорь Иванович, заговорщически переглянувшись с женой, заявляет, что непременно хочет показать мне еще одну достопримечательность своего города.

На этот раз мы пользуемся автобусом и едем в неизвестном мне направлении. Вдали виднеется Теплое озеро. Сейчас оно выглядит очень эффектно. Отработанную в котлах электростанции воду охлаждают, пропуская через трубы с множеством отверстий. Получаются великолепные фонтаны, водяные фейерверки, вода разбивается в пыль, и в ней горят все семь цветов радуги. На берегу сидит мальчишка и болтает ногами в теплой воде.

Мы выходим из автобуса, заворачиваем за угол и попадаем на... базар значков. Полагаю, что этот базар не зарегистрирован ни в одном отделе горисполкома, но от этого он не стал беднее. На складных стульчиках, на тротуаре, на картонных, приставленных к сваям щитах сияют эмалью, блестят на солнце, горят то голубым, то золотым, то красным сотни разных значков. Все они выпущены в Норильске и относятся только к нему. Это сплошь норильские значки.

— Другими здесь не обмениваются, — сообщает Игорь Иванович.

Тут следует признаться в затаженной, хотя и довольно безобидной болезни, которой вот уже много лет заражен автор этих строк: он тоже собирает значки, причем не все без разбора, а лишь по одной теме — географической. Значки с названиями городов, островов, рек, горных хребтов... Пока у меня есть всего один норильский значок, выпущенный к 25-летию той самой ТЭЦ, которая согревает озеро. До сего времени этот значок был моей гордостью, ибо подобного я ни у кого не встречал. И вдруг такое обилие именно норильских, уникальных, таких труднодоступных там, «на материке», значков. И только на обмен! Есть от чего впасть в уныние...

Но, как всегда в Заполярье, на помощь приходит закон се-

верного гостеприимства. Игорь Иванович отворачивает лацкан своего пиджака и снимает оттуда добрый десяток значков.

— Это вам на память о Норильске,— говорит он великодушно.

В следующий мой визит к Кирдянову я рассматриваю его коллекцию значков. Герб Норильска: традиционный щит, разделенный на две половины, золотую и черную: полярный день и полярная ночь, расплавленный металл и недра, где лежат руды. В центре щита — белый медведь, он держит в лапах ключ, которым норильчане «открыли» подземные кладовые... Значок с земным шаром и цифрой «69», говорящий, на каком градусе северной широты расположен город. Значок с химическими символами меди и никеля. С бегущим оленем. С полярным сиянием. С цифрами памятных лет...

А вечером у меня еще одна встреча — с инженером-железнодорожником, к которому есть коротенькая записка, мол, так и так, окажи содействие, покажи, что найдешь нужным.

И вот мы уже едем куда-то высоко в гору, на обогательную фабрику, ходим по ее полукилометровой длины корпусу, где измельчают добытую в шахтах руду, чтобы потом извлечь из нее цветные металлы.

Из грохота дробилок, которым наполнен корпус, мы наконец выбираемся на воздух. Оглушенный внезапно наступившей тишиной, я долго люблюсь открывшимся сверху видом — текущим с горы огненно-красным, тускнеющим на глазах потоком шлаков, опоясывающими гору обручами железнодорожной колеи, по которой сейчас движется состав думпкаров с рудой, самим городом, его светлыми домами с горящими на солнце окнами, широкими улицами, которые ломают свое направление, чтобы хоть как-нибудь утихомирить ветры...

...В этот мой приезд в Норильск мне везет на знакомства с авиаторами. Вчера вечером я расстался с Кирдяновым, а утром уже сижу в кабинете Чередниченко. Георгий Николаевич расстроен, он тяжело вздыхает, морщит лоб, нервно барабанит пальцами по столу, а потом поднимает на меня усталые глаза.

— Снимать пилота надо, вот что... А не хочется. Хороший пилот.

И он рассказывает, как вчера один командир вертолета взял сверх нормы восемьсот килограммов груза. Поверил геологам. Сказали, что ящики с образцами по десять килограммов, а оказалось, по девятнадцать. На других коробках надпись: «Конфеты», а на деле — металлические запчасти.

— Чуть машину и людей не угробил. У пилота за этот рейс седых волос прибавилось. Сегодня, понятно, ночь не спал, да и следующую ночь спать не будет,— Чередниченко качает головой.— Поверил!

Я пытаюсь возразить, смягчить остроту положения.

— Но все-таки вытянул этот пилот. Не разбился...

— Этого еще не хватало!

И я вспоминаю тех поистине самоотверженных пилотов, с которыми мне приходилось летать вместе с геологами, как эти пилоты делали вид, что не замечают, сколько груза мы тащили в казавшееся бездонным нутро крохотного Ан-2. И поднимались в воздух, и летели, и приводнялись где-нибудь на Оби или Полуе. Как садились на крохотное озерцо, с которого потом никак нельзя было взлететь, и мы, те, кто оставался в лагере, зацепив веревкой за хвост машины, держали ее, пока мотор не набирал обороты и пока у нас хватало сил, потом разом отпускали, и пилот совершал, казалось бы, невозможное — взмывал в воздух с таким минимальным разбегом, что, скажи об этом где-нибудь в другом месте, не поверят.

Чтобы окончательно разобраться в истории с провинившимся пилотом, Чередниченко едет в аэропорт, где базируются «извозчики» — экипажи самолетов и вертолетов, обслуживающие хозяйственные нужды огромного северного края.

— Ночью ласточки прилетели,— вдруг объявляет Чередниченко.— Они нам тепло приносят на крыльях. Вчера три градуса было, а сегодня, слышали, пятнадцать обещают. Весна идет...

А на календаре середина июля. Трудное даже для Норильска лето.

Едем вдоль берега Норилки. Не так давно прошел ледоход, и сейчас река чиста, полноводна, и на ее глянцевой поверхности отражаются плывущие в небе Ми и «аннушки», окрашенные в ярко-оранжевый цвет.

Приехав, на время прощаемся, и я отправляюсь к командиру вертолетчиков Виктору Сергеевичу Пестереву. Он молод, подтянут, говорит веско, фразы строит коротко, без лишних слов. Здесь я буду ждать экипаж, который повезет меня по трассе газопровода на Мессояху.

Через открытое окно — как-никак пятнадцать градусов! — врывается бесконечный шум вертолетных винтов, на плоской крыше загорают раздетые по пояс свободные от вахты пилоты.

Работы много, заявок еще больше, и не только от хозяйственников, но и от туристов, целая пачка слезных просьб — из Киева, Ленинграда, Арзамаса, Ставрополя... Все хотят, чтобы

их из Норильска забросили за сотни километров, как можно подальше от оседлого жилья.

Но пока авиаторам не до туристов, надо обслужить тех, кто осваивает Север, не гостей, а хозяев. Из окна видно, как спокойно проплывает по небу вертолет с пачкой длинных труб под брюхом.

— Да, вот это корабль! Работать одно удовольствие. Машина! И о людях подумали. У прежних машин если на улице минус сорок, то в кабине — тридцать пять, а тут теплынь, обзор что надо, автопилот...

К командиру то и дело заходят летчики, механики, и Пестерев знакомит меня с ними. Выделить кого-либо командир не решается, все работают в труднейших условиях, многие имеют все допуски («Когда к больному по санзаданию летим — можно и сто на тысячу... Непонятно? Ну, значит, видимость тысяча метров, высота облачности — сто, это почти вслепую»): самостоятельный подбор площадки, ночные полеты...

Да, без допуска к ночным полетам здесь летчику зимой и делать нечего. Три месяца длится полярная ночь, а к северу и того дольше. Летают от Подкаменной Тунгуски до Карского моря, до его островов.

— Строили линию электропередач, опоры по трассе развили — от Норильска до Снежногорска, где Хантайская ГЭС, самая северная в мире. Экспедиции обслуживаем, — продолжает Пестерев, — Таймырскую геофизическую, комплексную геологоразведочную, НИИ Крайнего Севера...

Наконец появляется экипаж, с которым я полечу. Командир вертолета Рудольф Иванович Ельцов, второй пилот Валерий Викторович Шакуров, бортмеханик Виктор Фомич Бесталанных.

— Кто там с нами? Готова машина...

Машина, впрочем, готова еще не полностью, в ее распахнутый зев укладывают картонные ящики с болгарскими консервами для магазина в Мессояхе. Молодая женщина, должно быть продавщица, стоит поодаль, смотрит, как работают грузчики, потом усаживается на ящики, рядом с другими, не нашими пилотами; мы их «подбрасываем» до Алыкеля, где наш вертолет будет заправляться.

Начинает вращаться винт вверх, долго кружится вхолостую, вяло, потом гул резко нарастает, превращается в пронзительный визг, все чаще по кабине проносится тень от лопастей, вертолет начинает покачиваться, дрожать, и мы медленно отрываемся от земли. Спокойная до этого вода Норилки кипит от поднятого винтом ветра, но вот уже не видно этой ряби,

а лишь изогнутая лента реки с голыми островами, строгие прямоугольники каменных кварталов Норильска, заводы, озеро с купоросного цвета водой.

А вот и тоненькая змейка газопровода — две нитки, неразлучные, как рельсы железнодорожной колеи. В отличие от других сооружений подобного рода они не запрятаны в землю, а проложены над ней, лежат на опорах, опять же для того, чтобы не потревожить коварную вечную мерзлоту. И только в местах перехода через реки — через Енисей, Норилку, Большую и Малую Хету (их очень много, этих рек) трубы уложены по дну. Тут все уникально. Нигде в мире не прокладывали газовые трубы так далеко за Полярным кругом, в таких сложнейших природных условиях, при таких низких температурах и таких жестоких ветрах...

Я был здесь, когда газопровод только начинали строить, летом 1968 года, а сейчас газ из скважин идет по этим стальным рукавам к котлам норильских заводов. Вертолет, на котором я лечу, тоже участвовал в стройке — возил трубы, сваи, опоры, регеля, кислород, сменял вахты полярной ночью и полярным днем, в пятидесятиградусные морозы и в тридцатиградусную жару.

И еще одно воспоминание. Дудинка. Экспедиция Всесоюзного научно-исследовательского нефтяного геологоразведочного института. Сидим на базе в ожидании погоды, чтобы улететь в район озера Тонского. Времени свободного много, идти некуда, и начинаются бесконечные разговоры. На стене висит карта Красноярского края, по которой скользит конец карандаша в руке научного руководителя экспедиции Николая Григорьевича Чочиа. Рассказ идет о таймырском газе.

...В 1934 году геолог Николай Александрович Гедройц шел по тундре в низовьях Енисея. Он остановился лагерем на берегу озера, развел костер и вскипятил в котелке воду на чай. Вода оказалась соленой. Тут он вспомнил, что некоторые озера и реки в этом краю долганы называют Солеными. Гедройц задумался: что бы это могло значить?

Наступила зима, и геолог пролетел на самолете над одним из таких озер. Сверху он увидел странную картину: молодой лед был исчерчен светлыми полосами, протянувшимися на километры. Гедройц предположил, что это не что иное, как следы газовых струек, поднимающихся со дна озера. Предположение подтвердилось. Больше того, анализ показал, что газ не был обычным для болот метаном, а состоял из более тяжелых углеводородов. Нечто похожее случилось и на Большом Хетском озере около Дудинки. Однажды рыбаки прорубили лунку во

льду, и оттуда, шипя, вырвался поток газа. Его подожгли, и он долго горел жарким пламенем.

Открытие настолько заинтересовало Гедройца, что он срочно поехал в Москву на прием к наркому тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе. Как раз к этому времени Советский Союз закупил за границей двадцать пять довольно мощных по тем временам буровых станков. Бурение началось в районе Малой Хеты, там, где Гедройц заметил светлые полосы на льду озера. Было затрачено много усилий, было немало неудач, но предположение геолога все же подтвердилось: скважина дала газ. Это был первый газ Сибири. Ударил и нефтяной фонтан, но не здесь, а в восточной части Таймыра, у Нордвика. Однако промышленных месторождений газа на Енисейском Севере в ту пору обнаружить не удалось.

Минули годы, изменились времена, накопился опыт. Геологи снова вернулись в места, впервые указанные Гедройцем, и снова подтвердили: да, здесь может быть газ. В тундру вышли тракторные поезда Таймырской геофизической экспедиции, начали работать на подготовленных структурах буровые бригады.

В ночь на 18 января 1966 года к ровному гулу станка вдруг добавился посторонний шум, похожий на бульканье кипящей воды. Пласт начал «работать». Вскоре, однако, все стихло, и руководитель испытания геолог Алексей Федорович Черкашин объявил отбой. А ночью загромыхало! Из скважины вырвался фонтан свистящей, замерзающей на лету воды. Быстро обледенела вышка. Вместе с водой в небо летели песок и газ, сдавленный до тридцати атмосфер. Положение стало очень опасным.

С огромным трудом, поминутно рискуя жизнью, люди поставили арматуру, чтобы усмирить вырвавшийся из повиновения фонтан. Газ по трубам отвели в сторону от буровой и подожгли. Язык горящего пламени вытянулся на сорок метров. Растаяли вокруг накалинные морозом снега. Дрожал от страшного гула воздух. Люди объяснялись жестами. Желтое зарево горящего газа смешивалось с мгновенно меняющимися красками ночного неба, охваченного полярным сиянием. Газеты писали: «Вспыхнул первый газовый фонтан Таймыра».

Через два месяца была разработана еще одна скважина, а 1967 год увенчался открытием Мессояхского газового месторождения, откуда голубое топливо поступает в Дудинку, Норильск и Талнах.

... Летим низко над трассой, и я могу хотя бы бегло увидеть Дудинку — морской и речной порт Норильска, раскинув-

шую острые крылья огромную бетонную чайку у входа, яркие разноцветные краны, суда под погрузкой, железнодорожные составы с «произведениями» норильских заводов, подступающие к Енисею шеренги пятиэтажных домов. Много прибавилось их за последние три года! Ищу глазами Дудинскую улицу, базу «моей» экспедиции, но тщетно: город здорово изменился за это время, и нашу базу, наверно, сожгли вместе с другими деревянными хибарами, освобождая место для новостроек. Виден только неимоверно широкий Енисей с распростертым вдоль русла островом Лаврентьевским, на котором несколько лет назад звукооператоры записывали птичьи голоса.

Дудинский порт особенный, не похожий на другие: каждую весну его затопляет Енисей, поднимающий свои воды на высоту двенадцати, пятнадцати, иногда двадцати метров. Приходится все огромное хозяйство тащить наверх — краны, железнодорожные пути, мачты для прожекторов, трансформаторные будки. Потом, когда пройдет ледоход и схлынет вода, все это надо переносить на старое место, вниз, да еще убирать слой ила, песка, начиненного камнями, что принес с собой и оставил «на память» разбушевавшийся Енисей. Но и во время полной воды порт не прекращает работы: у него есть «второй этаж» — незатопляемые причалы вверх.

Дудинке в 1967 году стукнуло триста лет. Это событие помимо всего прочего было отмечено выпуском двух значков, одного с полярным сиянием, другого со старинным судном-кочем и надписью: «Дудинка, 300 лет».

Среди имен промысловых русских людей, в начале XVI века проникших на Енисейский Север, сохранилось имя Дудина, который построил зимовье на берегу неизвестной реки, впадавшей в Енисей. Это был храбрый охотник и хороший человек, оставивший после себя добрую память у аборигенов края. Говорят, умер он не своей смертью, а утонул в реке, которая стала затем называться его именем — Дудин-река. Шло время. В 1667 году русское правительство направило сюда стрелецкого пятидесятника Ивана Сорокина, который, как он сообщал, построил «ясашное зимовье с нагорной стороны края Енисея пониже верхняя Дудин-река». По этому первому документу и ведет счет своим годам сначала зимовье, потом село, затем город Дудинка — центр Таймырского или, что то же, Долганско-Ненецкого национального округа.

В Дудинке живет мой знакомый — инженер-геодезист Александр Николаевич Кондрашов. Каждый год вот уже много лет подряд он с одной и той же точки фотографирует свой город. Он показывал мне снимки в той последовательности, в которой

они были сделаны. Вот здесь Дворец культуры, здесь Дом связи, школа, на этом — Дворец спорта, стадион, на том — квартал жилых домов. Между прочим, первый опытный дом на сваях в нашей стране поставили в Дудинке и лишь потом стали строить такие дома в Норильске.

Если бы мне удалось посмотреть последние снимки Александра Николаевича, я бы увидел на них здание газораспределительной станции и трассу центрального коллектора для очистки сточных вод. Некогда обожествляемый северными народами Енисей должен нести в Карское море только светлую воду, чтобы не иссякли в нем запасы осетра, стерляди, нельмы, омуля, муксуна, чира, сига, хариуса, тайменя, чтобы по-прежнему на берегах великой реки находили приют неисчислимые стаи перелетных птиц.

...Пока я предавался этим размышлениям, Дудинка давно исчезла из поля зрения. Идем на северо-запад, в сторону Гыданской губы, и пейзаж внизу становится еще суровее. Реки с выброшенными на берег остроугольными синими льдинами, одинокие лиственницы, прошлогодняя, желтая трава тундры, заснеженные лощины, напоминающие формой олени рога... А вот и сами олени — настоящие, дикие, — целый табун! Должно быть, они уже привыкли к вертолетному гулу, но еще боятся переходить через газопровод, и строителям приходится в некоторых местах поднимать трубы метра на четыре — оставлять ворота для оленей.

Оленей на Таймыре больше, чем в любом другом месте нашего Севера, — до двухсот пятидесяти тысяч голов! Государство взяло под охрану этих красивых, сильных животных, и они немного обнаглели: быки врываются в колхозные стада и уводят за собой важенков, и не единицами, не десятками, а целыми сотнями. Недавно «дикари» еще проштрафились: вытоптали и съели на несколько лет вперед ягельные пастбища на правом берегу Енисея, от Дудинки до Диксона. Это изблюбленные места летних кочевий диких оленей; они зимуют в эвенкийской тайге, а с приближением весны отправляются в сторону Карского моря, спасаясь от гнуса.

Стоит удивительно ясный, безоблачный день. От озер и ручьев, от самой малой лужицы солнце отражается как от зеркала, и этот солнечный зайчик то и дело слепит, бьет в глаза. Даже припайный, так и не растаявший лед на озерах и тот посылает нам свое отражение, правда не такое блестящее, а как бы приглушенное, с благородной перламутровой бледностью.

Наконец подлетаем к той нулевой отметке, откуда берет свое начало газовая «река». Уже давно нет исторического ко-

лышка, за который закрепили первую растяжку первой палатки. Нет и самих палаток. Мессояха — это голубые двухэтажные домики, балки, приземистые цилиндры для поступающего газа, буровые вышки вдали...

Вертолет медленно опускается. Прижимаются к земле травы, цветы, боятся, что мы их сейчас растопчем. Боятся, однако, напрасно: для вертолетов давно сделан бетонированный пятачок.

С лесенки сходит бортмеханик и, наклонясь, кричит мне на ухо:

— Передали, что на Хатангу завтра в двадцать два по московскому времени!

Я сначала не понимаю, в чем дело, но потом догадываюсь: это сообщил по рации Игорь Иванович, которого я вчера просил уточнить, когда идет на восток рейсовый самолет.

Последний перед новой дорогой день я отдаю Талнаху. Самолет в Хатангу летит в двадцать два по московскому времени, значит, по местному времени в два ночи следующих суток. Время у меня есть, и я использую старый способ: доезжаю до шоссе на Талнах автобусом, выхожу и поднимаю руку.

Останавливается первая же свободная машина — грузовая, порожняя «Колхида».

— Если в Талнах, садитесь! — кричит шофер.

Разговор в машине, естественно, заходит о Талнахе, этом юном спутнике Норильска, его спасителе, если на то пошло...

...Начиная с первых военных лет Норильск развивался очень быстро. Стремительно росло его молодое население, строились новые заводы, вступали в строй новые шахты и карьеры. Город хорошел.

И вот все это созданное с такими гигантскими усилиями — эти великолепные площади, улицы, театры, уникальные предприятия, Теплое озеро, техникумы, плавательный бассейн, стадионы, Индустриальный институт, теплицы, телецентр с «Орбитой», — все это оказалось под угрозой забвения. Причина была одна — истощение запасов норильских руд. Их вычерпали почти всюду, где представлялось возможным. Комбинат работал на остатках, «на хвостах». Еще недавно бурная его жизнь угасала.

В техническом архиве Красноярского совнархоза хранятся документы, относящиеся к тому трудному для Норильска времени.

В 1959 году: «Норильский комбинат... работает нерентабельно».

На следующий год: «Проведенные расчеты неопровержимо доказывают: дальнейшая разработка старых норильских рудников, все более истощающихся, экономически нецелесообразна...»

Тогда же: «В связи с тем, что увеличение выпуска цветных металлов из руд месторождения «Норильск-1» связано с непропорционально высокими затратами на капитальные вложения, разрабатывается решение о замораживании производства на прежнем уровне, что, как известно, является первой стадией консервации всего производства. Положение усугубляется тем, что комбинат — единственное предприятие Норильска, и тем самым на повестку дня ставится вопрос о дальнейшем существовании всего города...»

И здесь случилось то, что должно было случиться хотя бы во имя справедливости по отношению к городу на шестьдесят девятой параллели. Он не заслужил участи Мангазеи и остался жить. Произошло это по вполне материальной и веской причине. 8 июня 1960 года вблизи города, у подножия горы Отдельной, молодые геологи Норильской экспедиции нашли полиметаллическую руду. Рассказывают, что тот из них, кто первый поднял с земли рудоносный валун, закричал от радости.

Потом начались сомнения. Скептики твердили, что район находки давно обследован и оценен специалистами как бесперспективный. Оптимисты настояли на повторном исследовании, которое поручили геологической партии Г. Д. Маслова. Разведка оправдала прогноз оптимистов. Осталось подсчитать запасы и утвердить их Государственной комиссией при Совете Министров СССР, без чего нельзя начать эксплуатацию нового месторождения. Обычно на это уходит немало лет, а ждать, медлить было невозможно. И тут произошло нечто не имевшее ранее места в практике. Тогдашний директор Норильского комбината, ныне секретарь Центрального Комитета КПСС Владимир Иванович Долгих, при обсуждении вопроса в достаточно высоких инстанциях доказал, что надо рисковать. Было решено начать освоение Талнаха.

В сентябре 1962 года (за четырнадцать лет до утверждения запасов!) он издал приказ:

«Для безусловного выполнения мероприятий по форсированному освоению Талнахского месторождения приказываю... развернуть работы по строительству жилого поселка... Организовать строительство дороги Норильск — Талнах... Забросить до ледостава на правый берег реки Норилки, на базу «Северная», не менее 1000 кубометров деталей деревянных домов...

Организовать в сентябре — октябре заброску грузов вертолетами из Норильска на посадочную площадку «Талнах» не менее чем по 20 тонн в сутки... Закупить и выдать управлению строительства Талнахрудшахтстрой 200 штук спальных мешков и 400 штук односпальных кроватей...»

В тот же год в нашей стране появилась еще одна Всесоюзная ударная комсомольская стройка — Талнах. И пошло! В марте 1966 года с нового рудника «Маяк» отправился первый состав с талнахской рудой на медеплавильный и никелевый заводы. Затем вступил в строй второй рудник — «Комсомольский». Вырос поселок. К нему провели железную и шоссейную дорогу, по которой я и еду в молодой спутник Норильска.

Машина идет легко, быстро. По обеим сторонам шоссе то тут, то там видны запотевшие зеркала маленьких тундровых озер и растет редкий лиственничный лесок. Среди чахлах деревьев нет-нет да и попадается высокое, стройное, даже могучее. Просто непонятно, как оно смогло вымахать таким.

А вот в Норильске деревьев нет, овсы да ячмени на газонах — вся зелень. Увы, виноваты люди. Лиственничный лес рос и на том месте, где стоит Норильск. Но когда город строили, деревья вырубали подчистую. Вскоре, однако, спохватились и попробовали возместить урон: пересаживали из лесотундры взрослые деревья, но они отказались расти, протестуя против дыма, который выбрасывали заводские трубы.

— Сейчас куда меньше дымят, многие на газ перешли, — охотно поддерживает разговор водитель «Колхиды». — Да и трубу на четыреста двадцать метров строят — для отвода агрессивных газов. В газетах писали, что наша труба самая высокая в мире будет. Не читали?

Читал. Читал и об опытах с саженцами, которые стали приживаться, после того как с пуском газопровода норильское небо стало заметно чище. Но чтобы вырастить двух-трехметровое дерево в здешних широтах, потребуется лет полтора. Это уже для правнуков тех энтузиастов, которые сажают деревья.

(Однажды — это было на Тазовском полуострове — повар нашей экспедиции, не утруждая себя ломкой веточек карликовой березки для костра, спилил единственное росшее в нашем лагере деревцо лиственницы. Боже мой, какой шум поднял тогда научный руководитель экспедиции Николай Григорьевич Чочиа! Он сел возле пенька на корточки и, вооружившись лупой, стал считать годовичные кольца. «Сто сорок шесть, — устало объявил он. — А ростом это почтенное дерево, — он укоризненно посмотрел на повара, — всего на две головы выше вас.»)

— Вот и у нас, наверное, такие же старики растут,— говорит шофер, выслушав эту историю.

— Пожалуй, тут деревьям еще труднее. Тазовский полуостров южнее Норильска... А в Талнахе лес есть? Сохранили?

— Скоро увидите.

И верно, наш путь приближается к концу. Уже хорошо виден новый поселок в обрамленной горами чаще, высокие кирпичные дома и... лиственницы. Что с того, что их верхушки не дотягиваются до крыш! Деревья есть, они растут, их сберегли на радость тем, кто живет и работает в Талнахе.

У въезда в поселок, чуть в сторонке от шоссе, стоит памятник первооткрывателям талнахских руд и участникам стройки. Я прошу водителя остановиться, чтобы сфотографировать бетонную палатку, прижавшуюся к похужей на парус стеле. На стеле — единственное слово: «Первым!» Памятник хорошо вписывается в пейзаж — лесок и невысокие серо-зеленые горы с пятнами снега на дне распадков. Говорят, что где-то здесь стояла первая палатка. Ее поставил заведующий складом Василий Федорович Молдован еще в то время, когда строители только оформляли комсомольские путевки.

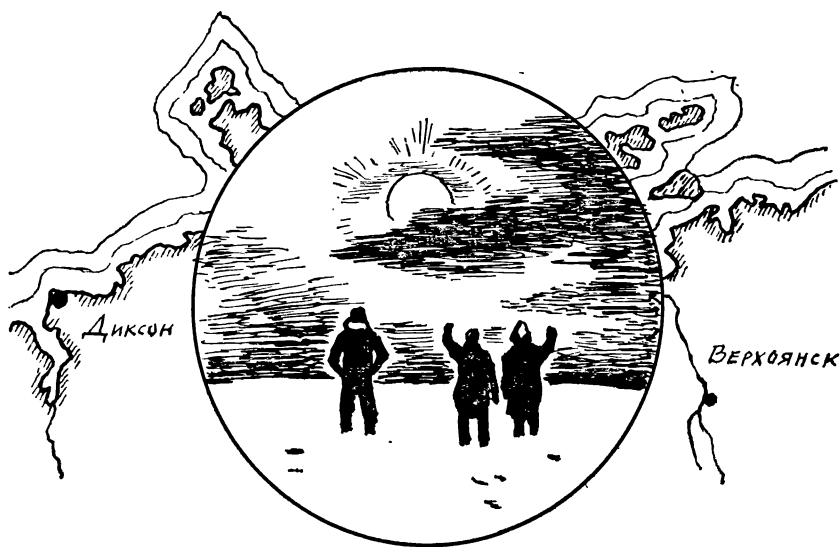
Поселок встречает нас несколько необычным плакатом «Талнах раздвигает границы». Так оно и есть, если судить по жителям. Кого только не встретишь тут — и русских, и якутов, и белорусов, и ненцев, и долган, и украинцев, и казахов! Всех их собрал вместе Талнах.

Вот и пришла пора прощаться с Норильском. В аэропорт приходится ехать загодя: шоссе туда еще не закончили, а последний поезд отправляется вечером.

Игорь Иванович, к сожалению, не дежурит, и я коротаю время, присматриваясь к работе аэропорта. Несмотря на поздний час, то и дело прибывают и взлетают самолеты. Через окно видно, как из одного из них, грузового, вытаскивают ящики с клубникой, вишнями, помидорами...

Наконец объявляют о прибытии самолета из Москвы, который полетит в Хатангу.

До свидания, Норильск!..

ХАТАНГА, ОСВЕЩЕННАЯ СОЛНЦЕМ

Удобно устроившись в мягком кресле самолета, посасывая карамельку «Взлетная» и поглядывая в окошко на тундру, я думаю, насколько техника приблизила к нам эти недоступные ранее места. С. Крашенинников, С. Дежнев, С. Челюскин, братья Дмитрий и Харитон Лаптевы, Э. Толль, Г. Седов, В. Русанов... С каким риском для жизни (а то и ценой жизни) и как невероятно долго и трудно пробивались они к цели по этой неуютной ледяной земле, чтобы достичь тех ее уголков, на поездку к которым современный человек затрачивает несколько часов безопасного и комфортабельного путешествия!

В голову забредают назойливые, вредные мысли: чтобы лучше познать Арктику и сполна испытать всю гамму переживаний, все же надо было выбирать более примитивный способ передвижения. Хотя бы такой, которым воспользовался в наши дни потомственный помор Дмитрий Андреевич Буторин на своей «Щелье». Он решил пройти теми дорогами, которыми ходили его предки. Об этой «легендарной посудине» мне рассказывали на Диксоне, где «Щелья» отдыхала и поправляла свое здоровье. Следы ее пребывания я мог бы увидеть на реке Таз, где когда-то была Мангазея, на мысе Челюскин и в дельте Лены, и до каждого из этих мест отважный помор добирал-

ся, используя не современное пассажирское судно или современный самолет, а на старом баркасе, на котором залатал дыру и сменил обшивку.

Еще более удивительным было путешествие по кромке Ледовитого океана, которое предпринял Глеб Леонтьевич Травин. В ноябре 1929 года он отправился в путь на велосипеде и за полтора года проехал на своей нехитрой машине сорок тысяч километров — от Кольского полуострова до поселка Уэлен на Чукотке. Отважного путешественника на каждом шагу подстерегали опасности — встречи с медведями, полыньи, страшные морозы и страшные ветры. Однажды он вмерз в лед, когда спал, и с величайшим трудом освободил себя из ледяной гробницы... Сам себе ампутировал в чуме обмороженные пальцы на ногах... Однажды обессилел до такой степени, что на него напал голодный песец.

Насколько же остро такие люди, как Буторин и Травин, чувствовали природу Арктики, какую уйму необычного в обычном, повседневном подметили они, какими удивительными открытиями и встречами обогатили себя!

Увы, мне это не дано. Меня несет с запада на восток не баркас «Щелья» под оранжевым парусом и не ярко-красный велосипед с блестящими никелированными спицами, а прозаический, ставший обыденным в Арктике самолет гражданской авиации, совершающий регулярные рейсы между Москвой и Тикси. Не да-но...

Но тут, обгоняя грустную мысль, спешит на выручку другая. Разве и при таком способе передвижения ты не испытываешь прелесть новизны, радость познания, чувство приобщения к природе, необычной для жителя средней полосы России? А что касается комфорта, порожденного современной цивилизацией, то неужели это плохо, что он есть, что входит в быт? Так и в отношении интересных людей. Шансы встретиться с ними, ей богу, не зависят от того, каким образом ты передвигаешься по планете. Более того, чем подвижнее человек, тем больше у него возможностей таких встреч. Кажется, Гёте сказал: «Каждый человек есть неповторимое чудо». В обыкновенной и в то же время необыкновенной Арктике это определение великого поэта звучит особенно современно и верно.

...С высоты семи километров даже в безоблачную погоду нельзя различить детали на земле, а сейчас по небу бегут холодные, с темными краями облака. Пилоты не любят врезаться в них и, если представляется возможность, обходят их стороной. По тундре от этих облаков медленно плывут тени. Внизу пусто, дико, голо. Большие тундровые озера кажутся

маленькими лужами, а реки напоминают витиеватые вензеля, которыми писари украшали в старину заглавные буквы. То тут, то там белеют пятна снега. Наверное, за время моей летней поездки мне так и не удастся увидеть пейзаж без снега: не успеет растаять прошлогодний, как придет пора выпадать новому.

Потом земля и вовсе закрывается тучами, и уже под нами только освещенная ярчайшим солнцем сияющая всхолмленная равнина. Любопытно, развеются ли тучи, когда мы будем подлетать к Хатанге, оправдает ли она характеристику, которую ей дали полярные пилоты: «Самый гостеприимный аэропорт Арктики»? Это в отношении летной погоды. Не принимает ветреный и туманный Диксон, не принимают Тикси, Нордвик, Норильск, Чокурдах, порой бывает так, что закрывается и тот аэропорт, откуда вы вылетели два-три часа назад. И тогда выручает Хатанга.

На этот раз Хатанга тоже верна себе. Сверху освещенный солнцем поселок словно крошки хлеба, не убранные с бледно-голубой скатерти. Но вот мы снижаемся, и «крошки» быстро превращаются в дома, серые от времени и новые, каменные. Уже видны на огромной Хатанге-реке океанские корабли и такие крохотные по сравнению с ними гидропланы, похожие на кузнечиков с тонкими ножками, обутыми в оранжевые калоши-поплавки. «Аннушки» летают по всему огромному Хатангскому району, в самые гиблые места, развозят экспедиции, обслуживают оленеводов, выполняют обязанности «неотложки». Садятся они почти на любую воду, лишь бы не было мелей.

Наконец наш Ил-14 выходит на финишную прямую, легко, полого скользит вниз и, чуть стукнувшись колесами о бетон полосы, слегка подпрыгивает и, шумя встречным ветром, гасит скорость. Первыми спускаются по трапу пилоты, за ними пассажиры.

Но боже мой, в какой крошечный ад попадаю я, едва ступив на хатангскую землю! Туча вьющихся комаров, пищущих на таких высоких нотах, что этот писк не могут заглушить работающие турбины и винты самолетов, мгновенно окутывает голову звонким полупрозрачным шаром. На Диксоне комаров почти никогда не бывает — слишком холодно; Норильск — город, и комары, как правило, там не живут. В Хатанге же...

Я забыл заранее вынуть из рюкзака флакончик с диметилфталатом и теперь жестоко расплачиваюсь. Искусанный до крови, я сгребаю ладонью тщедушные, мертвые тела с шей, с висков, со щек. Мною овладевает первобытное чувство мести,

садистское желание массового уничтожения этих летающих кровопийц, и каждый убитый комар доставляет радость, точно победа добра над злом. Скорее в здание аэровокзала, где можно спокойно развязать рюкзак и достать спасительный флакончик!

Дежурный по аэровокзалу, кому я показываю пачку своих служебных билетов, проникается ко мне административным уважением и объясняет, что сегодня самолета на Тикси не будет — задержали в Амдерме из-за непогоды. Но я и не собираюсь лететь сегодня дальше, мне хочется побродить по поселку, в котором не был пять лет, встретиться со знакомыми людьми, если они остались, слетать в тундру к геологам или рыбакам.

— Ну вот и хорошо, — говорит дежурный добродушно. — Погостите у нас с недельку... Вы наш хлеб ели?

Хатангский хлеб славится на всю Арктику. Здешние патриоты, естественно, утверждают, что их хлеб лучше, чем диксонский. Он, и верно, очень пышный, вкусный, ароматный. Этим хлебом запасаются местные жители, отправляясь в отпуск: берут еще теплые трехгорбые румяные хлебы и везут за тридевять земель, чтобы удивить друзей или родных. Его берут в буфете транзитные пассажиры — надо ж попробовать!

Хатанга порядком изменилась за эти годы, и я с удовольствием замечаю и новые четырехэтажные дома, и грузоподъемные краны в морском порту, и новенькие легковые машины, которые ходят, правда, только по поселку. Он начинается с крутого, изрезанного оврагами высокого берега реки. Издалека виден обелиск над братской могилой. Там похоронены борцы за Советскую власть, павшие от рук классовых врагов. Председатель Хатангского райисполкома, секретарь кочевого Совета, учитель, заведующий красным чумом, заведующий факторией, начальник экспедиции, райкомсорг...

В оврагах кое-где чернеют пласты каменного угля, и местные жители, говорят, при случае берут в руки ломы и становятся шахтерами. Все улицы, склоны оврагов густо, сплошь покрыты цветущими ромашками, буквально во всех окнах видны разные домашние цветы, их так много, что они, наверное, почти не пропускают в комнаты света.

Сегодня суббота, к тому же тепло, светит незаходящее солнце, и улицы Хатанги заполнены гуляющим народом. Афиша возле клуба приглашает посмотреть новую картину, еще одна — на стадион, где состоится футбольный матч двух местных команд. В Хатанге в футбол начинают играть, как только появляется после полярной ночи солнце и температура подни-

мается до двадцати пяти градусов мороза. Это уже тепло. На снегу расчищают бульдозерами площадку и играют. Зрители наблюдают за игрой в малицах и унтах, а разгоряченные игроки бегают по полю в спортивных костюмах и лыжных шапочках.

Прощально трижды гудит океанское судно в порту; подняв лощманский флаг, оно уходит извилистым и изменчивым фарватером сначала в Хатангскую губу, где, кстати, расположен самый северный в Советском Союзе колхоз, а оттуда в море Лаптевых. Только что шлепнулся поплавок в воду гидроплан, кивает длинной шеей плавучий кран, разгружая стоящий на рейде грузовой пароход. Окна большой, красивой школы горят пламенем на низком солнце.

И даже не верится, что перед революцией «зимовье в сельце Хатангское» состояло из четырех домов и одной церкви и обитало в нем «до двенадцати жителей, считая и церковный причт».

Ни на футбол, ни в кино я не иду, а крутой скользкой тропинкой скатываюсь на песчаный берег Хатанги. Среди накопившегося за зиму мусора лежат толстые плиты чистейшего голубоватого льда. Солнце не только светит, но и греет, и под его теплыми лучами со льдом происходит удивительное превращение: он на глазах распадается на сотни тонких и длинных игл, которые с тихим шорохом падают на землю и тут же тают.

В порту, на складах, — целая симфония запахов. Пахнут грузы. Яблоки, которые лежат в ящиках на барже, — их привезли самолетом и теперь отправляют дальше, на одну из факторий. Пахнут песцовые шкурки, пахнут сложенные штабелями доски. Гуляет по ветру рыбный солоноватый запах. Из того, что лежит на виду, не пахнет, пожалуй, один каменный уголь: его добыли неподалеку от Хатанги в поселке Котуй и скоро развезут по метеостанциям и полярным зимовкам.

Утром я отправляюсь в райисполком на разведку — какие и где в районе работают экспедиции, авось прилетел кто-либо знакомый из ВНИГРИ или мерзлотоведы из МГУ — с ними меня тоже не раз сводила судьба на Тазовском полуострове, на Ямале.

— Однако нет ваших знакомых на этот раз. В минувшем году были геологи из Ленинграда, а в этом не приехали, — председатель райисполкома Константин Лукьянович Поротов добродушно улыбается узкими прищуренными глазами на смуглом худощавом лице. — Партия Норильской геологоразведочной экспедиции есть. Ботаники есть... Две женщины со-

бирают долганский фольклор... Как вы думаете, два человека — это экспедиция или нет? — и он сам улыбается своему шутливому вопросу.

Да, немало экспедиций бродят сейчас по Таймыру. Александр Федорович Миддендорф, первым проникший в 1843 году в глубь Таймыра, явно ошибся, когда писал, что «пройдет столетие прежде, нежели другой странствователь решится нарушить тишину этих пустынь». Через столетие, то есть в 1943 году, советские «странствователи» уже детально изучили природу полуострова.

Константин Лукьянович сам из долган. Народ этот маленький, к тому же относительно молодой, и образовался он от слияния кочевавших в XVIII веке по Таймыру нескольких тунгусских родов с якутскими, которые пришли туда же с берегов Вилюя и Лены. Тут оба этих родовых ручейка встретились с пришлыми русскими, с которыми тоже породнились, слились. Так появилась на свет божий новая народность.

Об этом мне рассказывает председатель райисполкома. Потом он переводит разговор на себя, на свое нелегкое, безотцовское детство кочевника — охотника и рыбака, которого вывела в люди Советская власть. Школа-интернат в Дудинке, Институт народов Севера в Ленинграде («Не смог, однако, окончить из-за болезни»), фронт... На войну он просился несколько раз, пока наконец не уломал военкома и не попал в артиллерийское училище, а оттуда на передовую, в армию прорыва, действовавшую между Витебском и Оршей. С тех пор и до конца войны почти не выходил из боев.

Константин Лукьянович выдвигает ящик письменного стола и, не глядя, ощупью достает сложенный вдвое плотный лист бумаги.

— «Грамота гвардии сержанту Поротову К. Л., — читаю вслух. — Верховный Главнокомандующий, Маршал Советского Союза И. В. Сталин Вас благодарит за отличные боевые действия, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками: при форсировании реки Березины и освобождении города Борисов... за освобождение города Минска... За освобождение города Молодечно... Вильнюса... Шяуляя... Митавы... за прорыв обороны немцев юго-восточнее города Рига...»

Но на этом не закончилась фронтовая эпопея долганина Константина Поротова. После Германии была Маньчжурия, бои за Харбин и Хайлар... Он вернулся в свои родные Левинские пески под Дудинкой с орденами Красной Звезды и Славы, с медалями. Два ордена Трудового Красного Знамени, приколотые к пиджаку, были получены уже в мирные дни.

Удивительная и в то же время такая обычная судьба представителя одной из самых маленьких народностей — долган! Их численность понемногу растет, сохраняются национальные традиции. Никого не удивляет теперь долганин-учитель, долганин-врач.

...Константин Лукьянович никуда не торопится, посетителей нет, и я, пользуясь этим, расспрашиваю о нуждах района, о хороших и плохих людях.

— Плохих у нас нету! — резко перебивает меня председатель. — Если кто и приедет плохой, не выдерживает у нас, вымораживает его мороз, и люди не подадут плохому руки. Так и сбежит туда, откуда приехал.

Поротов вспоминает 1936 год («Мальчишкой еще был, шестой класс только что в Дудинке закончил»), когда из этой самой Дудинки в Москву уехала таймырская делегация и ее принял Михаил Иванович Калинин. В составе делегации были долганы, ненцы, русские. Они рассказали «всесоюзному старосте» о жизни своего округа, о недавно заложенном Норильске. Михаил Иванович слушал внимательно, а потом сам стал задавать вопросы: сколько на Таймыре оленей, хорошо ли поставлены пушные промыслы, как развивается национальная культура, здравоохранение, отступают ли под натиском нового суеверия и предрассудки? Это очень важно, чтобы быстрее преодолеть старое, отжившее, мешающее нам созидать новое, прогрессивное, заметил Калинин.

— ...Отправим вас на Тикси, только долго лететь придется. С остановками.

— Это неважно. А где посадки?

— В разных местах. К геодезистам, к геологам на точки заходить будете. Места нехоженые, дикие.

Этот разговор происходит в кабинете начальника хатангского аэропорта Алексея Васильевича Смирнова. То и дело звонит телефон, включается рация, Смирнов отвечает, вызывает кого-то сам, кого-то отчитывает, кого-то хвалит, его лицо то хмурится, то озаряется улыбкой.

В кабинете народ. Разговор идет о подготовке к зиме, о строительстве склада, о создании промежуточной базы за Новосибирскими островами. База нужна для обслуживания высокоширотных экспедиций. В этом году, с марта по май, хатангские авиаторы, как обычно, летали на СП — длина трассы около трех тысяч километров — через Тикси, Косистый, Темп. В новом году круг работ расширится, и к этому надо быть готовым.

Совещание проходит по-деловому, начальник аэропорта слушает, что говорят пилоты, по ходу разговора вставляет короткие замечания, делает выводы... И в то же время совещание это необычно: Алексей Васильевич Смирнов проводит его в последний раз. Через два дня он сдает дела своему заместителю, а сам уходит на пенсию, проработав в Гражданском Воздушном Флоте около сорока лет. Через два дня он улетает в Ленинград, там будет жить, проведет зиму, и, казалось бы, уже нет ему дела, как пройдет зима здесь, за многие тысячи километров от города на Неве. Однако дело до этого Смирнову есть, и по внешнему облику его, по тому, как он держится, трудно угадать, что Алексей Васильевич сегодня по сути дела прощается с коллективом, с Хатангой, с аэропортом, которому отдал столько лет и столько сил.

А тем временем звонят, вызывают Смирнова по рации геологи, геофизики, ботаники, изучающие Таймыр, и каждой экспедиции срочно, немедленно, сию минуту нужен воздушный транспорт. Радируют жители далеких и очень далеких поселков, полярных зимовок, стойбищ — все хотят попасть с края земли «на материк».

Атакуют пассажиры, прилетевшие в Хатангу, где им предстоит пересесть на «аннушку» и лететь дальше — в тундру, на берег моря, на острова. До чего же все в мире относительно! Хатанга, сама лежащая так далеко от больших городов, тоже имеет свою глубину, еще более недоступную, еще более далекую, чем она сама.

Аэропорт не прекращает работу ни в полярный день (это понятно), ни в полярную ночь, и где-то в стороне, за сотни километров, где нет даже полевых аэродромов и нет электричества, посадочную полосу освещают горячей в бочках солярыкой.

— Сел самолет, прихлопнули бочку крышкой — погас огонь... А после пурги запрягут олешек, те и таскают бревно по снегу, чтобы выровнять площадку...

Чего не сделаешь, чтобы бесперебойно садились и взлетали малынькие, вездесущие Ан-2!

В кабинете начальника аэропорта мы остались одни, пилоты и механики ушли в соседнюю комнату. Дверь открыта, и оттуда доносятся обрывки их разговора: «...приехал мальчишкой, а тут уже поседел». «Пятнадцать лет здесь, никак жеваться не могу». «Я как ушел в тайгу и в тундру, только третий раз дома сплю, а то все где попало...»

— Кадры... — с доброй улыбкой говорит начальник аэропорта. Он тоже слышит эти разговоры, но в отличие от меня

до тонкостей знает биографию каждого пилота, кто чем живет, в каких бывал переделках, какие строит планы на будущее.

А кто-то там за стеной продолжает рассказывать:

— Я тогда еще в Туруханске работал. Помню, получил санзадание. Врач сказал, если через три часа не долетим, умрет мальчик. Кровь у него горлом шла... А лететь четыреста с гаком километров. Долетели, а там туман, ну ни черта не видеть. Чую сердцем, что под нами поселок, а сесть не могу. Кружусь десять, двадцать минут, полчаса... Сел, однако...

— А мальчика спасли?

Слышится глубокий вздох рассказчика:

— Чуть-чуть опоздали...

— Да, бывает...

...Как и обещал Смирнов, меня отправляют вне рейса на самолете, арендованном геологами. Веселая, молодая и шумная компания кое-как размещается между бесчисленными тюками, ящиками, свертками, рюкзаками, из которых торчат длинные ручки геологических молотков. В небе кучевые облака, внизу бесконечные озера, и самолет бросает из одной воздушной ямы в другую, но кругом народ привычный, и смех, шутки не прекращаются ни на минуту. А между шутками — разговор о чем-то очень серьезном, деловом, связанном с откритиями новых полезных ископаемых.

Я так и не узнал, что эти геологи, что они ищут. Но не о них ли я выписал в блокнот вот эти строки, напечатанные в газете «Заполярная правда»:

«...находки янтаря в илистых образованиях вселяют надежду на то, что придет время, когда Хатанга прославится своим янтарем, когда там будут добывать не только уголь и некоторые строительные материалы, но и редкие металлы, слюду, химическое сырье, а имена хатанских первопроходцев Гедройца, Моора, Шеймана, Старшинова и других будут произноситься с таким же почтительным уважением, как мы сейчас произносим имена тех, кто в свое время открыл месторождения медно-никелевых руд в Норильске и на Талнахе».

О таймырском янтаре я уже слышал раньше. Больше того, у меня в коллекции есть кусочек такого янтаря, найденного на берегу Большой Хеты. Таймырский янтарь не похож на своего балтийского собрата, по крайней мере тот образец: он весь в натеках, как бы волнистый, без обычной корочки выветривания.

Помимо перечисленного в газетной заметке еще есть на Таймыре залежи известняка. Открыты месторождения мышьяка, сурьмы и ртути. На территорию округа вклинивается Тунгусский угольный бассейн. Геологи обнаружили на Таймыре железные руды, сходные с рудами Курской магнитной аномалии. Есть залежи поваренной соли. В Нордвик-Хатангском районе солью сложены целые сопки. В годы Великой Отечественной войны ее добывали здесь местные жители.

О том, что на Таймыре есть металл не только вблизи Норильска, но и подальше от него, например на берегах Пясины, говорят удивительные находки ленинградских археологов. В верховьях этой заполярной реки, тоже могучей, как и все реки на Крайнем Севере, среди прибрежных песков, напоминающих прибалтийские дюны, ученые обнаружили множество небольших бронзолитейных мастерских. Радиоуглеродный анализ показал, что металл здесь выплавляли два с половиной тысячелетия назад. Необычайная находка перевернула представления ученых о древних, населявших Таймыр народах, в отсталости которых они были уверены. Тигли, застывшая бронза, литейные формы, бронзовые наконечники стрел, железный нож с бронзовой рукояткой, кострища, черепки посуды, остатки жилищ — все говорило о том, что на берегах Пясины люди жили уже в то время, «когда Ромул основал Рим».

«Аннушка» летит низко, и мне отчетливо видна тундра, бесконечное утомительное чередование озер, рек, болот, залитых водой. Тундра рассечена узкими, темными полосами, как будто под нами какой-то фантастический железнодорожный узел и рельсы то сходятся, то разбегаются в стороны. Это следы, оставленные в лишайниковом покрове вездеходами и тракторами. А ведь лишайники — олений корм — в тундре растут до обидного медленно — на миллиметр, на два в год.

Общественность с каждым годом все активнее вмешивается в судьбу диких оленей, стараясь сохранить и приумножить стадо. Несколько лет назад на Дудинке провели специальное совещание, в котором приняли участие представители нескольких научно-исследовательских институтов страны. Совещание пришло к выводу о необходимости создания на Таймыре специального государственного промыслового хозяйства — учреждения, которое регулировало бы численность животных. Такое хозяйство уже создано на Аваме.

Но прежде всего нуждается в защите сама тундра, та первооснова, от состояния которой зависят и поголовье оленей, и пушной промысел, и сохранение находящихся на грани ис-

требления видов животных и птиц, таких, как белый медведь или краснотелая казарка, которая водится только в нашей стране, и преимущественно на Енисейском Севере. Кроме всего прочего тундра нуждается в защите как объект научных исследований, как один из неповторимых ландшафтов, как эталон природы.

Лучше всего решить эти задачи можно, создав в тундре крупный заповедник. Об этом сейчас приходится говорить во весь голос, потому что обычные возражения хозяйственников, сводимые к стереотипной фразе: «Тундра сама является естественным заповедником», явно устарели и показали свою несостоятельность.

Все биологические процессы на Крайнем Севере протекают гораздо медленнее, чем, скажем, на Украине или даже в Вологодской области. Природа на Севере отличается неторопливостью. О ягеле — основном корме оленей — уже говорилось. Кроме всего прочего лишайники, которые вырастают на камне даже после того, как их оттуда соскоблили ножом, плохо переносят загрязнение воздуха, поэтому в заполярных городах и поселках «оленьего мха» практически уже нет. Гораздо медленнее, чем в средней полосе страны, развивается на Севере рыба. Растения в тундре куда меньше, мельче, чем в других природных зонах. Диаметр столетней лиственницы, самого выносливого и самого северного дерева, здесь едва достигает десяти — пятнадцати сантиметров, а листочки у карликовой березки чуть больше копейки.

Вопрос о создании заповедника на Таймыре впервые подняли в 1948 году известные исследователи и знатоки тундры Б. А. Тихомиров и В. М. Сдобников. Место для заповедника они выбрали в районе наиболее крупного на полуострове озера Таймыр, включив в охраняемую зону самый северный в мире лесной массив — остров лиственничного редколесья среди сплошной гундры в урочище Ары-Мас. (Сейчас там работает стационар Ботанического института Академии наук СССР.) Осуществить проект, к сожалению, не удалось, и через некоторое время ученые находящегося в Норильске Института сельского хозяйства Крайнего Севера внесли новое предложение: отвести для заповедника территорию в бассейне реки Пясины.

Однако вопрос о заповеднике решен не был, и несколько лет назад на Таймыр вылетела еще одна экспедиция, состоящая из ботаников, охотоведов, биологов. Они обследовали бассейн реки Логаты — еще одно место, где, по их мнению, можно и нужно создать заповедник. Красноярский краевой Совет вынес решение об организации в бассейне реки Логаты Таймыр-

ского заповедника площадью примерно в миллион гектаров. Это чуть больше одного процента территории округа.

...Самолет по-прежнему бросает. Три раза мы уже садились на какие-то озера вблизи маленьких палаточных лагерей, геологи оставляли там часть своего груза, тюк или ящик, и мы снова поднимались в воздух. Сейчас идем на посадку в четвертый раз.

— Часа два тут задержимся, — говорит первый пилот, как только мы подруливаем к берегу огромного озера.

Оба пилота легко спрыгивают с крыла на рыхлую торфяную землю и с интересом наблюдают, как бородатые геологи таскают на своих спинах многопудовые ящики.

На берегу сушатся сети, стоят три летних, с берестяными покрышками, чума, носят лохматые собаки с закрученными бубликом хвостами — оленегонные лайки, с любопытством разглядывают незнакомых людей чумазые, полуголые ребятишки.

Несколько человек в малицах с откинутыми назад капюшонами торопливо гребут на лодке к берегу.

— Здравствуйте, — раздаются голоса.

— Рыбка ловится? — спрашивает второй пилот.

— Есть маленько, — уклончиво отвечает тот, что постарше. Он переводит взгляд на меня и улыбается. — А я тебя, однако, помню. Ты у нас уже был однажды, когда на двух лодках ехал в Боганиду. Пять человек вас тогда было, нет, шесть. Одна женщина, между прочим. Правильно я говорю?

Совестно признаться, но мне никак не удается вспомнить, кого мы тогда встретили у истока вытекающей из озера Боганиды. Помню несколько балков на берегу, долган в национальных одеждах, учителя, насквозь светящийся изнутри летний чум, где нас наскоро угощали великолепным малосолом из нельмы...

— Не помнишь?.. Ай-я-яй, какая плохая у тебя память! — сокрушается старик.

— А вы здесь рыбачите? — спрашиваю я, стараясь поскорее переменить тему разговора.

Мой собеседник глубоко кивает головой с давно нестриженными черными волосами.

— Из хетского совхоза мы. В конце мая еще на олешках приехали. Неважно, однако, ловится. Лабаз-озеро еще льдом закрыто, на Тонском ловим.

Каюсь, не узнал и озера. Да это и не удивительно: озеро огромное, мы высаживались тогда на южном его берегу и через

два дня, надув резиновые лодки, поплыли искать проход в вытекающую из него Боганиду.

— На час отлучиться можно? — спрашиваю у пилотов.

— На час можно...

Тундра здесь сухая, не то что на Ямале, идти нетрудно, приятно похрустывает под ногами ягель, и я иду-бреду, подминая сапогами пеструю тундровую флору: лютики, вейники, мятлики, еще только зацветающую клюкву, незабудки. Все это какое-то уж очень миниатюрное и беспомощное перед суровой природой. Карликовая березка здесь уже не поднимается над землей, а стелет по ней свои тонкие, как былинки, веточки. А вот и карликовый папоротник. До чего же у него изящное кружево и такое тонкое, что разглядеть его как следует можно только в лупу! Между прочим, этот потомок пышных папоротниковых зарослей каменноугольного периода впервые засняли на Таймыре кинооператоры с ледокола «Сибиряков» в 1932 году.

Через полчаса, взобравшись на холм, я вдруг начинаю смутно угадывать уже виденное однажды. Ну да, те же воткнутые в землю ребром плоские каменные плиты. Говорят, что это языческие надгробия долган, еще не принявших христианства. Плиты везли издалека, за сотни верст.

А вот и небольшое, в окружении невысоких холмов озеро. Как и тогда, оно все заселено пернатыми. Завидя человека, они поднимают страшный крик, и я сажусь на высокую сухую кочку, чтобы они успокоились, а сам люблюсь и этими холмами с застругами снега в долинах, и прозрачным небом, и этим озером с удивительно чистой студеной водой, и этими привольно чувствующими себя здесь утками.

Все озеро заселено
слетевшимися с юга кряквами,
прославившимися давно
своими ссорами и драками.

От человека не таясь,
не опасаясь соглядатая,
весь долгий день судачит всласть
вся эта братия крылатая.

Стоит отчаянный галдеж —
родители с птенцами воят.
Пожалуй, станет нестерпим
от этой всей разноголосицы.

Как в детском садике, точь-в-точь;
чуть прекращается сумятица
лишь в час, когда, минуя ночь,
по горизонту солнце катится.

Когда рождающийся день
еще не обозначен метою,
когда не знаешь, свет иль тень
за этим таинством последует.

И вновь поднимут ералаш,
не помышляя о приличии,
и возьятся, и входят в раж
с заботами своими птичьими.

Пока не встанут на крыло,
светло поблескивая перьями,
как будто шашки наголо
перед атакой кавалерии.

...Я возвращаюсь как раз вовремя. В самолете из пассажиров остается кроме меня лишь Саша — молодой человек в очках, настолько увешанный фото- и киноаппаратами разных марок, что кажется, будто именно из этих предметов состоит вся его одежда. Молодого человека нужно забросить в то место, где живут в крепких загонах новоселы таймырской тундры — знаменитые овцебыки.

Лет пятнадцать назад, когда я бродил по ямальской и тазовской тундрам, мне рассказывали о попытках возвратить этих реликтовых животных — ровесников мамонта — на землю их предков, в том числе и на Ямал. Предполагалось закупить овцебыков в Гренландии, где они сохранились в своем естественном состоянии, но осуществить это по ряду причин тогда не удалось. И вот теперь молодой человек в очках летит на речку Бикаде-Нгуоме, неподалеку от озера Таймыр, чтобы заснять на пленку уникальнейшее, единственное в нашей стране подопытное стадо овцебыков.

Стадо овцебыков подарил Советскому правительству премьер-министр Канады П. Э. Трюдо. На Таймыр их доставили самолетом после очень длинного путешествия от острова Банкс в Канадском Арктическом архипелаге до Монреаля и оттуда, уже на нашем «Антее», в Норильск, где сделали еще одну пересадку, после чего порядком уставшие быки совершили наконец посадку в месте своего теперешнего обитания. Здесь они сразу же попали под наблюдение зоологов Института сельского хозяйства Крайнего Севера. Задача перед учеными поставлена нелегкая — заняться реакклиматизацией на Таймыре этих редчайших животных. Овцебыкам предстоит снова приспособиться к тем условиям жизни, в которых находились их далекие предки, проживавшие на Таймыре двадцать тысяч лет назад.

— А что они собой представляют... Я тут выписал для себя кое-что, — Саша протягивает мне листок бумаги, на котором

написано: «...занимают промежуточное положение между быками и овцами... Передняя часть морды покрыта короткими волосами, рога при основании очень широки, вздуты и морщинисты и так сближены на лбу животного, что между ними остается лишь узкий желобок... Уши малы, заострены и почти скрыты в шерсти. Шерсть очень густая, длинная, мохнатая, свешивающаяся почти до земли... Ноги относительно короткие, сильные... Короткий хвост скрыт в шерсти».

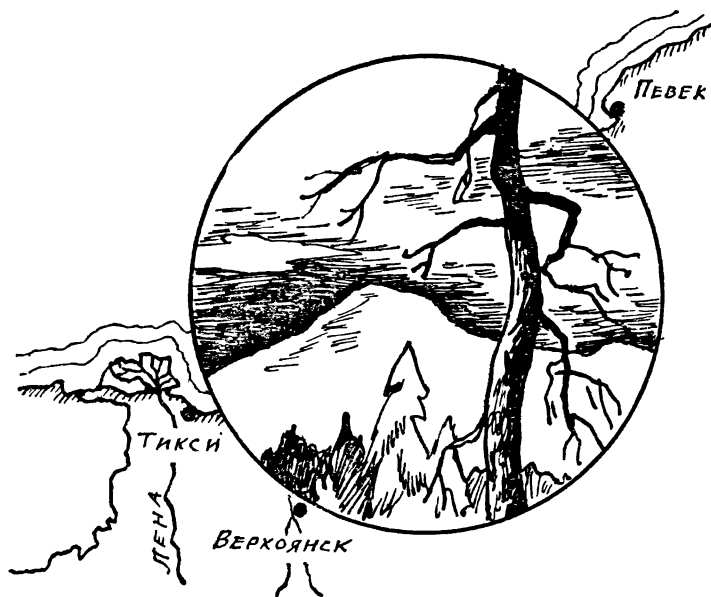
Наконец самолет плюхается поплавками в воду, плывет к берегу и, не выключая мотора, высаживает Сашу. Из бревенчатой избы на берегу никто не выходит ему навстречу, наверное, все зоологи еще на работе. «Аннушка» тут же разворачивается и несется по реке, оставляя за собой пенистый, расходящийся в стороны шлейф.

Когда самолет, взлетев, набирает высоту, я замечаю внизу решетчатый загон, сначала один, потом другой. За оградой пасутся лохматые, показавшиеся мне голубоватыми животные с красными маленькими ушками. Некоторые овцебыки лежат на берегу ручья, отдыхают. Во втором загоне, как мне потом сказали пилоты, находилось другое стадо, подаренное американцами. Половину его — двадцать животных — отправили жить на остров Врангеля, половину оставили на Таймыре.

Через несколько минут домики на берегу реки, изгородь, лохматое стадо остаются далеко позади. Внизу по-прежнему лежит голая, бледно-зеленая тундра, запотевшие озера. Светит холодное низкое солнце.

Второй пилот, надев черные, похожие формой на десертное блюдечко наушники, что-то говорит в микрофон. Потом, повернув ко мне загорелое лицо, кричит, приложив ко рту сложенные рупором ладони:

— В Нордвике ночевать будем!..

ТЕПЛАЯ АРКТИКА

Якутия начинается сразу же, как только наш самолет поднимается в воздух. Отсюда, если идти по берегу Ледовитого океана, три тысячи километров до ее восточной точки на Восточно-Сибирском море. Непостижимо огромный край — одна седьмая часть Советского Союза!

С легкой руки журналистов мерилom площади отдельных наших северных областей стала Бельгия. Ямал — четыре Бельгии, Таймыр — тринадцать Бельгий, микрорайон школы-интерната в Ныде, что на краю Обской губы, — Бельгия. Но для Якутии такая «разменная монета» явно не подходит. Тут уже подавай Францию, а на худой конец — Великобританию. Так вот Якутия — это двенадцать Англий или пять с лишним Франций!

Здесь добывают алмазы, золото, редкие элементы, такие, как германий, без которого не было бы солнечных батарей на спутниках и космических кораблях, селен, ниобий, рений, индий, каменный уголь, природный газ. Залежи олова, железорудные образования, горный хрусталь, минеральные источники, целебные грязи...

Теперь до самой Чукотки меня будут сопровождать в дороге якутские берега, якутская тундра, якутские села и рабочие поселки. Городов не будет, они южнее.

В этот свой приезд я не смогу побывать в глубинных районах республики. Сама выбранная тема привязывает меня к кромке Ледовитого океана. Да и кроме того, как утверждает старинное французское изречение, для того чтобы узнать вкус огорока, не обязательно съесть его целиком, достаточно только попробовать. Промышленное развитие страны все более мощно захватывает самые далекие северные окраины. И здесь, на береговой арктической полосе, в двухстах километрах от северной границы якутской тайги, я надеюсь увидеть «южное» кипение жизни, то главное, что характерно для стремительного роста всего нашего Союза, и в том числе его седьмой части.

Мне определенно повезло, что я лечу не на быстроходном Иле, а на неторопливом «домашнем» Ан-2. Воспользуюсь я так называемым лайнером, я бы узрел внизу только белую пелену туч. А теперь мне видно все: каждый изгиб обрывистого берега с перемежающимися слоями черной земли и льда, пену прибоя, тундру, бесконечные реки и речушки, впадающие в океан. Перед вторым пилотом лежит подробнейшая карта местности, и время от времени он показывает мне острием карандаша, где мы находимся... Пересекли Анабарскую губу... реку Оленёк... Скоро дельта могучей Лены.

На карте эта дельта (тридцать тысяч квадратных километров, как раз одна Бельгия) напоминает густой куст перекатиполя, так много в ней протоков. Не успеет уйти из поля зрения один, как появляется другой, третий, десятый. Сорок пять рукавов Лены насчитали коренные жители, и это только «более или менее значительных». Главных же семь — Трофимовский, Быковский, Оленёкский... Через свои бесчисленные рукава Лена выносит (подумать только!) шестнадцать тысяч кубических метров воды в секунду, и влияние пресной и более теплой, чем в море Лаптевых, воды чувствуется даже в пятистах километрах от берега.

С юга на север Якутию пересекает немало великих рек, которым позавидовало бы любое государство мира, но эту якуты по праву считают главной. Как сказал якутский поэт Иван Гоголев:

Без Лены земля засохнет от скуки,
Без Лены земля даже станет меньше.

Здесь работали, нанося на карту неизученные берега, русские исследователи Дмитрий Лаптев, П. Ф. Анжу, Н. Д. Юргенс,

Э. В. Толль. В дельте Лены в 1881 году погибли от голода моряки с экипажа американской паровой яхты «Жанетта», и в их числе полярный исследователь Де-Лонг.

Через одну из протоков вошло в реку экспедиционное судно Норденшельда «Лена»... Это, конечно, наивно, но я все же ищу глазами ту сигнальную башню, которую для этой цели «при благосклонном содействии якутского епископа и губернатора» приказал построить Сибиряков. Он же уговорил одного якута поддерживать на ней в темные вечера «высокопылающий огонь». Было это в восьмидесятих годах прошлого века.

...И наконец показывается на горизонте бухта Тикси.

Здесь я впервые, и мне ни с чем не сравнить то, что я вижу. А вижу я поселок, как и повсюду на Крайнем Севере, состоящий из старых деревянных домиков и новых больших каменных домов. Дома покрашены в разные цвета и от этого выглядят несколько необычно.

...Только что закончился рабочий день, и улицы Тикси заполнились народом, точно таким, какой заполняет в урочный час улицы других городов страны. Несмотря на конец июля, почти все в пальто, в дубленках, в нарядных теплых куртках. Лето не пришло еще сюда.

Гостиница, где я остановился, довольно большая и покрашена в веселенький голубой цвет. Перед ней на груде сцементированных валунов установлен настоящий якорь, снятый с какого-то судна. Эта достопримечательность поселка неизменно привлекает внимание приезжих. Подходя, я вижу группу молодых людей, которые фотографируются на фоне якоря. Хозяйка гостиницы сказала мне, что это туристы.

На всякий случай интересуюсь, есть ли в Тикси музей, предвидя заранее ответ, и вдруг узнаю, что это полезное учреждение в Тикси есть и называется оно «Музей истории Севера и Северного морского пути».

Музей занимает всего одну комнату. Но разве в этом дело! Не богатство экспонатов составляет его славу — их не так уж и много, этих экспонатов, — но все, что есть в музее, каждый предмет, каждая страница письма или книги, каждая фотография не присланы сюда из какого-то центра, а собраны и приведены в систему руками местных энтузиастов.

Посетителей много, очевидно все те же туристы с теплохода, некоторые не поместились в комнате и стоят в коридоре, дожидаясь своей очереди. Молодая женщина-экскурсовод рассказывает горячо, взволнованно, будто делает это первый, а не тысячный раз:

— Я прошу проникнуться должным уважением к нашему поселку, к нашей бухте и нашей Лене-реке,— слышится ее голос.— В 1631 году тобольский казак Иван Ребров, заботясь о «припасе новых земель», вышел из Якутска в «Святое море» — Ледовитый океан и первым достиг устья Лены. «Лена река впадала своим устьем в море». Отсюда выходили и сюда возвращались, если поход оканчивался без утрат, экспедиции Семена Дежнева, братьев Лаптевых и многих других покорителей Арктики. Из этой бухты ушел (и не вернулся) на поиски легендарной Земли Санникова отважный Эдуард Васильевич Толль. Бухта Тикси помнит знаменитые пароходы «Седов», «Садко», «Малыгин».

Здесь экскурсовод делает небольшую паузу, после которой вдруг становятся другими ее голос, интонации, жесты.

— В окрестностях Тикси стояли (а некоторые и сейчас стоят) деревянные кресты над могилами полярных исследователей. Это история нашего края, история Арктики. На берегу бухты Тикси стоит шхуна «Полярная звезда», которая была пионером местного каботажного плавания, благополучно пройдя в 1926 году из устья Колымы в бухту Тикси. На этой шхуне советский полярный исследователь, художник и писатель Николай Васильевич Пинегин, в прошлом участник экспедиции Седова и его друг, не раз плавал на Новосибирские острова... У седьмого причала порта стоит полузатопленная яхта «Заря», на которой в 1900 году вышел в свое последнее плавание Эдуард Васильевич Толль. Восьмого сентября 1902 года «Заря» возвратилась в бухту Тикси, где навсегда закончила свое плавание...

Дорога в порт не такая уж близкая, по плащу барабанит нудный холодный дождь, и есть время подумать, осмыслить то, что услышал в музее. Вспоминается Ялта. Там, на шумной набережной, напротив Ореанды, недавно установили старую, безымянную бригантину, отремонтировали и устроили в ней кафе. Так же поступили и в других портовых городах. Может быть, стоит все ценное, что уцелело на побережье, на островах, свезти в одно какое-либо место и организовать Музей Арктики под открытым небом, наподобие такого же рода музеев в Кизжах, в Ипатьевском монастыре под Костромой, под Ригой?..

В порту что-то не очень оживленно, а ведь арктическая навигация в разгаре. Уже ведут караваны судов атомоходы «Ленин» и «Арктика», другие прославленные ледоколы. В чем же дело? Или отшумела слава некогда знаменитой бухты, которая много лет связывала Якутию со всем миром?

Порт Тикси молод. Когда в 1932 году в бухте останавливался «Сибиряков», совершавший свой исторический рейс с запада на восток страны, в бухту входили, проверяя глубины лотом. На берегу стоял маленький домик зимовщиков и паслось стадо оленей. Но уже через год сюда стали регулярно приходить суда, и Тикси, что в переводе с якутского означает «пристань», назвали окном Якутии на запад. Особенно выросло значение порта в годы Великой Отечественной войны. Порт продолжал набирать силу и в послевоенное время. Это продолжалось до 1952 года, когда железная дорога от Тайшета дошла до берега Лены у села Усть-Кут. Вскоре там вырос крупный порт Осетрово, и грузы, которые раньше шли в Якутию Северным Ледовитым океаном через Тикси, теперь стали поступать более удобным и выгодным путем по Транссибирской магистрали. Перевалочным пунктом стал порт Осетрово.

Несколько лет назад, когда я был в Якутске, мне попалось на глаза интервью с заместителем председателя Совета Министров республики И. Я. Куняевым. Как и корреспондента, который вел с ним беседу, его волновала судьба Тикси — порта, флота, поселка. Тикси должен сохранить свое значение как база снабжения речного флота на трассе Северного морского пути, как ремонтно-отстойный пункт, как гидрографическая база...

Об этом интервью я вспоминаю, когда уже под вечер иду на «полярку», как здесь запанибратски называют приемную станцию Тиксинского радиометцентра. Станция стоит вдалеке от поселка, каменистая дорога извивается, то огибая пологие сопки, то поднимаясь на них, и тогда открывается широкий обзор свинцового бурного моря, сливающегося с таким же свинцовым небом. Склоны сопки не радуют даже самым захудалым кустиком — да что кустиком, пучком травы! По-прежнему холодно, зябко, дует свирепый ветер, а косой мелкий дождь несет с такой силой, что, кажется, еще немного, еще одно усилие — и капли вопьются в тебя и продырявят кожу...

— Здорово замерзли? — спрашивает начальник станции Анатолий Вениаминович Ярлыков. — Сейчас согреетесь. Чаем напою.

Говорят, что в доме, где мы сидим, когда-то жил Иван Дмитриевич Папанин. Домов на станции целый поселок, много похожих друг на друга, и, возможно, поэтому некоторые из них носят имена: Кукуй, Конюшня, Желтый, Веселый. На «полярке» останавливались папанинцы Кренкель и Федоров, полярные летчики Мазурук и Черевичный, не так давно побывал на станции космонавт Быковский.

— Популярная точка,— улыбается Анатолий Вениаминович.— Чай готов, прошу к столу.

До чего же приятно после стужи попасть в тепло натопленную комнату, раздеться, пить крепкий, горячий, хорошо заваренный чай и слушать, как за окном свистит уже безопасный для тебя ветер и стонет близкое море.

— Ну и ветер сегодня! И какой холодный,— говорю я.

Начальник станции поднимает на меня удивленные глаза.

— Разве это ветер? Разве это холод? Вот в конце февраля у нас был полсотни градусов морозец да ветерок шестьдесят метров в секунду. И так трое суток кряду. Все в поселке, понятно, на своих местах оставались, где их непогода застала. У нас в Тикси по учреждениям и предприятиям всегда НЗ продуктов хранится. Раскладушки, бельишко кое-какое, чтобы люди переспать могли. Выйти на улицу нельзя — верная смерть...

Странно даже: чем дальше я продвигаюсь на восток и чем ближе середина лета, тем становится студенее. В средней полосе, на юге, да всюду, кроме этой непонятной Арктики, к середине лета становится жарче, а здесь наоборот. В июне в Мурманске было куда теплее, чем тут в июле. Нигде на всем уже довольно длинном и продолжительном пути я не встретил такой отвратительной погоды, как в Тикси.

— Ничего,— утешает меня Анатолий Вениаминович,— еще и потом изойдете, и комарики вас покусуют в свое удовольствие...

— На востоке от Тикси?

— Именно. Уже в Чоккурдахе будет куда теплее, чем у нас... Вы откуда летите? И побывали на Диксоне? У меня там мать работает, поваром. Может быть, она вас кормила.

— А вы в Арктике давно?

— С тридцать восьмого. Начинал тоже на Диксоне. Потом два раза съездил в Антарктиду, радистом. В Йеменской Арабской Республике был в длительной командировке. Советский Союз там морской порт построил в Ходейде, так я на портовой радиостанции работал. Йеменцев морзянке обучал...

В комнату без стука вбегает молоденькая девушка в ватнике и вязаной шапочке, из-под которой выглядывают завитки белобрысых волос.

— Я сейчас эти замеры проведу, а больше не поеду! — заявляет она сходу.— Трещины! Без конца объезжать приходится!

— Да, опасно,— говорит начальник станции. И, повернувшись ко мне: — Они ходят до самого сноса льда, а у берега

лед уже тонкий. Там у нас барометры установлены. Берем пробы воды с разных глубин, измеряем температуру. Мы измерим, другие измеряют, а в итоге — прогноз, когда растает лед.

— Неужели он до сих пор не весь растаял?

— А вы не видели? Есть маленько. Очень трудная весна.

Пользуясь случаем, спрашиваю у Ярлыкова, что там на бывшей полярной станции острова Сагастыр.

— По-видимому, скоро перестанет существовать, — он тихонько вздыхает. — А жаль. Это ведь станция первого Международного полярного года — с августа 1882-го по август 1883-го. И работали на ней известные ученые. Доктор медицины зоолог Александр Александрович Бунге, помощником у него служил геолог Толль... Да, да, тот самый Толль. После они вдвоем исследовали Новосибирские острова.

Некоторое время начальник станции молчит, очевидно что-то припоминая.

— У нас остались и другие свидетели прошлого. Например, кресты на мысе Маяк. На одном кресте вырезано «1880», на другом — «1890»... А чьи они, бог их знает... В дельте Лены есть урочище Американхая. «Хая» — по-якутски «гора». Там тоже стоит полуистлевший крест, очень памятный, между прочим. С надписью на английском языке. Надписи той уже не прочесть, но она воспроизводилась в книгах: «Памяти двенадцати офицеров и матросов с американского полярного парового судна «Жанетта», умерших от голода в дельте Лены в октябре 1881 года»...

...На Тикси замыкаются все полярные станции. Восемь раз в сутки здесь принимают весь комплект сведений о погоде. Сюда поступают данные с метеостанций Новосибирской, Ташкентской, Хабаровской зон. Шлют свои данные Гренландия, Исландия, Швеция, Норвегия, Польша. Все это наносится на синоптические карты, по которым составляется прогноз погоды.

Мы заходим в аппаратный зал. Он в комнатных цветах и поэтому как-то по-домашнему уютный. Все жизненные центры его надежно упрятаны в ящики зеленого цвета — приемные радиостанции — с бесчисленными глазками, кнопками, приборами. Все это живет, мигает то зеленым, то красным, сияет эмалью и шевелит усами стрелок.

— Принимаем радиограммы о состоянии ледовой разведки, — продолжает рассказывать Анатолий Вениаминович. — С судами поддерживаем связь, получаем от них диспетчерские донесения, частную корреспонденцию... Сегодня много писем? — обращается он к вахтенному.

— Хватает,— отвечает молодой человек с наушником, лихо прижатым к одному уху.— Все больше поздравительные. Кто с днем рождения, кто с законным браком. Один чудик с северной «полярки» стихи сочинил, хочет, чтобы его подруга прочитала.

Черное небо. Синие льды.
Черное небо четыре месяца.
Круглые сутки на все лады
ветер и снег несут околесицу.

Черное небо. Полярная ночь.
Черное небо. Льды первозданные.
Фонарь над крыльцом не в силах помочь,
чтоб расколоть темноту мироздания.

Звонко на тропке снега скрипят,
в сторону чуть — увязнешь до пояса.
Вчетверо ближе, чем до тебя,
вчетверо ближе от нас до полюса.

Аспидно-черные небеса
густо прошиты звездными строчками.
В сутки двадцать четыре часа
эфир засорен тире и точками.

В двух шагах ни черта не видеть.
Черное небо четыре месяца...
Долго же мне той минуты ждать,
когда мы сможем с тобой встретиться...

На всякий случай я переписываю стихи полярника в блокнот, авось пригодятся.

— Так какая же погода в Чокурдахе? — напоминаю, уже прощаясь.

— Ба! — Анатолий Вениаминович смешно хлопает себя по лбу рукой.— Валентин Михайлович, посмотри, пожалуйста, что там сегодня в Чокурдахе? Восемнадцать градусов в полдень было? Ну вот, я ж сказал. А у нас...— он смотрит на термометр за окном.— У нас ровно три.

— Три градуса жары, как говорил один мой знакомый в Норильске.

— Ночью еще снежок может пойти, так что не удивляйтесь.

Да, разная бывает весна: трудная и легкая, поздняя и ранняя, дружная и затяжная, календарная и астрономическая. Я бы еще прибавил сюда весну арктическую как некую самостоятельную единицу. Метеорологи подсчитывают, с какой скоростью в том или ином году шествует весна по стране с юга на север, и называют, например, цифру — шестьдесят пять километров в сутки. Но у Арктики своя мерка, свой масштаб. Где-

то на дальних подступах к ней эта скорость резко падает, торжественный ход весны натывается на преграду — тающие льды, дыхание Ледовитого океана, и весна уже не шествует, не разливается по земле, не затопляет ее потоками теплого, ароматного воздуха, а плетется так, что ее без труда обгоняет неторопливый пешеход с палочкой, а то и вовсе топчется на месте.

Литератор Олег Куденко, изъездивший Арктику и хорошо написавший о ней, назвал Арктику теплой. Она и верно теплая. Ее согревает тепло человеческих сердец, какие-то свойственные ей одной дружеские отношения между людьми, когда становится необременительным гостеприимство, появляется не только необходимость, но и внутренняя потребность делиться последним, что у тебя есть, с совершенно незнакомым человеком, которого ты, возможно, никогда больше и не увидишь, оказать ему услугу, помочь в беде, разделить с ним его радость и печаль.

...Через несколько дней я прощаюсь со своими новыми знакомыми в Тикси и лечу дальше, на восток. Посадки до Чокурдаха не будет, и расстояние в восемьсот с лишним километров самолет покроет одним гигантским прыжком меньше чем за два часа.

Вчера погода несколько улучшилась, уgomонился ветер, унес тучи к югу, и теперь мощная толща воздуха, отделяющая пассажиров от земли, чиста и прозрачна, лишь кое-где висят бесформенные, матово-белые облака, но они не мешают обозревать землю. Лиственничное редколесье зубцами вклинивается в тундру и отчетливо делит видимое пространство на две части — лесистую и безлесную, голую.

Осталась позади тонкая, вплетенная в тундру ленточка мочей Яны, какой-то поселок на крутом ее берегу, и вот уже внизу те реки и речушки, которые впадают в Индигирку — одну из великих рек Сибири.

Нет, это, конечно, не Лена — длина Индигирки «всего» тысяча семьсот километров, и она даже не выходит за пределы Якутии. Но есть у этой реки две особенности, которые заставляют относиться к ней с должным уважением. Это завидная скорость течения — до пятнадцати километров в час в том месте, где она перепиливает хребет Черского, — и пять страшных порогов, растянувшихся на сто километров.

Эвенки утверждали, что переплыть эти пороги никто не может, потому что у третьего порога живет злой дух, который опрокидывает лодки и разбивает их о скалы. В 1931 году, через триста лет после похода казака Ивана Постникова, открыв-

шего для русских Индигирку, сюда пришла экспедиция, возглавляемая Владимиром Даниловичем Бусиком. Бусик решил преодолеть порожистое место на моторной лодке. Все члены экспедиции выразили желание быть вместе со своим начальником, но лодка вмещала только троих. На третьем пороге двое из трех — В. Д. Бусик и его помощник Е. Д. Калинин — утонули.

Исследовавший Индигирку С. В. Обручев писал, что из всех рек, которые ему приходилось проплывать, Индигирка самая мрачная и страшная по своей мощи и стремительности. Но сюда, в низовья, она пришла, укротив свой буйный нрав, и уже не мчитсЯ с грохотом, напоминающим клепальный цех, а едва движется, величественно и спокойно, словно отдыхая после буйства.

В свете солнца река блестит серебром, видна голубая пристань, пароходы, покрашенные в разные цвета лодки, поселок. Все это стремительно приближается, увеличивается в размерах, и вот уже мелькают по сторонам посадочной полосы, отражая солнце, колпачки погашенных электрических ламп.

Нетерпеливые пассажиры толпятся у выхода и заглядывают в иллюминаторы — нет ли знакомых? Меня же интересует другое: холодно в Чокурдах или нет. Но вот распахивается дверь, и — о счастье! — в самолет врывается удивительно теплый воздух, пахнущий смесью бензина, травы и земли.

Я беру на руки ставшие досадной помехой брезентовый плащ, телогрейку и не спеша шагаю по летному полю, наслаждаясь теплом, которое ощущаю впервые за все время поездки. Не хочется верить, что где-то южнее, однако ж не очень далеко отсюда, в бассейне Индигирки, находится полюс холода. Вспоминается телевизионная передача «Клуба кинопутешествий» об этой реке, сказанные торжественным голосом слова: «Семьдесят два градуса ниже нуля! Трудно даже представить. Огонь не горит. Птицы падают замертво».

Но это, понятно, зимой, в самом студеном январе, а сейчас на дворе все еще благодатный летний месяц июль. Впрочем, до зимы осталось не так уж много: она приходит сюда в октябре. Зима в этом краю не уходит далеко, а как бы стоит за дверью своего дома, ожидая подходящего случая, чтобы снова вернуться.

Чокурдах, что в переводе означает «кремневая деревня», на деревню совсем не похож. Это довольно большой, раскинувшийся на берегу Индигирки поселок, центр огромного (пять Бельгий) и еще недостаточно изученного Аллаиховского района, где каждая экспедиция до сих пор открывает что-нибудь

новое. Широкие улицы, много каменных домов, котлованов с торчащими сваями.

Поселок перенесли на это место в тридцатые годы, разобрали старую Аллаиху, да так тщательно, что от нее не сохранилось даже самого малого кружка на карте. Осталась только память: в годы гражданской войны отряд, возглавляемый венгерским коммунистом Э. Светецом, разгромил в Аллаихе бело-гвардейский отряд поручика Дервянова и установил в селе Советскую власть.

Из Аллаихи в Чокурдах люди переселились, как говорится, капитально, многие живут здесь и по сей день, не помышляя об отлете в теплые края, да и те, кто обосновался в поселке три — пять лет назад, называют себя не иначе как коренными жителями.

В Чокурдахе мне, возможно, не придется искать гостиницу и, потрясая командировочным удостоверением, просить, требовать, умолять, чтобы меня устроили хотя бы в коридоре на раскладушке. В кармане лежит записка, правда написанная три года назад: «Если когда-либо будете в Чокурдахе, то заходите обязательно — ул. Жиркова, 4, тел. 3-17. (Меня все же вежливо попросили. Да, если уж не повезет, так не повезет.) Гаевой Владимир».

Записку эту я нашел в номере владивостокской гостиницы, где жил вместе с ее автором, молодым человеком, приехавшим на экзаменационную сессию. Ему действительно не повезло: перед каким-то очередным совещанием его выселили из номера, и он на прощание оставил мне эти несколько слов.

Прямо с вокзала звоню по телефону, слышу знакомый голос и, не называя себя, читаю записку. И тут снова вступает в силу закон северного гостеприимства.

— Где вы сейчас находитесь? — доносится из трубки. — У диспетчера? Понятно. Побудьте там, я скоро приеду.

Через полчаса я жму руку молодому, по-модному одетому человеку, с лица которого не сходит приветливая улыбка.

— Простите, что задержался. Искал Галю... жену, сказать, чтоб приготовилась встречать гостя.

— Ну зачем это?

— Как зачем? — удивляется Володя. — Гость в Чокурдахе — это не то, что гость в Москве или Владивостоке.

Мы идем поселком, где новое все еще мирно уживается со старым. Старинная русская изба, засыпной барак и большой благоустроенный дом со всеми удобствами. Уложенная бетонными плитами мостовая и «мостовая», единственным покрытием которой служат утонувшие в болоте пучки хвороста.

Многоместный скоростной самолет, опускающийся на аэродром, и собачья упряжка.

— Приезжайте к нам зимой, прокачу вас на собачках,— улыбается Володя.— Тут они незаменимы.

Сейчас собаки отдыхают и нагуливают жир. Они сидят почти у каждого деревянного домика на привязи и провожают нас внимательными, незлыми глазами. Другие, те, что на свободе, долго идут за нами.

— «Пенсионеры»,— поясняет Володя и рассказывает, что местный житель, якут или русский, никогда не убьет состарившуюся собаку, но и кормить ее зря тоже не станет, а просто выпустит на все четыре стороны — живи, пес, как знаешь. Это не акт жестокости. Хозяин уверен, что его старая собака не пропадет, ибо, как известно, мир не без добрых людей.

— Так и живут «пенсионеры» до своей естественной смерти,— говорит Володя и бросает какому-то псу завалившуюся в кармане «Взлетную».

Владимир Васильевич Гаевой, техник аэропорта,— один из тех молодых людей, которые обживают Арктику. Он приехал сюда не в силу необходимости, а по доброй воле, привез милую свою Галю.

...Впервые за время своего путешествия я попадаю в семейную обстановку. В комнате у Гали очень простенько, скромно, но все сияет чистотой — белоснежная скатерть на столе, такие же свежие накидки на подушках, на швейной машине, крашеный пол блестит, стекла окон так чисто протерты, что как бы отсутствуют вовсе.

— Садитесь, пожалуйста. Вот уж хорошо, что вы нашли нас! — говорит она, смущаясь.— Сейчас соседи подойдут. Перекусим.

Перекусить есть чем: какая-то, великолепная на вид, рыба в разных видах — копченая, жареная, малосольная, свежие огурцы, дымящаяся картошка, моченая морoshка и клюква.

— Сами собирали,— добродушно хвалится Галя, показывая на ягоды.

Через несколько минут приходят соседи, он и она, тоже работающие в аэропорту.

— Ну что ж, за встречу, по русскому обычаю,— говорит хозяин.

На столе в вазочке стоит ветка только что распустившейся лиственницы. Так у нас весной ставят в воду вербу. В окрестностях Чокурдаха лиственница не растет. Самое хладостойкое дерево, за это свое качество почитаемое у ненцев священным, даже оно не выдерживает индигирских морозов, и ту ветку,

что красуется на столе, привезли знакомые пилоты из Черского.

— А знаете, что у нас есть? — вдруг обращается ко мне Володя. — Розовая чайка.

Он выходит за дверь и возвращается, держа на руке красивую ручную птицу величиной с голубя. Если бы это не было банально, я бы сравнил цвет ее грудки с очень нежной утренней зарей. Темные глаза, черное ожерелье, красные лапки. Словно понимая, что она красива, что ее рассматривают, чайка кокетливо наклоняет голову, смотрит то одним глазом, то другим.

О розовой чайке, как о диковине, писали Нансен, Де-Лонг, Урванцев. Нансен многие годы мечтал увидеть эту редкостную птицу. Наконец ему повезло. Пробираясь через торосы, он добыл розовую чайку и от радости пустился в такой пляс, что его спутник даже заподозрил неладное: уж не свихнулся ли великий путешественник?..

Это действительно редкость. Живую розовую чайку я рассматриваю впервые. А чучело ее видел в магаданском краеведческом музее. Обычно мертвая чайка сразу же утрачивает свою зоревую окраску, но у той цвет еще не успел погаснуть. Пространная надпись под экспонатом извещала о том, что эта чудесная птица впервые найдена в 1823 году у полярных берегов Северной Америки, долгое время оставалась загадкой для натуралистов. Только русскому путешественнику зоологу С. А. Бутурлину удалось в 1905 году отыскать гнездовье розовой чайки в низовьях Колымы, где она встречается наиболее часто, и описать ее образ жизни. Ни в каком другом месте гнездовья этой редкой птицы так и не найдены.

К этому описанию можно добавить, что розовая чайка, пожалуй, единственная птица, которая на зиму улетает не на юг, как все порядочные пернатые, не в теплые края, а еще дальше на север и зимует на незамерзающих полыньях Ледовитого океана.

— Где вы поймали такое сокровище? — спрашиваю у Володи.

— Это сосед поймал. В начале июня их много в Чокурдах прилетало.

Чайку уносят к ее хозяину, а мы всей компанией, прихватив с собой увязавшегося «пенсионера» с литовским именем Лайма, отправляемся на берег Индигирки ловить рыбу.

По-прежнему стоит редкая для этих широт теплынь, и за поселком на нас сразу же с остервенением набрасываются комары; все, как по команде, достают флакончики с диметил-

фталатом. Я раскрываю блокнот, чтобы сделать какую-то запись, и в тот же миг белый лист бумаги покрывается чуть шевелящимися живыми пятнышками.

На борьбу с комаром и гнусом сейчас брошены большие силы. Придумали разные мази и растворы, был предложен приборчик, который издает звук, имитирующий комариный сигнал тревоги. Раздавались голоса: пора вообще уничтожить комаров. Ведь истребили же малярийных комаров. Однако это предложение не встретило поддержки ученых, и не только из-за огромных, пока непреодолимых трудностей, связанных с проведением такого рода операций в глобальных масштабах, но также и по самой своей сути. Ученые спросили: а чем будут питаться прилетевшие в тундру птицы? В некоторых областях вот так же поспешно уничтожили всех волков, а потом завозили их. Биологическое равновесие в природе — штука весьма деликатная, и его нарушение нередко приводит к весьма неприятным последствиям...

Индиگیرка у Чокурдаха обжита. Взад и вперед мчатся, та-рахта моторами, лодки всевозможных расцветок — кто едет порыбачить, кто за сеном на тот берег, кто на охоту. Плывет в низовья, к океану, почтовый катер, везет почту в факторию, на рыбацьи станы, в Полярный — бывшее Русское Устье.

Это поселение очень древнее. Там живут потомки переселившихся туда в семнадцатом веке русских крестьян, двести семьдесят три человека по последней переписи. Долгое время они во многом сохраняли быт своих далеких предков, и в их лексиконе до сих пор встречается немало слов, которые употребляли первые переселенцы. Вместо «тундры» они говорят «сендуха», вместо «гора» и «возвышенность» — «едома-едомочка», вместо «испугался» — «бедрил»... («Пошто бедрил?»).

В этом селе со времен русско-шведской экспедиции Норденшельда жил кочегар с «Лены» норвежец Иоганн Торнгенсен. Он женился на местной русской казачке, и его сыновья, оба, как и отец, Иваны Ивановичи, помогали устанавливать в низовьях Индиگیرки Советскую власть, а Иван Иванович младший погиб от бандитской пули.

— Далеко до Усть-Русского? — спрашиваю у всех сразу.

— Километров сто по Индиگیرке, — отвечает Володя. — Только вопрос, как добраться. Если б в райкоме катер дали, махнули б мы с вами на Берелех, он аккурат у Русского Устья в Индиگیرку впадает. Вы про эту речку, конечно, слышали?

Слышал, и даже берегу газетные и журнальные вырезки. Речь идет о мамонтах, вернее о находке на берегу Берелеха

целого кладбища мамонтов, обследованного учеными Якутска, Ленинграда и Магадана. Находка оказалась уникальной. Тринадцать тысяч лет (это установили с помощью радиоуглеродного анализа) лежали в том месте кости вымершего зверя. Где-то рядом ходили охотники, геологи, рыбаки, летали самолеты и вертолеты, и никто до 1970 года не увидел этого чуда. У меня это вызвало еще и другое чувство: до чего же огромна наша страна, если, несмотря на невероятно быстрое стирание «белых пятен», есть еще, оказывается, места, куда не ступала нога человека. Ведь ступи она туда раньше, о находке бы узнали, заговорили, потому что в наши дни становится все труднее найти мамонтовый бивень, а на берегу Берелеха они торчали из земли. Ни один охотник не прошел бы мимо; значит, не было этого охотника, никого не было...

Воображаю, какой восторг охватил первооткрывателей этого кладбища. Я вспоминаю, как наша маленькая группа просто остолбенела, когда на таймырской реке Боганиде мы вдруг наткнулись на торчавшие из берега огромные кости, череп... Один зуб, тяжелый как камень, мы вынули из челюсти и положили в лодку. В Дудинке я отправил его домой посылкой; зуб весил около восьми килограммов — полпуда!

Но то, что мы увидели на Боганиде, были всего лишь жалкие остатки мамонта. Остальное, наверное, вымыла из мерзлой толщи Боганида и унесла бог весть куда. А на Берелехе... Заслуженный деятель науки Якутии Б. С. Русанов рассказывал, что там огромное пространство было сплошь покрыто костями, принадлежавшими только мамонтам, — триста метров береговой полосы! Торчал впаянный в мерзлый песок череп, лежали десятки зубов. Толщина слоя, в котором находили кости, составляла четыре метра. Удалось отрыть ногу мамонта — с мясом, кожей и очень длинной, до восьмидесяти сантиметров, шерстью.

Ни одной экспедиции не удавалось собрать столько мамонтовых костей — более семи тысяч!

Но ученых здесь ожидала еще одна удача. Рядом с кладбищем мамонтов они раскопали, очевидно, самую северную в мире палеолитическую стоянку, что позволило высказать предположение: сваленные в кучу кости — это остатки добычи древних охотников. Сюда они сплавляли по реке туши убитых мамонтов и тут разделяли их. Поразительное открытие!

За последнее время наука обогатилась еще одной уникальной находкой. У левого притока реки Берелех (что уже не в Якутии, а в Магаданской области) обнаружили абсолютно целого детеныша мамонта, провалившегося в болото около деся-

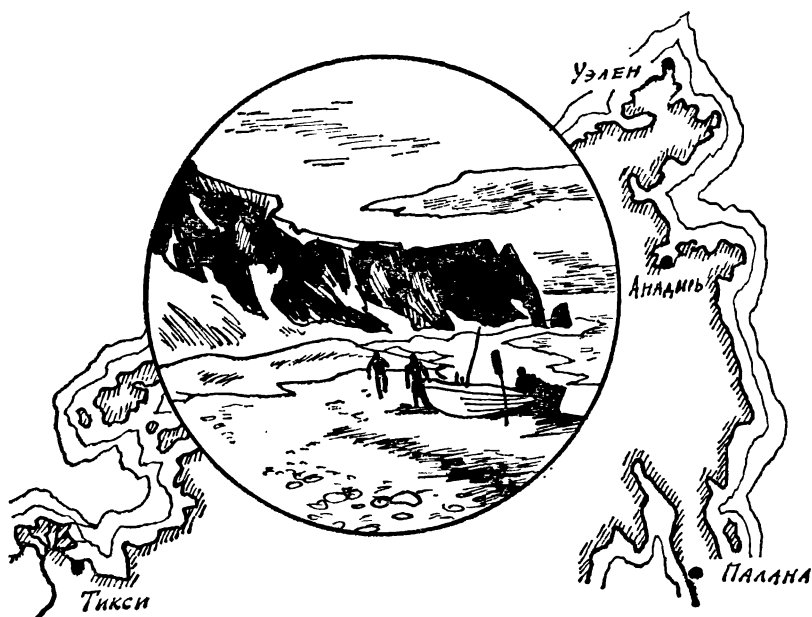
ти тысяч лет назад. После знаменитого березовского мамонта, найденного в 1901 году в бассейне Нижней Колымы, это первая находка не скелета, не шкуры, а всего животного целиком. Длина его сто пятнадцать сантиметров, высота — сто четыре, он покрыт густой каштановой шерстью.

...Говорят, что где-то не то на Таймыре, не то в Якутии ходит молодой человек в свитере, связанном из мамонтовой шерсти, и ему не страшны никакие сибирские морозы, настолько эта шерсть тепла. Она-то и защищала мамонтов от стужи в самые холодные периоды существования Земли.

Распространенное со времен И. Д. Черского суждение о том, что мамонты, а заодно и волосатые носороги, ископаемые лошади погибли в результате похолодания климата, опровергнуто современной наукой. Все эти животные были великолепно приспособлены к суровому сухому континентальному климату тундростепей, по которым они бродили. Снега выпадало мало, и корм — мерзлые травы и кустарники — доставался без особого труда.

С потеплением картина резко изменилась. Сильные морозы сменились оттепелями, все чаще небо затягивалось тучами, начались обильные снегопады. Добывать корм из-под толщи снега мамонты не могли, и это привело их к гибели. Из их современников приспособились к новым условиям жизни и уцелели лишь овцебыки на севере Гренландии.

Мамонтов не успели записать в Красную книгу природы, и эти великаны, кормившие и одевавшие первобытного человека, исчезли с лица Земли. Много ли их было? По подсчетам председателя Комитета по изучению мамонтов Академии наук СССР профессора Н. К. Верещагина, за время последней ледниковой эпохи только на крайнем северо-востоке Сибири жило около двухсот миллионов этих животных.

ЗДЕСЬ СХОДЯТСЯ ДВА ОКЕАНА

Перед тем как встретиться с Чукоткой, у меня на пути будет поселок на Колыме — Нижние Кресты, ныне Черский, названный так в честь известного русского путешественника и ученого Ивана Дементьевича Черского.

Несколько лет назад мне удалось побывать в Верхнеколымске, откуда Черский отправился в свой последний путь. Небольшой бревенчатый домик Черского с плоской, засыпанной землей крышей и крохотными оконцами. Внутри — русская печь, лавка, стол, портреты путешественника, его жены и сына. Из личных вещей ученого сохранились чернильница и саквояж, переданные музеем старым якутом Н. Г. Дьячковым. Здесь Черский прожил девять месяцев, приводя в порядок свои путевые дневники. Болезнь давно подтачивала его силы и обострилась до такой степени, что он оставил завещание, «чтобы экспедиция не прерывалась до Нижнеколымска даже в том случае, когда настанут мои последние минуты, и чтобы меня тащили вперед даже в тот момент, когда я буду отходить».

31 мая 1892 года Черский отправился в дальнейший путь по Колыме. Собрав последние силы, он с борта карбаса осмат-

ривал берега и свои наблюдения диктовал жене: сам записывать их он уже не мог. 25 июня вечером Черский скончался. Его похоронили на берегу Колымы в вечной мерзлоте. Геолог С. В. Обручев, исследовавший в 1926—1935 годах бассейны Индигирки и Колымы, назвал именем работавшего здесь Черского огромный горный хребет.

Поселок Черский молод. В 1959 году, когда он начал строиться, на этом месте стояли лишь три домика рыбаков, а сейчас... Впрочем, нет нужды повторяться; Черский развивается по тем же законам, что и остальные полярные поселки и города. Однако стоит упомянуть о двух учреждениях, которые посетил канадский писатель и ученый Фарли Моуэтт. Он побывал в поселковой школе, где учатся дети двенадцати национальностей, выступал там и заодно спел эскимосскую песню, вызвав непосредственный восторг юных слушателей. И еще он зашел в обыкновенную для Севера деревянную, одноэтажную больницу, в обличье которой, как отметил Моуэтт, не было ровным счетом ничего особенного. И все же эта больница ошеломила канадского писателя. «Я не поверил собственным ушам, — писал он, — когда услышал, что на 12 тысяч жителей в Черском приходится 17 врачей, из них два стоматолога! На моем родном Ньюфаундленде такое количество людей обслуживает, как правило, всего-навсего один врач, а зубного врача, насколько мне известно, «не полагается» вообще».

У поселка есть свой «спутник» — крупный порт Зеленый Мыс, куда и направляюсь укатанной пыльной дорогой. По сторонам стоит веселый лиственничный лесок, звонко поют комары, снуют машины, и первый же шофер, остановившись и высунув голову из кабины, предлагает свои услуги — не надо ли подвезти?

Порт возникает через несколько минут — стального цвета чаша с радужными пятнами на воде, краны, причалы, и у одного из них черно-белая громада несколько необычного на вид океанического судна «Северное сияние». Где оно швартуется, вспыхивают на берегу электрические огни, которые зажигает мощная электростанция на воде. Когда в 1970 году судно пришло в порт Зеленый Мыс, сообщения об этом появились чуть ли не во всех газетах мира.

По трапу поднимаюсь на палубу, откуда можно попасть в каюту директора плавучей фабрики электричества. На видном месте лежит большой символический ключ. Его вручили тюменцы — строители «Северного сияния». Вспоминаются родные брянские края, энергопоезда, которые выпускал машиностроительный завод тоже для Крайнего Севера. Но запросы

промышленности растут, и на смену энергопоездам пришли более мощные энергопароходы.

С палубы видно, как через сопки шагают опоры электропередачи — через границу часового пояса и границу Якутии с Магаданской областью к бурно растущим промышленным поселкам на берегу Ледовитого океана.

Раздается телефонный звонок. Звонят из расположенного уже на Чукотке Билибино и просят «подбросить» энергии.

— Кстати, в Билибино вы еще не были? — спрашивает начальник смены. — Это же от нас рукой подать. Металл посмотрите.

Под металлом подразумевается золото.

В Билибино тоже жарко, а вокруг города красиво, ярко, пестро: лиственницы стоят в свежем наряде, зелены склоны сопки, болота расцвечены кустиками голубики, морошки, клюквы. Как и повсюду на Севере, весна незаметно, сразу шагнула в лето.

Город пересекает река, мелкая, порожистая, удивительного, необычного цвета: на солнце вода ее ослепительно блестит золотом, как дорогая парчовая риза. Речка, и верно, течет с золотых приисков, но кажется такой, конечно, не от растворенного в ней золота, а от обычной глины, которую размывают там мощные струи воды. В центре Билибино на гигантском валуне стоит памятник первооткрывателю чукотского золота Юрию Александровичу Билибину. Вокруг бушуют необычайно крупные ромашки, целое море.

Билибино — самый большой населенный пункт в Чукотском национальном округе.

Секретарь партбюро Билибинского горно-обогатительного комбината останавливается в вестибюле возле трех переходящих Красных знамен — общесоюзного, оставленного комбинату на вечное хранение «как символ трудовой доблести коллектива», областного — магаданского, за успехи в первом квартале, и своего, районного.

Вместе с секретарем мы едем на один из горных участков, «где золото моют в горах». Гор, правда, здесь не видно, есть сопки, созданные природой, и глинистые желтые холмы, насыпанные людьми. Сверху, с одного из бугров, отчетливо видна площадка, полигон, на котором, собственно, и добывают «металл». Все вокруг разворочено, размыто, вспахано, взрыхлено, и через этот кажущийся хаос проложены дороги-временки. По ним, на пределе, воя и взывая о помощи, идут грузовик за грузовиком. То тут, то там среди искореженного поля стоят про-

мывочные приборы, увенчанные красными флагами. Их поднимают в день, когда начинается сезон.

Грохот и гул стоит над полигоном — это трудятся бульдозеры, подавая, подталкивая золотоносную породу на грохота, в которые со страшной силой бьет струя воды. Вода тоже шумит, подбивает, бесится. Крупные камни, галька уносятся ею в отвал, падая, камни тоже грохочут, будто катится с гор маленькая лавина.

А то, что осталось после отбора камней и гальки — сам невзрачный, ничем не примечательный с виду песок, проваливается, падает в стоящий под грохотом бункер. Оттуда, снизу, чавкая и плюясь, водяной насос поднимает драгоценную смесь золотоносного песка и воды и гонит ее по деревянному желобу, «колоде», на дне которой лежит некое подобие коврика, но не гладкого, а с ребрышками, с порошками, о которые как бы спотыкаются золотинки.

Вот, собственно, и все.

— Кстати, познакомьтесь, — секретарь представляет мне немолодого уже человека. Крупная седая голова, натруженные руки рабочего, внимательные выцветшие большие глаза из-под черных густых бровей. — Александр Кириллович Купавцев, личность у нас легендарная, вроде Чапаева. Старший геолог участка, а в прошлом, до ликвидации Билибинского прииска, первый и бессменный его директор... — Секретарь показывает на меня: — Съем металла посмотреть хочет, можно?

— Только издали. Извините, но таков порядок.

Что ж, издали так издали...

Потом мы идем в контору, и Александр Кириллович вспоминает, как через теперешний золотой полигон чукчи гнали оленьи стада, а на том месте, где сейчас Билибино, еще в пятьдесят девятом году чавкала под ногами тундра.

— «Неправильно для города площадку выбрали», — сетовал один товарищ на совещании. А я возражал: «Петербург тоже на болоте поставлен, и ничего, до сих пор стоит». Первый секретарь Магаданского обкома Афанасьев Павел Яковлевич посоветовал перво-наперво доску на лиственницу повесить, вывеску, значит, пускай все видят, что райком партии тут есть. С этого и началось наше Билибино.

Он закуривает и продолжает:

— А на месте прииска лесок чахлый рос. Попросили это мы в колхозе делянку, мелколесье свели, стали вскрывать торфа. Тут до нас Анюйская комплексная экспедиция работала. В их палатках мы и обосновались поначалу. Была у нас в ту пору одна машина да несколько бульдозеров. Восемь зимних

месяцев копались в земле, три месяца металл мыли, с двадцатых чисел мая, когда оттаяло, и по мороз... Будочку поставили на полигоне, чтоб золотишко принимать, а возили его, как полагается, с фельдъегерем. Раз, помню, долго этого товарища не было, наконец появляется новенький, пожилой такой мужчина, с пистолетом в кобуре, правда, до сих пор не знаю, умел ли он оружием пользоваться. А у меня, как на грех, золота порядком скопилось. Покидали это мы мешочки с металлом в машину, он и повез их на аэродром. Пока довез, погода испортилась, закапризничала, самолет, понятно, не выпускают. А тут и ночь на носу, спать охота, только где спать? В поселок надо идти. А золотишко куда девать? Шофер, как узнал, что не будет самолета, домой уехал... Ну, подумал, подумал мой фельдъегерь да и додумался: побросал он, родимый, все шестьдесят четыре мешочка в кусты, накрыл на всякий случай брезентом, а сам подался в поселок. Спал, говорят, спокойно, хорошие сны видел. И не обманулся, воротился утром, смотрит, целы мешочки, до единого. А тут и самолет подоспел...

Рассказывает Александр Кириллович неторопливо, с улыбкой, обстоятельно, вспоминает людей, которых уже давно нет на свете, разные любопытные случаи, истории, находки.

— Один счастливчик тут за месяц подряд три самородка нашел, все вместе пуд весили.

— Хоть бы краешком глаза на самородок взглянуть.

Черные брови Александра Кирилловича недоуменно ползут вверх, изгибаются дугой.

— Вы что, никогда самородка не видели?

Приходится признаться: — Не видел!

— Ну и ну!.. Зина! — он кричит в сторону открытой настежь двери. — Покажи этому товарищу самородок, какой там у тебя есть.

— Хорошо, Александр Кириллович.

Через минуту высокая, с пышной прической и яркими накрашенными губами девушка приносит нечто похожее с виду на камень. Я кладу на ладонь тяжелый невзрачный, тускло-желтый комок металла, неправильной формы, с грязными раковинами.

— Сколько в нем весу?

— Около трехсот граммов...

Обратный путь в город лежит мимо Билибинской атомной электростанции с крупными бетонными буквами у въезда: «БАЭС». Призма главного корпуса, внутри которого трудится укрощенный атом. Одной загрузки реакторов топливными стержнями хватает на длительное время.

Чукчи-оленьеводы, кочующие по тундре, кое-где и сейчас жгут в ярангах нерпичий жир — для освещения, для тепла. Для этой цели есть незамысловатая посудинка, именуемая жирником. И вот на смену жирнику пришло не просто электричество, а то, которое получено при помощи мирного атома. Вопреки утверждению таких буржуазных деятелей, как один из руководителей Всемирного алмазного синдиката Тулливвер, который заявил: «Откуда русские возьмут электричество в тайге? Разве что научатся аккумулировать энергию молний!»

Электрические молнии аккумулировать не придется, грозы на Севере бывают не часто, а вот атомные электростанции здесь строят. И одна из них работает в Билибино.

Вдоль кромки Ледовитого океана проходит государственная граница, и ее надежно и тщательно охраняют. Казалось бы, кто рискнет пробираться через арктические моря, через ледяную пустыню, через безлюдную, гиблую тундру? Но это не исключено, и, чтобы пресечь такие попытки, и на Крайнем Севере несут службу пограничники.

Я вспоминаю свою поездку на одну из застав Чукотского полуострова. Редкий лиственничный лесок, весело освещенный солнцем, цветет и терпко пахнет багульник, где-то вдалеке крикают утки, справа течет могучая река. Кругом безлюдно, пустынно, тихо...

И вдруг из-за деревьев, поблескивая металлом, показывает какое-то необычное сооружение из алюминия и стекла. Оно возвышается над тонкими сваями, которые надежно и легко держат эту громаду, опоясанную сплошной широкой лентой окон. К нескольким наружным дверям ведут крутые лестницы, похожие на корабельные трапы.

Навстречу спускается высокий худощавый офицер и быстро, привычным движением одергивает китель.

— Начальник заставы... Слушаю вас, товарищ.

Я называю себя и лезу в карман за документами.

— Не нужно, — начальник заставы останавливает меня жестом руки. — Наряд уже проверил и доложил... Обедали? Нет, конечно. Сейчас мы все устроим... Дежурный!

Дежурный, молодой солдат, стоит во дворе возле дымокура — обыкновенной урны, куда вместо окурков бросают клочья сырого мха. Это от комаров, которые носятся серой крапчатой тучей и жалят неимоверно. Солдат кладет наземь ветку карликовой березки, которой отмахивался, и бежит к начальнику заставы.

— Передайте повару, чтобы через десять минут был обед на двоих.

Жестом радушного хозяина майор показывает на один из трапов, и мы заходим внутрь необычного здания. Корабельная чистота, образцовый порядок. Полумрак от завешенных шелковыми шторами окон, куда днем и ночью бьет незаходящее солнце.

— Очевидно, впервые на такой заставе? — спрашивает майор и, узнав, что впервые, ведет меня по всему дому.

Мы заходим в светлый спортивный зал, в котором несколько солдат занимаются на снарядах. («Зарядку теперь делаем в любые морозы».) В Ленинскую комнату — тоже большую, с рядами кресел, сценой и стационарной киноустановкой, в библиотеку, в просторные спальные помещения, в бытовые комнаты, в прачечную, где стоят стиральные машины.

— Загрузил белье, нажал кнопку, и через сорок пять минут готово, — продолжает начальник заставы. Рассказывает он с явным удовольствием, видно, что ему по душе застава, нравятся порядки в ней, люди, нравится здесь служить.

— Жить будете в комнате для приезжих... Может быть, желаете принять душ? Горячая вода у нас круглые сутки.

Да, ничего не скажешь, удобная застава! Я мысленно перевожу на другие границы, в скромные домики застав и невольно сравниваю их с этим пограничным дворцом, на строительство которого государство отпустило большие средства. И отпустило не зря. Слишком велики трудности, тяготы, которые испытывают пограничники Арктики, по сравнению с тяготами на других границах. Нелегко, конечно, всюду, но здесь, на Крайнем Севере, намного труднее.

— На улице бывает минус пятьдесят, а у нас плюс двадцать два. Только вот сейчас жарковато: принудительная вентиляция на профилактическом ремонте...

В кухне тоже идеальный порядок. Электрические плиты сияют эмалью, котлы начищены до блеска, вымытая посуда обдувается струей теплого воздуха.

...Охранять границу в Арктике так, как это делают, например, на Балтийском или Черноморском побережье, невозможно. Там густонаселенные, обжитые места, курорты, отличный климат. Здесь — плотность населения несколько сотых человека на квадратный километр, поселки удалены друг от друга на сотни верст, полярная ночь, труднопроходимые болота. Все это, казалось бы, создает благоприятные условия для безнаказанного нарушения границы: попробуй найди среди этого белого безмолвия одного человека, к тому же готового идти на край-

ний риск, тренированного, соответствующим образом одетого и обутого. Но та же самая специфика Арктики мешает нарушителю выполнить свой преступный замысел. Хочешь не хочешь, а придется идти в населенный пункт — в стойбище оленеводов, в рыбацкий поселок, в районный центр. А там каждый человек на виду.

Я сижу в канцелярии, слушаю рассказ начальника заставы. Изредка звонит телефон, заходит дежурный, вернувшийся с поста наряд...

...Испокон веков Крайний Север считался краем оленеводов, охотников, рыбаков. В советское время необозримые просторы Севера были закреплены за колхозами и совхозами. Народное хозяйство развивалось в одном направлении — сельскохозяйственном: год от года увеличивались олени стада, строились новые фермы по разведению песцов и черно-бурых лисиц, в прибрежных районах рос промысел морского зверя. Сейчас на первый план вышла горнодобывающая индустрия.

Все это приходит на ум, когда ходишь оживленными улицами Певека, города, который даже не попал в изданный в 1955 году том Большой советской энциклопедии. Не попал туда и Чаунский район, центром которого является Певек, район, дающий в наши дни солидную часть всего добываемого в стране олова, где идет разработка ртути, найдены сурьма, поделочные камни, где есть все предпосылки к тому, что будет обнаружен молибден.

И снова приходится повторяться. В Черском, в Хатанге, в Тикси, всюду в тех местах, где выросли крупные по масштабам Арктики поселения, не так давно была пустота, в лучшем случае стойбище оленеводов или пески рыбаков. Певек всех обошел в росте. Он очень живописен: с ближней сопки город кажется как бы поднимающимся из воды. («Земля Певеция — почти Венеция», — шутил полярный летчик И. П. Мазурук.) Он самый ветреный: это единственный город в стране, где свирепствуют «южаки», превосходящие по силе и стремительности тайфуны Японии. Если скорость «южака» зимой доходит до тридцати метров в секунду, закрываются детские учреждения, при скорости сорок метров не выходят на работу женщины, при сорока пяти метрах в секунду запрещается всякое движение по городу. Таков «южак». Он возникает внезапно, утром и сразу же набирает силу шторма.

Певек начался с землянки, которую на берегу океана выкопал для своей семьи первый секретарь Чаунского райкома

партии Наум Филиппович Пугачев. Здесь же разместился и райком, который приступил к работе в августе 1933 года. Случайно или по наитию, но место для города Пугачев выбрал исключительно удачно. Рядом, на мысе Валькумей, экспедиция С. В. Обручева вскоре нашла оловянную руду, в которой остро нуждалась страна: олово в ту пору добывали, даже переплавляя консервные банки. Поселок и оловянный рудник росли вместе, и довольно быстро, хотя еще в сороковых годах в трехстах метрах от поселка можно было стрелять диких уток.

Как и всюду на Севере, в Певеке живут люди, многие из которых влюблены в свой край, в свою нелегкую жизнь, и с одним из них, работником райкома партии Анатолием Афанасьевичем Лубягиным я и осматриваю город. Певек сегодня выглядит празднично, нарядно: ждут ледокол и очередной караван судов.

День, как по заказу, солнечный, ясный.

— Плюс двадцать пять. В Москве, между прочим, плюс двадцать один,— замечает Анатолий Афанасьевич.

Особенно наряден морской порт, украшенный приветственными лозунгами, плакатами, флагами, выпелами. В яркие цвета выкрашены порталные краны, тщательно прибраны пирсы. И над всем этим — голубизна невероятно высокого серого неба.

Вместе с Лубягиным мы поднимаемся к капитану порта Серафиму Константиновичу Гассе. Он тоже наряден, подтянут, со значками на парадном кителе — «Почетный полярник» и капитана дальнего плавания.

— Ждал, рад, душевно рад!

Меня Гассе видит впервые, но голос звучит доброжелательно, будто перед ним старый, добрый товарищ. Из-под седых густых бровей глаза смотрят весело, озорно, да и сам Гассе, связавший свою жизнь с морским флотом еще в 1921 году, выглядит, несмотря на седые, непокорные пряди волос, а может быть, и благодаря им как-то по-комсомольски молодо, особенно, когда носится по своему просторному кабинету и встряхивает головой, чтобы убрать со лба эти самые пряди.

— Караван будет у нас в три ночи,— говорит Гассе.— К этому часу можно давать сигнальные ракеты, посылать приветствия и поздравления.

Стены кабинета увешаны отличными фотографиями, подаренными моряками. Белый медведь, «позволивший себя снять с такого близкого расстояния только потому, что он уже знал о постановлении Совета Министров, запрещающем охоту на

этого зверя». Сделанный в августе снимок певекского рейда, сплошь загроможденного тяжелыми льдами...

— В шестьдесят пятом году к Шелагскому мысу караван 28 июня подошел и простоял там целый месяц. А с Шелагского Певек, между прочим, виден невооруженным глазом.

На письменном столе среди книг и бумаг лежит рукопись — «История военно-морского флага СССР».

— Вот, вернули... — на лице Гассе смущенная улыбка. — В «Вокруг света» посылал.

Мой спутник оживляется:

— Серафим Константинович, милый, дайте почитать! Я ведь пропагандист. Рассказывать людям о нашей работе надо!

— А не замахорите? Поклянитесь на Морском атласе, что вернете!

Лубягин кладет два пальца на толстенную книгу в темном переплете: — Клянусь!

— То-то же... — Гассе улыбается и передает рукопись. — Имейте в виду, Анатолий Афанасьевич, что клятва на Морском атласе — страшная клятва. Она освобождает человека от наказания даже при наличии прямых улик...

Опытнейший капитан порта на этот раз ошибся: караван судов пришел не в три часа ночи, а в два. Светит солнце, стоит теплая ночь, не спит город. В руках у встречающих живые цветы.

Празднично и долго несутся над городом приветственные гудки. Оркестр на берегу играет марш, и под его звуки по трапу спускается капитан судна.

...Я никогда не был на оловянных рудниках и вообще давно не спускался в шахту, забыл ощущение невесомости, когда стремительно, «с ветерком» летит вниз клеть, уходящие вдаль огоньки откаточного штрека, запах только что произведенного взрыва... Короче говоря, мне очень хочется побывать в Валькумее, и я, подбив на это дело милейшего Анатолия Афанасьевича, еду с ним на рудник. В семи километрах от города видна плотина хранилища талой и ручьевого воды, откуда цистернами ее везут в город. Зимой воду берут еще дальше, с озера на острове Раучан.

Трудно с водой на руднике, который способен осушить за раз целое озеро — столько пресной воды надо для производства. Правда, там нашли выход: впервые в мировой практике стали использовать для нужд флотации не пресную, а морскую воду. И ничего, получилось.

Валькумей («вороний обрыв» — по-чукотски) стоит на самом берегу океана, и неумолчный шум прибоя слышен здесь днем и ночью. Анатолий Афанасьевич сводит меня со старшим геологом разведки Евгением Викторовичем Куделькиным, сам уходит по своим делам в партком, а я вместе с новым знакомым направляюсь к шахте.

Ох и давненько же я не надевал пропахшую рудой брезентовую спецовку, не нахлобучивал каску и не держал в руке аккумуляторную лампу! Дальше все идет, как положено, как заведено испокон веков. Говорок шахтеров, ожидающих клеть, надтреснутый звонок, извещающий о том, что можно ехать, стремительный, похожий на падение спуск, и вот мы уже на рудничном дворе, откуда уходит квершлаг — широкая, пробитая в скальном грунте выработка с рельсами, по которым движутся к клетки вагонетки с рудой. По этому каменному тоннелю несется ледяной, пронизывающий до костей ветер. Он понемногу стихает, по мере того как мы уходим все дальше и дальше к другой, уже внутренней шахте, ведущей на более глубокий горизонт. Где-то за каменной стеной глухо ухают взрывы. Это рвут породу, серые с зеленоватым отливом куски, ради которых, собственно, и построен этот рудник на берегу Ледовитого океана. Куски надо раздробить, чтобы извлечь крупинки касситерита — руды, содержащей олово. Это делают на обогатительной фабрике, куда мы идем, выбравшись из шахты по штольне, пробитой на уровне океана. На фабрике стоит неимоверный грохот. Это дробят, раскусывают бронированными челюстями куски руды, все мельче и мельче, пока не получают черный песок — концентрат касситерита.

После грохота дробилок и мельниц так приятно посидеть в тихой и уютной квартире Евгения Викторовича, среди книг, изданий из корней, рисунков, «тех, что получше получились», и геологических образцов. Все к месту, все интересно, талантливо, особенно рисунки.

За чаем Куделькин немного рассказывает о себе. Окончил Казанский университет. На Колыме — с 1962-го, на Чукотке — с 1965-го. Уезжать на материк не собирается — и здесь неплохо. Да и привык к Северу, к руднику, которому недавно исполнилось тридцать пять лет.

— Вот справлю тут пятидесятилетний юбилей Валькумея...

...В день, когда я улетаю из Певека, незнакомый человек преподносит мне два красных помидора, выращенных под изменчивым солнцем Чукотки. Я пытаюсь расплатиться, но незнакомый человек, к которому я просто заглянул, чтобы

полюбоваться его самодельной тепличкой, протестующе машет руками.

— Увезите с собой в Уэлен. Там помидоров еще нету.

Да, в Уэлене помидоров еще нет, не успели завезти, и я делюсь этой редкостью с хозяйкой гостиницы. Позади остался долгий путь «на перекладных», с пересадкой на мысе Шмидта и в Ванкареме, памятном по челюскинской эпопее. Остался позади проходящий через остров Врангеля стовосьмидесятый меридиан, отделяющий восточное полушарие от западного. И вот Уэлен, примостившийся на стыке двух океанов крохотный поселок, обозначенный, однако, на всех картах мира. Конец нашей страны, которую я пересек всю — от западной границы до Дальнего Востока. Отсюда недалеко до Аляски — Соединенных Штатов Америки.

Сегодня Берингов пролив в тумане, и даже не понятно, как смог приземлиться мой самолет. Правда, он не улетел в обратный рейс и теперь будет тут ждать погоды. Буду ждать погоды и я. Тут же, на окраине поселка, скучает вертолет, наверное, он тоже застрял в Уэлене... Интересно, кто это прилетел на нем?

Мое любопытство удовлетворяется очень быстро, и самым неожиданным образом. В столовой за столиком сидят несколько летчиков. Один из них внимательно смотрит на меня. Я тоже сначала недоуменно, потом с интересом вглядываюсь в него и вдруг вспоминаю Камчатку...

— Михаил Михайлович!

— Он самый... А вы какими ветрами?

— Да вот путешествую. Пытаюсь попасть на Ратманова.

— Если будет погода, подвезем.

Да, мир тесен. Когда несколько лет назад на Камчатке я прощался с Михаилом Михайловичем, я не думал, что когда-нибудь нас сведет судьба. Однако свела.

...После обеда я забираюсь на сопку, чтобы сверху глянуть на Уэлен. Одной своей стороной сопка круто обрывается к океану, другая — заканчивается широкой ложбиной, забитой спрессованным зимними ветрами снегом. Начало августа, и снег понемногу тает. Талая вода бежит по трубе, выливается из нее прозрачной, холодной струей. К этой струе подъезжают цистерны, собирают воду и развозят по домам.

Я смотрю на длинную узкую полосу земли, зажатую между лагуной и океаном. Полоска так тесна, что на ней уместилась только одна улица, вытянувшаяся километра на два.

Слышно, как под колесами грузовиков шуршит мокрая морская галька. По обочинам лежат серые, чудовищной величины кости — позвонки и похожие на бревна ребра китов. Ни дерева, ни кустика не растет вокруг, только низенькая трава, мхи да лишайники.

На улице оживленно. Пожилые чукчанки в ярко-желтых цветастых халатах до пят сидят на крылечках, курят и чистят рыбу. Строители загоняют в мерзлый грунт сваи, на которых будет стоять дом. Бойко торгует магазин: вчера пришел пароход и привез продукты. Он стоял на рейде, и зверобои, они же в нужную минуту грузчики, перевозили в своих вельботах ящики и бочки. На старом, выброшенном штормом баркасе играют в разбойников смуглые, с раскосыми глазами-уголками чукотские и эскимосские мальчишки.

Громко, на все село говорит репродуктор, венчающий крышу клуба. Слышится бой часов кремлевской башни. В Москве полночь, а здесь хотя и туманный, однако же день, точнее, десять часов утра.

Я медленно, в первый раз, иду этой единственной улицей. Встречные мужчины степенно подходят ко мне и молча протягивают руку. Они приветствуют гостя, нового человека в их родном Уэлене.

— Косторезная мастерская, спрашиваешь? Да вот она, рядом со стройкой.

Я захожу в ничем не примечательный снаружи дом. В нос ударяет острый запах. Доносится тихое, ровное жужжание, будто летают шмели над головой. Повизгивают пилки. Дробно стучат инструменты, похожие на маленькие кетмени: вокруг толстого моржового клыка сидят двое пожилых морщинистых мужчин и механически, почти не глядя, обивают, стесывают его шершавую от времени поверхность. Клык большой, около полуметра, желтый, старый, ничем не примечательный на вид. Трудно поверить, что через несколько дней из него выточат фигурки, которые, возможно, украсят крупнейшие музеи мира.

В витрине за стеклом выставлены изделия — повторение тех работ, которые получили высочайшую оценку на наших и международных выставках. Копии, не менее талантливые, чем оригиналы, оставлены в мастерской на вечное хранение. Фаянсовый благородный белый блеск обработанного клыка и тусклый коричневый блеск клыка, пролежавшего множество лет в воде и отшлифованного самим морем. Скульптурные многофигурные композиции и цветные гравюры, исполненные на сферической поверхности кости. Сцены охоты, промысла. Мо-

мент наивысшего напряжения сил. Легенды. Быт. Максимум лаконизма и максимум обобщений. И в то же время удивительная достоверность. По рисунку или фигурке можно точно узнать, с какой стороны надо подходить к зверю, как запрягать собак, куда целиться копьём в моржа.

...Несколько человек стоят у верстаков и пилят кость лобзиком. Пилить, наверное, трудно, кость тверда, неподатлива, и некоторые мастера отдыхают, разминая натруженные руки.

Все это с ходу бросается в глаза, пока меня провожают в кабинет, где сидит Туккай. У руководителя мастерской заслуженного художника республики спокойное, будто вылепленное из бронзы лицо мудреца, познавшего самые сокровенные тайны искусства. На пиджаке сияет орден Ленина, полученный в связи с шестидесятилетием и за многолетнюю творческую деятельность. Рассказывая, он прикрывает усталые глаза веками и откидывает грузное тело на спинку стула. Я жадно ловлю его неторопливую, ясную речь — Туккай говорит о своих учениках, товарищах по работе — и вдруг слышу, как среди трудных и непривычных слуху чукотских имен — Тынатваль, Куннукай, Гемауге, Чуплю — он произносит одно литовское: Келькуте.

Я недоуменно переспрашиваю:

— Из Литвы?

— Угадал, однако, — он кивает головой.

Через несколько минут я уже знаю, где примерно находится рабочее место Виолетты Келькуте, Вии, как называет ее Туккай, и захожу в цех. Это отсюда доносилось жужжание, вызвавшее в памяти шмелей над лугом. Жужжат, понятно, не шмели, а бормашины, те самые, которые наводят страх на каждого, кто садится в кресло к зубному врачу. Бором обтачивают изделия.

Мягкий свет льется через широкие окна, освещая сосредоточенные лица, то совсем юные, нетронутые временем, то морщинистые, старые. Август — время летних отпусков, в мастерской народу не так уж много, и я могу, не торопясь, пройти глазами по рядам, стараясь угадать, кто же Вия Келькуте. Мысленно отбрасываю, отсеиваю юные лица чукчанок и эскимосок и все чаще смотрю на лицо с большими темными глазами, устремленными в одну точку, на припудренные костяной пылью руки, на длинные пальцы, которые едва заметно, плавно и мягко прижимают к изделию фрезу.

Мне некуда торопиться, до обеденного перерыва еще далеко, и я, примостившись в сторонке, чтобы не мешать, все гля-

жу, слежу за этими неутомимыми пальцами. В том месте, где фреза соприкасается с костью, вьется белый дымок. Кость еще не обрела формы, еще трудно понять, что задумал мастер, но постепенно замысел обретает плоть, и я уже различаю, вижу ездовую собаку, ее напряженную позу, как она, упираясь ногами в снежный наст, тащит тяжелую нарту.

И словно в подтверждение этой догадки, женщина достает из стола с десятков уже готовых, выточенных собачек — разных, непохожих друг на друга, по-разному выполняющих свою работу — лениво, прилежно, азартно, — расставляет их на столе, меняет местами, пока не создается впечатление единой, цельной, удивительно реальной картины: собачья упряжка мчится по тундре.

...Но все-таки, Виолетта это или нет?

Я набираюсь смелости, подхожу к ней и говорю по-литовски:

— Лаба дена, драуге Келькуте... Здравствуйте, товарищ Келькуте.

Она тихонько вздрагивает, маленькая фигурка со стуком падает из рук на стол.

— Ой! — только и произносит Келькуте. И наверное, через минуту: — Вы... оттуда? И как там? Что нового?

— Липы на площади Ленина цвели, когда я уезжал.

— А у нас тундра только зацветает. Видели?

— А вы давно на Севере?

— Давно, с шестьдесят шестого.

В уэленской мастерской ее приняли поначалу настороженно, сдержанно — не «европеизирует» ли пришелец самобытное народное искусство Чукотки, не подавит ли своим талантом национальный колорит, черты, присущие обитающим здесь издревле народам?

В могильниках, раскопанных недавно вблизи Уэлена, археологи нашли костяные изделия, сделанные на рубеже нашей эры с тем же поразительным мастерством. Нашли моржовые клыки, на которых были выгравированы стилизованные фигурки животных, наконечники гарпунов, крюки, которыми тащили убитых нерп, костяные иголки, трубки, ножи.

Сам Туккай дал ей первое задание, и через несколько дней Келькуте с робостью и надеждой понесла ему свое изделие. Туккай долго рассматривал олененка, держал его на своей шершавой натруженной ладони, в узловатых пальцах, поворачивал так и эдак, а она с тревогой смотрела на его бесстрастное сперва лицо, которое постепенно становилось теплее и до-

вольнее. Тогда она поняла, что сражение выиграно, что строгий и добрый мастер поверил в выточенного олененка.

С тех пор утекло немало воды. И вот я слушаю Виин рассказ, смотрю на ее проворные сильные пальцы, на то, как постепенно оживает бесформенный вначале кусок клыка. Время от времени она отдыхает, отводит глаза от изделия и то сжимает пальцы в кулак, то разжимает, чтобы снять усталость.

Иногда она перебрасывается словами с соседями. Рядом работает русский парень в берете, с маленькой бородкой и длинными бачками, Юра Гусев, в прошлом ленинградец. В Уэлене он совсем недавно, и Келькуте старается помочь ему, подбодрить. Как и она сама несколько лет назад, Юра выполняет свой первый урок, заданный Туккаем: копирует фигурку каюра. Он насвистывает, прищурясь, смотрит на дело своих рук, потом переводит взгляд на Келькуте. Вия молча, одобрительно кивает головой.

Гусев приехал в Уэлен с другого конца страны специально для того, чтобы работать в мастерской. Устроиться сюда нелегко, и он, скульптор по специальности, несколько месяцев «ишачил грузчиком» в аэропорту поселка Лаврентия, лишь бы быть поближе к Уэлену. Там он выточил из клыка собачью упряжку и привез ее Туккаю. Тот глянул и... принял Гусева на работу.

— Упряжку свою он на радостях летчикам подарил, когда поехал в поселок за вещами, — говорит Вия.

За другим столом работает эскимоска Роза Силякина. Она еще учится, вытачивает маленьких уток. Работа однообразная, но чего не сделаешь ради того, чтобы стать мастером! У нее красивые в своей неправильности черты лица, бедовые глаза, лукавый, быстрый взгляд. К тому же ей весело, и она все время поет, кончает одну песню и начинает другую.

А вот и чукотско-эскимосские божки — пеликены; их делают в мастерской. Огромный, свисающий чуть не до земли живот, сплюснутый нос, точки глаз и широченная, от уха до уха, очень дружелюбная улыбка. Один из этих добродушных, приносящих в дом счастье божков теперь стоит у меня дома на книжной полке рядом с маленьким гравированным клыком с дарственной надписью чудесной мастерицы Татьяны Печетегиной...

Из мастерской мы выходим вместе с Вией. Она рассказывает о своей семье, о муже, которого нашла здесь, демобилизованном русском солдате, о своей квартире, превращенной в оранжею.

И опять о Туккае.

— Вы знаете, что он участвовал в спасении челюскинцев? Вozил их на нартах из Ванкарема, где был лагерь Шмидта, до Сердце-Камня, а оттуда другие каюры доставляли их к нам в Уэлен.— И через минуту:— А вы знаете, что у Туккая нет обеих ног, что он ходит на протезах?.. А беда с ним случилась давно: колхозные олени от стада отбились, вот он и пошел их спасать. А тут пурга началась...

Поздно вечером, вернее светлой ночью, я снова встречаюсь с Вией на берегу океана. Моросит холодный дождь, серые волны набегают на берег, на глыбы льда, шуршит перекачиваемая волнами галька.

На берегу постепенно собирается чуть ли не все население Уэлена, ждут, когда зверобой начнут разделять только что добытого кита. Уже скоро полночь, но никто не уходит: ни старики, ни дети, которые заранее предвкушают удовольствие съесть по куску только что снятой китовой кожи. Сбегаются собаки, ездовые и бродячие, их в селе, наверное, несколько тысяч.

Я незаметно наблюдаю за Келькуте, как жадно вглядывается она в лица, в позы, в жесты собравшихся здесь людей, и понимаю, что делает она это не только из любопытства, но и для чего-то гораздо большего — чтобы узнать, почувствовать душу народа, среди которого она живет.

Кит огромен, но кажется еще больше оттого, что его накачали воздухом, чтобы он не потонул: мертвые киты сразу же идут на дно. Теперь остается его вытащить на берег.

Кто-то из рабочих накидывает на хвост киту петлю из стального каната, трактор воем, дрожит, но не может сдвинуться с места. Подключают второй трактор — результат тот же. Зовут на помощь бульдозер. Кит неестественно, хвостом вперед, движется, ползет на берег.

Келькуте, не отрывая глаз, наблюдает за событием. Неподалеку на перевернутом баркасе пристроился Туккай, смотрит, курит. Он тоже не выдержал, не усидел дома.

Вооружившись огромными ножами, зверобой приступают к работе. Полосы светло-розового мяса с тяжелым шлепком падают на разделочный помост.

— Зрелище не очень приятное,— Вия словно извиняется передо мной,— но художнику в жизни все надо видеть... Может быть, удастся сделать композицию «Разделка кита».— И казалось бы, без всякой связи с предыдущим:— Когда Рокуэллу Кенту исполнилось восемьдесят лет, ему в Москве подарили моржовый клык, гравированный Еленой Янку. А через

несколько дней в Уэлен пришло благодарственное письмо Кента.

...Дни бегут за днями, а погода не улучшается. Ко мне уже привыкли в косторезной мастерской, куда я прихожу, словно на работу, стою то возле одного мастера, то возле другого и смотрю, любуюсь. Но сегодня я решил изменить свое расписание и, невзирая на дождь, пойти к мысу Дежнева.

Ветер дует с океана, и соленые брызги барабанят по брезенту плаща. На тихой воде лагуны стоят вельботы, на берегу, поднятые на козлы, лежат обтянутые моржовыми шкурами байдары. На козлы их поднимают, чтобы собаки не сгрызли шкуры. Собак здесь куда больше, чем людей, днем они грызутся, играют друг с другом, а ночью воют на разные голоса. От этих концертов я часто просыпаюсь среди ночи и слушаю то хор, то солистов, выводящих, каждый по-своему, жуткую и непонятную мелодию.

Океан тихо и ровно шумит. Я всматриваюсь в его серую, бесконечную даль и теряю чувство времени от одного сознания, что здесь, рядом, проходили суда Беринга, Коцебу, Норденшельда, Амундсена, что с этих судов кто-то смотрел на берег, по которому я бреду через столько лет, приминая сапогами гальку. В некоторых местах вода подступает прямо к суше, и тогда приходится взбираться на сопку и идти мокрой пестрой тундрой. Сверху пейзаж теряет конкретность, обретает какое-то особое спокойствие и простоту, завершенность, что ли, — пологие холмы суши и туманная, голубовато-серая даль океана.

Чем ближе к цели, тем неприступнее, страшнее, выше вздымаются черные скалы. Уже падает шапка с головы, когда я пытаюсь увидеть вершину. «Место сие представляет ужаснейшее зрелище: черные, страшно друг на друга упирающиеся утесы, между коими особо отличается один, имеющий совершенно вид пирамиды, вселяют какое-то чувство содрогания. Сие сокрушение страшных утесов заставляет человека размышлять о великих превращениях, которые некогда в природе здесь последовали; ибо вид и положение берегов рождает вероятие, что Азия некогда была соединена с Америкой». Это написал побывавший у мыса Дежнева в 1816 году на корабле «Рюрик» русский мореплаватель Отто Евстафьевич Коцебу.

На вершине скалы в легком тумане то скрываются, то появляются снова маяк и высокий православный крест — памятники Семену Дежневу, чьим именем назван мыс, самая восточная точка Азии.

Подъем крут и труден, но какая-то едва заметная тропка в обход этой крутизны приводит в конце концов к вершине. Крест не раз восстанавливался, но прибитая к нему медная табличка осталась какой была. На ней — полуистертая надпись на русском и английском языках: «Памяти Дежнева. Крест сей воздвигнут... командой военного транспорта «Шилка» под руководством командира капитана 2-го ранга Пелль и офицеров судна. 1 сентября 1910 года. Мореплаватели приглашают поддерживать этот памятник».

Рядом — высокий маяк с бронзовым бюстом Дежнева — новый памятник русскому землепроходцу, установленный в 1956 году.

Невольное волнение охватывает, должно быть, каждого, кто впервые попадает на эту неприметную точку Земли. От мыса Дежнева начинается та незримая линия, где сходятся два океана — Ледовитый и Тихий. Поперек этой линии в нескольких километрах отсюда проходит еще одна знаменитая и тоже незримая линия — смены дат. Помните неутомимого жюль-верновского путешественника Фогга, объехавшего вокруг света за восемьдесят дней и выигравшего пари лишь благодаря тому, что, двигаясь на восток, он «сэкономил» на смене дат целые сутки. Человек, переехавший, скажем, в субботу с нашего берега на аляскинский, увидит на календаре пятницу. Что ж, это, пожалуй, символично...

Вот уже заканчивается вторая неделя, как я сижу в Уэлене. Скучают без дела пилоты, спят или же режутся в домино. Иногда рассказывают анекдоты о погоде, вроде такого: в Анадыре, куда раньше ходили лишь маленькие Ан-2, застрявшие пассажиры устраивались на работу. «На какой срок поступаете?» — спрашивали у них. — «До вылета».

Но всему, как известно, приходит конец, и в одно из утр я слышу, как непривычно рано возятся у плиты на кухне пилоты, и Михаил Михайлович, постучав ко мне в дверь, говорит веселым голосом:

— Приготовьтесь, через час, возможно, полетим на остров Ратманова.

До этого я несколько дней подряд ходил на полярную станцию, там тоже перезнакомился со всеми, и в числе моих вопросов едва ли не самым первым был один: «Как там погода на Ратманове?» Начальник станции Леонид Васильевич Столяренко снимал телефонную трубку и справлялся у кого-то. «Дрянная погода на острове», — отвечал он мне через минуту. Коротко и ясно. И вдруг, словно подарок, это «окно» в небо.

Собираемся очень быстро: как бы не отменили полет синоптики. Светит неяркое солнце, обсыхает и становится тусклой галька. Самые маленькие камешки стремглав уносятся в стороны, когда набирает силу огромный винт вертолета. Через минуту машина плавно, незаметно отрывается от земли, летит сначала бочком, потом свечкой взмывает вверх и ложится на курс. Смотрю в иллюминатор. С каждой минутой уменьшается в размерах Уэлен и раздвигается горизонт, все дальше и дальше становится видно, и вот уже в поле зрения острова Диомиды: наш — Ратманова и американский — Крузенштерна. За ним отчетливо видна Аляска.

Когда где-либо в средней полосе России, да и в Сибири, заходит разговор об Америке, неизбежно представляется очень далекая заморская страна, куда надо добираться через всю Европу, а потом через океан. И вдруг эта очень далекая страна оказывается совсем рядом с нашей. Вот мы и вот они, совсем близко.

Еще на заре Советской власти один дружелюбно настроенный к нам американский бизнесмен сказал московскому корреспонденту: «Мы ближе друг к другу, чем думаем. Сама природа указывает нам путь к объединению. Подводный тоннель между Аляской и Сибирью должен быть построен». В то время еще был в памяти дерзкий проект инженера Лойк де Лобеля, предложившего в начале века построить железную дорогу, которая соединила бы два материка непрерывной стальной колеей Нью-Йорк — Париж через Аляску и Чукотку, с тоннелем под Беринговым проливом. Проект серьезно обсуждался русским правительством (в мировой прессе было опубликовано о нем две тысячи пятьсот статей), но был отклонен из-за неприемлемых условий, поставленных американским синдикатом, который пытался получить концессию на эту стройку.

...Шум волн заглушается шумом мотора, но по тому, как мечутся внизу белые барашки, легко судить, сколь беспокоен, сколь сердит сейчас Берингов пролив.

Это место примечательно еще и в том отношении, что именно здесь доступнее и проще всего соединить два материка и тем самым коренным образом изменить климат Арктического побережья, а значит, и всей планеты Земля. Речь идет о грандиозном проекте инженера П. Борисова.

Двадцать лет назад он выдвинул идею построить гигантскую глухую плотину в Беринговом проливе — от Чукотки до Аляски — и через нее мощнейшими насосами перекачивать холодную воду Ледовитого океана в Тихий. Расчет показал, что перекачка ста девяти тысяч кубометров арктической воды в

год изменит извечное течение теплого Гольфстрима, и оно устремится на север, достигнет Северного полюса и через Чукотское море выйдет в Тихий океан. Всего три-четыре года понадобилось бы, чтобы растаял дрейфующий ледяной покров Арктики и температура воздуха в ее центре повысилась до двадцати восьми градусов тепла.

Конечно, осуществление проекта инженера Борисова по плечу современной технике. Это может показаться невероятным, но технический расчет свидетельствует, что только две секунды понадобилось бы, чтобы с помощью направленных взрывов термоядерных зарядов образовать тело гигантской плотины...

Другой вопрос, насколько целесообразно это делать. Резкое потепление Арктики растопит вечную мерзлоту Сибири со всеми вытекающими отсюда последствиями. Разрушится все, что построено на вечной мерзлоте. Уйдут в землю Норильск, Дудинка, Якутск, Сургут, новые и старые города и поселки, разрушатся нефтяные и газовые промыслы Самотлора и Уренгоя, заплывут торфяным месивом карьеры, в которых добывается уголь Якутии, провалятся в тартарары многие шоссе и железные дороги, взлетные полосы аэродромов... Потери будут неисчислимы!

Возводить плотину инженер Борисов предлагал, используя острова Диомиды: с американской стороны — между мысом Принца Уэльского на Аляске и островом Крузенштерна, а с нашей стороны — между мысом Дежнева и островом Ратманова, куда мы летим над беспокойными водами Берингова пролива.

...Лететь совсем не долго, минут двадцать, и вот уже под нами неприступные скалы, огромные камни, в диком беспорядке наваленные друг на друга. Крохотный поселок. Полярная станция.

Мы на острове Ратманова; так его назвал, проходя Берингов пролив, командир «Рюрика» О. Е. Коцебу. «Этот заслуженный офицер во время путешествия капитана Крузенштерна был моим вахтенным лейтенантом», — писал он о Ратманове.

Островок мал, восемь километров в длину и того меньше в ширину, на нем весь год свирепствуют ветры, шумит океан, туманы так часты, что жители забывают, как выглядит солнце. Здесь нет дорог, но стоит «дорожный указатель»: «Москва (по прямой) — 6480 км. Елик (США) — 4 км 160 м». Елик — поселок на соседнем острове Крузенштерна.

Маленький советский островок живет своей, совсем не замкнутой жизнью. Есть самодеятельность, научные сотрудники «полярки» выступают с лекциями. Недавно комсомольцы острова обратились к молодежи и всем жителям Чукотского

района с призывом провести комсомольско-молодежную эстафету, и это обращение одобрило и поддержало бюро райкома ВЛКСМ.

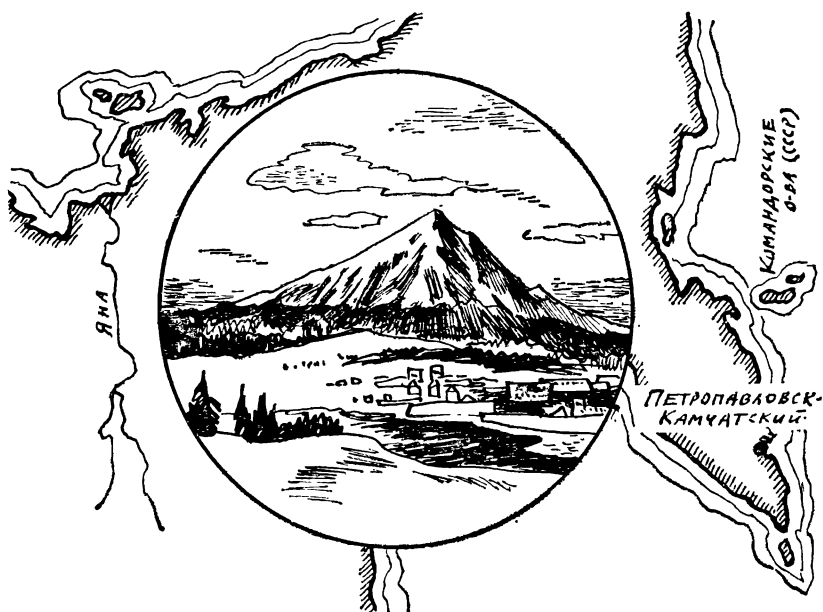
...Оба острова — Ратманова и Крузенштерна — раньше назывались Диомедовыми. По древнегреческому мифу спутники царя Дионида были обращены в хищных птиц. Это дало повод естествоиспытателю Линнею назвать альбатросов диомедами (*Diomedea*). Отсюда и название островов, лежащих на северной границе распространения альбатросов.

В 1928 году эти острова посетила американская научная экспедиция. Здесь ученые нашли аборигенов, обликом похожих на русских, но одетых в эскимосскую одежду и говорящих по-эскимосски. На острове Крузенштерна жило всего сто двадцать пять человек, на острове Ратманова — несколько больше. Жители рассказали, что в очень далекие времена на них напали пришельцы с Азиатского материка. Диомеды храбро защищались оружием, сделанным из костей животных. На острове Ратманова еще в тридцатых годах стояли сделанные аборигенами группы каменных фигур в рост человека. Местные жители надеялись, что пришельцы, завидя их с моря, испугаются, приняв за воинов, и повернут вспять...

Жили диомеды в пещерах или в землянках, поклонялись луне, считая ее высшим божеством, и в виде жертвоприношения швыряли в ночное светило тухлыми яйцами морских птиц. Питались преимущественно тюленьим мясом, а теплой тюленьей кровью вскармливали новорожденных вместо материнского молока... Такие сведения собрала американская экспедиция об этой крохотной этнической группе.

...Летчики торопятся, как бы не закрылось «окно» в небе, но синоптики с полярной станции сегодня добры к столь редким гостям и обещают летную погоду на утро. Мы остаемся на ночь.

Солнце уже заходит, правда, поздно и всего на несколько часов, но я встаю до рассвета, иду на берег и долго в ожидании смотрю, оборотаясь лицом к востоку, стараясь не пропустить первый луч. Мне хочется первому в стране встретить солнце, а это можно сделать только здесь...

ПО КОЛЕБЛЮЩЕЙСЯ ЗЕМЛЕ

Итак, мой путь, магистральное направление которого все время было с запада на восток, теперь круто сворачивает к югу. Отныне мне предстоит двигаться только в эту сторону. Три с половиной тысячи километров, к тем благословенным широтам, на которых лежат Одесса и Астрахань. Это будет на Южном Сахалине.

Я опять обращаюсь к карте, которая висит в исполкоме села Лаврентия. Да, немало удалось отмахать за неполных три летних месяца. Впереди осень. Впрочем, здесь она уже наступила: порыжела тундра, задули холодные ветры, а вчера ночью летали белые мухи. Но в том краю, куда я направляюсь, на Камчатке и Сахалине, сентябрь — по уверению некоторых моих знакомых — лучший месяц года. Что ж, посмотрим.

В поселок Лаврентия я прилетел вчера на попутном самолете геологов и тут заночевал вместе с пилотами, которые обещали «забросить» меня дальше. Погода немного наладилась, нет тумана, и пилоты настроены благодушно, не ворчат и не нервничают в ожидании, пока подвезут груз из тундры — об-

разцы Провиденской геологопоисковой экспедиции, которая ищет олово.

Может быть, потому, что нет солнца, залив производит унылое впечатление. Когда-то он назывался заливом Святого Лаврентия, но слово «святой» отпало, и остался никому не известный Лаврентий — ни мореплаватель, ни плотник, просто Лаврентий, и все тут.

На фоне рыжих невысоких сопок поселок кажется меньше, чем он есть на самом деле, и сливается с берегом, усеянным черной, как уголь, галькой. На противоположном берегу виден еще один поселок, эскимосский, несколько домиков на желтой косе. Над заливом плывут клочкастые черные облака, готовые вот-вот разрядиться не то дождем, не то снегом.

Село Лаврентия выросло на месте культбазы, которую в числе других энтузиастов организовал молодой учитель Т. З. Семушкин, автор романа «Алитет уходит в горы». Я не раз встречался с Тихоном Захаровичем и всегда с неизменным удовольствием слушал его рассказы о тех далеких и героических днях 1927 года, когда к этому унылому берегу подошел зафрахтованный японский пароход. Сильный, продолжавшийся несколько дней шторм не давал начать выгрузку, и японский капитан собрался уйти назад во Владивосток. Тогда прораб, которому предстояло строить культбазу, распорядился весь груз выбросить в море. Будущие больница, школа, жилые дома — все полетело за борт, и волны сами доставили их на берег. Строить первую на Чукотке культбазу помогали чукчи, хотя и не понимали, для чего нужны такие громадные деревянные яранги...

К вечеру я был в Провидении, молодом городке, выросшем на берегу задумчивой бухты того же названия. В словаре Брокгауза и Ефрона сказано о ней: «Берега обставлены высокими горами. На низкой песчаной косе расположено селение чукчей (около 50 человек). Спокойная якорная стоянка, посещаемая часто иностранными китобоями». Справка, естественно, безнадежно устарела. Иностранные китобои бухту не посещают, а чукотское селение превратилось в благоустроенный и красивый городок.

Те, кто приезжают сюда с юга, здесь впервые ощущают дыхание Арктики — льдины в бухте, ядреный воздух. В Провидении последняя стоянка судов перед тем, как они пойдут на штурм Ледовитого океана. Отсюда под командованием гидрографа Давыдова в 1924 году ушла канонерская лодка «Красный Октябрь», чтобы водрузить на занятом иностранцами нашем острове Врангеля советский флаг. По пути корабль

остановился у села Лаврентия, чтобы забрать председателя поселкового Совета чукчу Ульвургына, который захотел обосноваться на острове. Затем из поселков на берегу бухты Провидения переселились туда многие эскимосские семьи.

...Черная, тысячеметровой высоты скала почти отвесно падает в воду. Сейчас она бирюзового цвета, а ночью, при неверном свете луны, казалась густой и черной.

С катера, которым я переправляюсь на ту сторону бухты, отчетливо видны поднимающиеся террасами многоэтажные улицы, порталные краны, широкотрубные океанские суда, стоящие под разгрузкой. Все это выглядит очень живописно и пестро. Пожалуй, ни один город на берегу океана не показался мне таким нарядным, как этот. И нигде в другом месте я не видел такого старинного, позеленевшего, висящего на перекладине колокола со славянской вязью на нем: «Благоденствуй земле радость велию...»

В книжном магазине в качестве сувенира покупаю красочный эскимосский букварь с картинками, на которых можно узнать отдельные уголки поселка — порт, дома, корабли у причала. Между прочим, эскимосским букварем, вышедшим еще в тридцатых годах, пользовались аборигены американского острова Святого Лаврентия; своего букваря у них не было. В универмаге торгуют изделиями местного кожевенного завода, удостоенными Большой золотой медали ВДНХ: куртками из оленьего хрома, перчатками и жилетами, отороченными нерпичьим мехом. И еще — провиденским, естественно, крайне редким значком.

Я наскоро прикалываю его к своему «иконостасу» на пиджаке и мчусь в аэропорт, чтобы не опоздать к вылету рейсового самолета в Анадырь. В Анадыре я не собираюсь задерживаться, а постараюсь сразу же пересесть на другой самолет, который доставит меня на Камчатку.

...На полпути погода окончательно портится, и самолет долго пробивает толстый пласт туч, пока не выходит к синеве и солнцу. Несколько часов внизу лежит монотонная всхолмленная равнина. И вдруг поверх туч, над их бугристой поверхностью, возникают, становятся видны во всей своей красе две горящие на солнце горы. Кажется, они поднимались из-за туч, вошли и теперь парят в их влажном пуху, величественные, огромные и седые от лежащего на склонах снега — две сахарные головы вулканов.

— Прилетели, — говорит мой попутчик.

Через несколько минут самолет приземлился в аэропорту близ Петропавловска-Камчатского. И пока автобус долго везет пассажиров в город, петляя по шоссе, заснеженные конуса то появляются, то прячутся за быстрыми тучами, за реденьким леском вдоль дороги, за новыми домами.

Авачинская Сопка выглядит менее внушительно, чем Корякская, но зато курится: из ее вершины бьют горячие удушливые струи газов и паров, кажущиеся издали легким безобидным дымком. На противоположной стороне города, за Авачинской бухтой, виднеется еще одна цепь сопок с Вилучинской во главе. Горы опоясывают Петропавловск, заполняют все пространство вокруг, как бы напоминая, что именно они занимают почти две трети Камчатки, этого гигантского ивового листа, прикрепленного черенком к Азиатскому материку. Некоторые из сопок спят, некоторые дымятся, выстреливают желтые пары из раскаленных жерл, а одна, невидимая и далекая отсюда, Карымская, в это время действует, затмевая над собой небо плотной тучей пепла и выливая, выплескивая поток лавы. Там уже побывал вертолет, высадивший в безопасном месте группу ученых Института вулканологии. Последний раз Карымский извергался несколько лет назад.

За три года до этого было катастрофическое извержение Шивелуча. В 1956 году заговорил вулкан Безымянный, одним взрывом выбросивший в воздух энергию, равную сорока атомным бомбам. В 1945 году работал король всех азиатских вулканов — Ключевская Сопка.

Нет года, чтобы не давали о себе знать таинственные, неуравновешенные недра Камчатки, начиненные магмой, удушливыми газами, водяным паром и горячей водой. Нет дня, да что дня — часа, чтобы не колебалась от очередного землетрясения камчатская земля. Правда, огромное большинство этих колебаний улавливают лишь чувствительные приборы. Но все-таки раз в неделю сами собой начинают дребезжать оконные стекла и раскачиваться люстры. С землетрясениями и цунами, с кипящими источниками и вулканами многие жители полуострова сначала знакомятся на собственном опыте, а уже потом — по книгам.

На Камчатке двадцать восемь действующих вулканов. Наблюдать за некоторыми «огнедышащими горами» начал еще участник Второй Камчатской экспедиции, сподвижник Ломоносова Крашенинников, прибывший на Камчатку в 1737 году. Но это были преимущественно визуальные наблюдения: когда проснулся вулкан, когда успокоился. По-настоящему изучать их начали по сути дела лишь в наше время, а именно в 1935 го-

ду, когда была организована первая в стране вулканологическая станция в маленьком поселке Ключи.

В Ключах я обязательно побываю, но прежде хочу познакомиться с Петропавловском, этим удивительным городом, построенным на беспокойной, колеблющейся земле. Обычно принято начинать знакомство с главной улицы, но я пренебрегаю этим неписаным правилом и змеиной тропкой поднимаюсь на какую-то гору, откуда открывается изумительный вид на город, несколькими террасами опоясавший Авачинскую бухту: улица идет над улицей, напоминая палубы океанского парохода. Вокруг, куда ни обратишь взгляд, видны величественные, знакомые по японским лаковым картинкам конусы вулканов, среди которых выделяется сахарная голова Авачи. В бинокль можно различить три голые скалы, подобные трем пням, оставшимся от каменных деревьев, — Три Брата, стерегущие узкий вход в Авачинскую бухту, в которой, как утверждают знатоки, может поместиться флот всего мира.

Берег в этот ранний час еще пуст, на плотном песке после отлива валяются «дары океана» — красные, желтые, синие морские звезды, ракушки, зеленые приплюснутые шарики морских ежей с неколючими колючками, стеклянные кухтыли, обрывки сетей, разные пластмассовые сосуды с нашими и чужими надписями. А чуть выше на берегу, под сенью криволапых камчатских берез покоятся пушки, оставшиеся со времени Крымской войны 1854 года.

30 июля 1854 года военный губернатор Камчатки В. С. Завойко обратился с воззванием к жителям Петропавловска:

«Получено известие, что Англия и Франция соединились с врагом христиан, с притеснителями наших единоверцев; флоты их уже сражаются с нашими. Война может разгореться и в этих местах, ибо русские порты Восточного океана объявлены на осадном положении. Петропавловский порт должен быть всегда готов встретить неприятеля. Я надеюсь, что жители, в случае нападения неприятеля, не будут оставаться праздными зрителями боя... Я пребываю в твердой решимости, как бы ни многочисленен был враг, сделать для защиты порта и чести русского оружия все, что в силах человеческого возможно, и драться до последней капли крови; убежден, что флаг Петропавловского порта во всяком случае будет свидетелем подвигов чести и русской доблести».

Когда к Петропавловску подошла мощная англо-французская эскадра, гарнизон его состоял всего из восьмисот восьмидесяти человек флотского экипажа, считая престарелых и инвалидов.

Эскадра появилась в бухте 17 августа, а через три дня «темная масса неприятельских судов» медленно двинулась к берегу. Их встретил огонь восьми орудий — это было все, чем располагали защитники. Все было в тот трудный день — молебны перед боем и пальба восьмидесяти неприятельских пушек с кораблей, высадка неприятеля и паническое бегство его после рукопашной схватки, когда смешались в кучу красные мундиры англичан с синими и красными рубашками матросов Франции и России. 24 августа петропавловский гарнизон успешно отбил второе нападение, после чего израненная соединенная эскадра позорно ретировалась из Авачинской бухты.

Бережно хранится светлая память о защитниках Петропавловска. Взметнулся высоко в небо островерхий купол четырехгранной часовни, поставленной в их честь. «Памяти павших при отражении атаки англо-французского флота...» А над братской могилой, где похоронены свои и неприятельские солдаты, поставили три креста с надписью на трех языках: «Здесь лежат воины, верные своему солдатскому долгу».

Петропавловск вытянулся огромной дугой, следующей очертаньям Авачинской бухты. Крутые лестницы кое-где соединяют между собой параллельные улицы, и, чем выше я забираюсь, тем величественнее выглядит морской порт с его океанскими судами и новым морским вокзалом; к нему ведет главная, Ленинская улица, застроенная монументальными зданиями, способными выдержать девятибалльное землетрясение.

Увы, мне и тут не везет с погодой. Тот самый сентябрь, который почти всегда бывает на юге полуострова теплым и ясным, на сей раз подкачал. Вот уже который день, просыпаясь по утрам, я слушаю монотонный, равнодушный голос радиодиктора: «Говорит камчатское метео. По восточному побережью ожидается дождь, туман, ветер пять-шесть баллов, южный и юго-восточный, высота волны от полутора до трех метров, температура воды десять-одиннадцать градусов, воздуха — одиннадцать — тринадцать...» И так в начале каждого часа, с той только разницей, что слегка изменится температура да чуть увеличится или уменьшится высота волны.

— Широта крымская, долгота колымская, — весело говорит сотрудник редакции «Камчатская правда», куда я захожу, чтобы посоветоваться насчет своего дальнейшего маршрута.

В редакции висит большой макет Петропавловска: таким город должен стать к 1980 году. Яркими фасадами обращены

к бухте дома современной архитектуры. В городе число облачных дней превышает число солнечных, и проектировщики особое внимание обратили на цвет строительных панелей, которые предполагают отделывать «вечными» местными минералами разных цветов. На двадцать километров растянется город, на тысячу гектаров увеличится его зеленый массив...

— Так куда же вам поехать?.. — отвлекает меня от созерцания макета сотрудник редакции. — Значит, так. Долина гейзеров — раз. К котикам на Командорские острова — два. Вулканологическая станция в Ключах — три. Паужетская геотермическая станция, единственная в стране, — четыре...

Список интересных мест, которые мне обязательно надо посмотреть, неисчерпаем. По самым скромным подсчетам, только на беглый осмотр перечисленных объектов мне понадобится около года.

И все же я делаю попытку выполнить намеченный план и начинаю с самого трудного — Командорских островов. Несколько дней подряд я штурмую на остановке автобус, который идет в аэропорт. Билет у меня на руках, в Алеутском райкоме партии знают, что я должен у них появиться, но после шести часов бесцельного ожидания каждый раз следует объявление по радио: рейс в Никольское отменяется и переносится на завтра. Никольское — это на острове Беринга, где могила и памятник командора, птичьи базары и лежбище китов, одно из немногих в мире.

...Погоды нет как нет. Туман густой пеленой закрывает землю и никак не может подняться хотя бы на восемьсот метров, ту минимальную высоту, при которой разрешаются полеты. С каждым днем шансов улететь становится все меньше. Если верить лоции Берингова моря, то «Командорские острова в течение восьмидесяти процентов навигационного времени находятся в тумане».

Здание аэровокзала забито пассажирами, без конца откладываются все рейсы по Камчатке. Улетают и то с опозданием только самолеты на Москву. Люди обжились, притерпелись, оккупировали все до единой скамейки, расположились на полу семьями. Путаются под ногами дети, играют в разбойников или в прятки, взрослые же осаждают справочное бюро или стоят в очереди у буфетной стойки.

И вдруг объявляют регистрацию билетов в Усть-Камчатск. Бегу к начальнику аэровокзала, показываю свою командировку, билеты с красной полосой и... получаю место.

— Нет, нет, на Никольское сегодня не полетит. Скажите спасибо, что Усть-Камчатск открыли.

Есть, собственно, три Усть-Камчатска: старый поселок, именуемый почему-то Деревней, с маленькими деревянными домами и огородами, Первый Завод — на косе между речкой Камчаткой и океаном, и Варгановка, где строится новый поселок. Должно быть, когда-то кто-то тут «сварганил» — слепил кое-как первую непутевую хибару, отсюда и пошло обидное название.

Место для Усть-Камчатска отвоевывали у тундры. Огромной подковой охватывает она с трех сторон поселок, кочкастая, топкая и унылая в этот мокрый неуютный день. Сопки, вулканы, морская даль — все скрыто, поглощено холодным туманом, все сечется тоскливым дождем; его мелкие капли отскакивают от бетонных мостовых, от двухэтажных домов, выкрашенных то голубой, то зеленой, то коричневой краской. Тонкие, болезненные ивы прижались к тротуару и гнутся под ветром. Деревца растут плохо, трудно. Зимой бульдозеры, расчищая дорогу от снега, заваливают их «с головой», и они ломаются. Снега здесь выпадают обильные, сырые от близкого океана. Наружные двери в домах обязательно открываются внутрь, потому что за одну метельную ночь дом может занести до второго этажа.

Место, где недавно находился районный центр, Деревня, пожалуй, живописнее, чем то, куда переселяется поселок, но перенести его нужно, чтобы надежно защититься от цунами. Мне рассказывал секретарь райкома партии Борис Филиппович Чиколенко, что километрах в пятидесяти от Усть-Камчатска есть подводный вулкан. Если он вдруг пробудится от спячки, то может поднять волну высотой двадцать девять метров — так показали расчеты. Огромные волны рождаются и от подводных землетрясений. Во время последнего катастрофического землетрясения в Южной Америке Усть-Камчатск с тревогой ожидал прихода цунами. Население подготовили к эвакуации, круглосуточно работали машины. Но к счастью, волна погасла раньше, чем дошла до Камчатки. Оттого и переносят на новое место Усть-Камчатск: Варгановка выше Деревни чуть ли не на двадцать метров. Волна цунами придет сюда ослабленной, разбитой, однако все еще небезопасной, и сейчас уже думают о дамбе, которая опояшет поселок со стороны Камчатского залива.

Несколько дней я жду здесь самолет, звоню в аэропорт и каждый раз слышу в ответ одно и то же: «На весь день сегодня закрыты».

Поселок тем временем живет своей обычной жизнью. В Доме культуры моряков открылась выставка московских худож-

ников. В порту грузят лес для Японии. На рыбокомбинате делают консервы. Строят новые дома.

Отчаявшись дожидаться солнца, жители копают картошку и носят ее в дома — сушить. Огородики обычные, с капустой, морковью, репой, кажется, они ничем не отличаются от других, привычных по средней полосе России. Но у местных огородов есть одна удивительная особенность: их удобряют вулканы.

...Это случилось 12 ноября 1964 года. Утром, в начале седьмого, жители Усть-Камчатска проснулись от далекого грозного гула. Выбежав во двор, они увидели на западе багровое зарево и бесконечные молнии, рассекавшие небо: в восьмидесяти километрах от Усть-Камчатска вулкан Шивелуч выбросил на двухкилометровую высоту тучу серого, чуть розоватого пепла. К семи часам двадцати минутам эта туча уже поднялась на восемь километров, а еще через двадцать минут достигла пятнадцатикилометровой высоты.

В тот день в Усть-Камчатске так и не рассвело: на поселок надвинулась темная, непроницаемая стена, и из нее посыпалось нечто среднее между песком и мукой. Завыли собаки. Стало трудно дышать. В темноте, от столба к столбу, таинственно и страшно светились провода, это зажглись огни «святого Эльма». Прервалась радиосвязь. Перестал работать телефон. Телефонные аппараты произвольно и бестолково звонили сами по себе. Не смог подняться вертолет: как только пилот запускал мотор, на лопастях вспыхивали огненные полосы.

Все это время под неутихающий аккомпанемент гула и грома с неба продолжал сыпаться вулканический пепел; он покрыл землю слоем в четыре сантиметра. Наконец туча стала редеть, ее унесло ветром в сторону Командор, и там, на острове Беринга, в трехстах тридцати километрах от вулкана, тоже начался пеплопад.

Необычайный сухой дождь состоял из крупинок вулканической лавы и содержал фосфор, железо, калий — элементы, без которых нет урожая. И все это было выдано совершенно бесплатно, выпало на огромной территории, правда большей частью впустую, над океаном и тундрой, но перепало и благодатной долине Камчатки, реки, где с легкой руки землепроходца Владимира Атласова начали селиться русские люди.

По извечной крестьянской привычке они стали заводить огороды, но короткое дождливое лето очень часто губило урожай. Развивать местное земледелие попытался камчатский губернатор Завойко. Весной 1859 года он выписал и раздал жителям семена овощей и на 1 октября назначил сельскохозяй-

ственную выставку в Петропавловске. За высшие достижения были обещаны премии. Губернатор сам обходил выставку, сам взвешивал овощи, замерял их и раздавал премии. Призы получили редька, весившая четырнадцать фунтов, семифунтовый кочан капусты и такого же веса репа, картофельный клубень, потянувший более фунта, а также морковь и свекла, тоже внушительных размеров. Стало ясно, что с камчатской земли можно снимать урожай, однако вплоть до Октябрьской революции вся посевная площадь полуострова равнялась... пятнадцати гектарам. Сейчас своим плодородием и урожаями славится Мильковский район, расположенный в долине реки Камчатки, которая его пересекает из конца в конец.

По этой реке я еду в Ключи на маленьком райисполкомовском катере. На Камчатке еще мало дорог, но много рек, и местные жители часто используют этот вид транспорта, тем более что почти все населенные пункты жмутся к воде.

С борта хорошо виден естественный «завод минеральных удобрений» — Шивелуч. Спокойная глыба вулкана-богатиря в серебряной накидке кажется белее и чище, чем самые яркие кучевые облака, которые вулкан притягивает к себе: кругом голубое высокое небо, и только по сторонам Шивелуча они стоят тесно, обрамляя его склоны, словно оправа драгоценного камня. Меняется картина берегов, река петляет, открываются взору новые холмы, поросшие лесом сопки, скалы, ручьи, одинокие избы рыбаков, а Шивелуч стоит все так же величественно и неизменно, глубоко равнодушный ко всему, что делается вокруг него.

Река просторна в своем нижнем течении, широка, спокойна, и мне вспоминается вчерашний день, когда я плыл по ней на катере из Усть-Камчатки на внешний рейд, к океанским судам, стоявшим у ее устья. Она тоже была спокойна поначалу, разделившись на рукава с низкими тундровыми берегами. Но какими огромными кипящими валунами, каким грозным гулом обернулась эта обманчивая тишина в том, уже открытом, не окинешь взглядом, месте, где встретились две воды — пресная струя реки и соленый приливный поток океана! Воды реки Камчатки были серы, мутны, пенисты, воды океана, несмотря на пасмурный день, прозрачны, зелены, яркие, и разница в цвете была настолько отчетливо резка, что казалось, будто границу двух вод вычертили по лекалу.

...Мы идем вверх по реке. Мерно и натужно стучит мотор, преодолевая сильное течение. Навстречу плывут плоты из золотистых лиственничных бревен, танкеры, баржи, груженные капустой и картошкой, выращенной в ключевском совхозе.

Еще несколько лет назад все это Камчатка завозила «с материка», а в прошлом году снабдила своей картошкой соседнюю Магаданскую область.

Справа виднеется Нижне-Камчатск, основанный в 1703 году. Древний городок недавно покинут жителями, которым предложили переселиться в другие поселки. Отсюда вышла в 1728 году Первая Камчатская экспедиция Академии наук. Витус Беринг повел отсюда бот «Святой архангел Гавриил» на север, к морю, которое потом назвали его именем. Здесь базировалась «Северо-Восточная секретная географическая и астрономическая экспедиция» 1785 года. Здесь жилали Владимир Атласов, присоединивший Камчатку к России, уже упоминавшийся С. П. Крашенинников — знаменитый исследователь полуострова.

Постепенно долина реки сужается, пейзаж делается суровее, строже, топкие торфяные берега сменяются скалистыми, высокими, поросшими лесом, и мы въезжаем в знаменитые Щеки — грандиозный пропил в горном хребте Кучмор. Близкие горы на время закрывают заснеженные сопки, но за Щеками они открываются снова: справа, на севере, — Шивелуч, а на юге — целая цепь, над которой главенствует, сияет в своей праздничной ризе высочайший вулкан Европы и Азии — почти пятикилометровая Ключевская.

Теперь уже близко до цели — «столицы» вулканологов. Она видна издалека — живописно раскинувшийся на холмах, одноэтажный, деревянный, «самый большой из маленьких поселков Камчатки» поселок Ключи.

На вулканостанции пусто — кто улетел на сопку, кто, забросив на время науку, помогает местному совхозу убирать картошку («Вулканы вон уже сколько стоят, они подождут, а картошка нет — замерзнет»), и я с трудом нахожу высокого молодого человека с чаплинскими усиками на бледно-матовом лице — одного из научных сотрудников станции.

— Устроились? Нет? — интересуется мой новый знакомый. — Если не найдете лучшего пристанища в поселке, милости просим. Спальный мешок и раскладушка в вашем распоряжении.

Белое двухэтажное здание станции стоит среди маленькой рощицы. По застеленной ковром скрипучей лестнице — будто в старинном особняке — мы поднимаемся на второй этаж, минуем бильярдную, музей и попадаем в кабинет, ярко освещенный солнцем. В раскрытое окно смотрит Ключевская. Говорят, что в ясную погоду ее купол виден с океана за четыреста километров.

Станция носит имя академика Ф. Ю. Левинсона-Лессинга, знаменитого геолога и петрографа, инициатора вулканологических исследований в нашей стране. Сорок лет на станции изучают вулканы. О том, что это значит, я узнаю не только из рассказов сотрудников, но и разглядывая термометр, побывавший в вулканической щели, откуда со свистом вырывались удушливые газы, накалинные до шестисот градусов; образцы пород, поднятых людьми со дна кратера, из самого кипящего пекла; снимки ученых, стоящих на корке движущегося огненного потока лавы. Изучать вулкан — это не только наблюдать за ним, когда он дремлет, набирает силы, но и быть возможно ближе к нему, когда извержение уже началось, измерять температуру потока лавы, ее вязкость, скорость движения, давление, брать пробу удушливых газов... Все это опасно, сопряжено с риском, страшно на первых порах. Но люди привыкают, их не пугает, не останавливает одинокая могила в лесу, на территории станции, с обелиском и короткой надписью на нем: «Памяти Алевтины Александровны Былинкиной, погибшей при исследовании Ключевского вулкана. 1921—1951».

И все это — во имя основного, главного — научиться предсказывать извержения, чтобы заранее объявить людям: берегитесь, тогда-то и там-то начнет действовать вулкан! Совсем не обязательно он использует свой основной кратер, через который швырнет вверх кучу камней и пепла, вулкан может найти слабину в любом другом месте, и тогда произойдет самый опасный, так называемый направленный взрыв. И об этом должны знать люди: где и когда.

Но возможно ли такое? Оказывается, возможно.

...Завтра я встаю на рассвете, чтобы увидеть вулканы во всем их утреннем блеске. На бледно-голубом высоком небе высятся, словно подпирая его, три конуса, ослепительно белых, освещенных солнцем с подножия и до вершины. Слева стоит главный богатырь — Ключевская, правее, значительно ниже его — вулкан Средний, еще правее распласталась громада третьего вулкана — Плоского. Все три величественно спокойны, как патриархи, и их ослепительная белизна, их спокойствие особенно подчеркиваются шевелящимися на ветру желтыми кронами тополей... На противоположной стороне дремлет Шивелуч, он по-прежнему в венце лиловых туч, закрывающих всю его среднюю часть наподобие колец Сатурна.

В восемь часов я снова выхожу из дому. Все три вулкана продолжают сиять на солнце. Я вспоминаю слова сотрудницы станции, предупредившей меня вчера: «До восьми успеете — увидите всю красоту, а потом поздно будет». «Как хорошо,

что она ошиблась», — думаю я и, еще раз взглянув на трех богатырей, иду по тропинке. Через минуту оглядываюсь: вулканы исчезли, их место заняло однотонное серое небо.

— Камчатка!.. — добродушно хмыкает молодой человек. Он стоит на крыльце того самого дома, куда меня поселили, в клетчатой рубашке нараспашку, простоволосый, белобрысый, с чуть снисходительной улыбкой на открытом русском лице. — Идемте завтракать...

У людей, которые полжизни проводят в поле — в экспедициях, у бродяг с дипломом и без него, человеческие взаимоотношения несравненно проще, чем у людей, так сказать, оседлых, выезжающих из своего города преимущественно на курорт или в столицу. Бродяги из собственного трудного опыта знают, как нелегко порой бывает одному, вдали от привычных мест, от друзей, какая радость охватывает, когда учуешь вдали дымок костра или увидишь свежий след сапога на звериной глухой тропе. Тут все предельно ясно: если к тебе в палатку ввалился усталый, вымотавшийся в маршроте незнакомый человек — он твой гость, и ты должен поделиться с ним всем, что имеешь. Зато и ты уверен: коль судьба тебя забросит к его очагу, тот человек поступит точно так же.

— Идемте завтракать, — повторяет Борис Федорович Студеникин.

Знакомимся мы уже за столом, щедро уставленным разными «своими» яствами — рыбой, которую он сам поймал и закоптил, помидорами, которые сам вырастил, грибами, которые сам собрал в лесу, ягодами, за которыми он сам ездил к вулкану...

— Ладно... Не сам, не сам, а с тобой! — он шутливо поднимает руки, будто сдается на милость своей жене, очень милой молоденькой Лидии Дмитриевне, тоже работающей на станции.

Борис Федорович заведует сейсмогруппой — тремя сейсмическими станциями, где из года в год, днем и ночью выслушивают земные недра. Именно здесь, на сеймостанциях, в первую очередь решается вопрос — будет извержение вулкана или нет, а если будет, то где и когда.

Сеймостанция помещается в соседнем доме. Отщелкивает время хронометр. Поблескивают приборы. Загораются и гаснут выпуклые пуговички ламп на покатой доске, над которой висит табло с надписью: «Землетрясение». Оно пока не светится, «молчит». Сами сейсмографы упрятаны в глубокие восьмиметровые шурфы во дворе, оттуда они посылают электрические импульсы к другим чувствительным приборам, пре-

вращающим эти импульсы в свет. Острый лучик, подобный солнечному зайчику, непрерывно колеблется вслед за малейшими колебаниями Земли, падает на фотографическую бумагу, на ее бесконечную движущуюся ленту, и оставляет на ней след. Бумагу проявляют, изучают и сопоставляют с сейсмограммами двух других сейсмостанций. По тому, что получилось на лентах, можно, оказывается, судить обо всех землетрясениях, которые происходят на планете.

Ключевскую станцию, однако, интересуют не все землетрясения, а преимущественно те, которые происходят вблизи, и не обычные, а вызванные деятельностью вулканов Ключевской группы. Извержение начинается не вдруг, вулкан должен накапливать энергию, растет давление внутри, все выше поднимается лава, земная оболочка трескается, вызывая не одно, а целый рой землетрясений. Это уже тревожный сигнал, первый звонок «оттуда». С каждым днем и часом толчки учащаются. Это происходит до какой-то поры, когда вдруг начинает ослабевать их сила. Казалось бы, надо успокоиться, объявить отбой, но в действительности все обстоит как раз наоборот: прозвучал второй, куда более грозный, звонок из земных недр. Теперь вероятность извержения очень велика и пора бить не отбой, а тревогу. Лава поднялась, она уже стоит у кратера, она растекалась по трещинам и пустотам: оттого-то и упало ее давление. Но ненадолго! Глубинные пласты магмы продолжают стремиться вверх, только тонкая кора земли отделяет их от вершины и от склона сопки. Лава клокочет, дрожит от нетерпения, от стремления вырваться из плена...

Все это точно и бесстрастно фиксируют на ленте сейсмографы. К их показаниям подключаются показания барографов, магнитометров, акустических и тепловых приборов, заранее установленных в кратерах или поблизости от них. Сопоставляется множество данных, разгораются научные споры, летят радиogramмы в Институт вулканологии, люди не спят ночами, и в результате все чаще появляется возможность ответить на самые трудные, самые насущные вопросы: когда и где?

Перед последним извержением Ключевской на станции уже знали о надвигающейся опасности. Время взрыва предсказали, однако не сумели ответить на вопрос — где? Об извержении Шивелуча предупредили за неделю, ответив таким образом на оба вопроса. Извержение Безымянного тоже не явилось неожиданностью для ученых. А сейчас? Что же, вулканы продолжают жить. Постепенно нарастает активность Ключевской, Толбачика, того же Безымянного. И лишь старик Шиве-

луч лениво дремлет, ничем не проявляя пока свой буйный норов.

— «Самолет хорошо, а олени лучше»,— вроде бы не к месту вспоминает популярную песенку Борис Федорович и тут же рассказывает, как животные без приборов угадывают, когда будет извержение вулкана или землетрясение, и предупреждают людей. За пятнадцать минут до начала ашхабадской трагедии лошади местного конезавода вышибли ворота в конюшни и в панике разбежались. В югославском городе Скопье вдруг начали метаться животные зоопарка. Завыли дикая собака динго, гиена, жалобно закричал слон, выскочил из воды бегемот и перемахнул через полутораметровую стену. Через несколько часов в Скопье произошло катастрофическое землетрясение. За час до подземных толчков начинают волноваться аквариумные белые рыбки. Но самый разительный случай произошел в 1902 году на острове Мартиника, где вулкан уничтожил весь город Сен-Пьер и его жителей. А вот из животных погибла только одна кошка. Все остальные звери, птицы и змеи загодя покинули насиженные места и спаслись.

— Мистика? — сам себя спрашивает Борис Федорович. — Нет. Просто неразгаданная пока тайна природы...

Вторая сейсмостанция находится у подножия Ключевского вулкана, в Апахончичи, что в переводе означает «гора, дышащая огнем». Туда со дня на день должна пойти грузовая машина. Легковая не пройдет, да и надо отвезти батареи водяного отопления, продукты на несколько месяцев вперед, питание для ради, газеты. Домик станции там один на всей горе, кругом безлюдье, пустота — никого и ничего!

— Поедете? — спрашивает Борис Федорович.

Отправляемся утром. Едут сменщик оператора, научный сотрудник Института вулканологии, два научных работника из Москвы. Утро погожее, вулканы открыты, и я уже предвкушаю удовольствие поглядеть на них вблизи — на Ключевскую и невидимый отсюда Безымянный.

Дорога проложена по многометровому черному слою пепла, она идет сначала вдоль линии связи на Усть-Камчатск, петляет между телеграфными столбами, уходит то вправо, то влево от них. По обеим сторонам стоит странный березовый лес: деревья словно пустились в пляс, их кряжистые толстые стволы причудливо искривлены, чуть ли не завиты в штопор. Это знаменитая каменная береза, названная так за свою твердую древесину. У нас она растет только на Дальнем Востоке.

На полпути мы расстаемся с телеграфными столбами,

начинается подъем в гору. Дорога по-прежнему черна — мы едем по дну мертвой, погребенной речки, каждый раз все больше заваливаемой пеплом во время извержений. Чем выше, тем пасмурнее становится небо, тем реже лес и тем больше вокруг крупных черных вулканов. Березовый лес сменяется густыми кустами ольхи, которая тоже изреживается с высотой.

Шофер зажигает фары. В сгустившемся тумане не видно не то что вулканов, даже самой станции, и о ее приближении мы узнаем по залиvistому лаю: нас учуяли ездовые собаки, целая свора их привязана за сараем. На лай выбегают люди, машут руками, улыбаются; такие встречи редки, и каждая из них большая радость.

В домике тепло, чисто, уютно. Две комнаты — одна жилая, другая служебная, где тикает хронометр и снимаются показания сейсмографов.

Отсюда рукой подать до вулканов, они рядом, со своими газовыми фонтанами, основными и побочными кратерами, ручейками горячей воды, но все сопки поглотил, запеленал туман. И все же мы идем к склону Ключевского вулкана — приехавший из Москвы профессор Александр Ильич Перельман, специалист по геохимии ландшафтов, и я.

Какой-то странный, неземной вид открывается перед нами. Справа громоздится черная застывшая лавовая река. Во время последнего извержения здесь встретились и переплелись друг с другом наподобие женской косы несколько базальтовых расплавленных потоков. Приходится говорить не о глубине, а о высоте этой затвердевшей, не меньше трехэтажного дома, реки в огромных буграх, наростах, выпучинах. Будто взяли обычную реку с ее ямами, вирами, неровностями дна, заморозили всю и перевернули вверх тормашками.

Сплошная черная пустыня расстилается вокруг. В ней свои оазисы — небольшие кратеры, настолько старые, что уже успели порости кустами и травой; растения уцелели, ручьи из расплавленных камней обошли их стороной, огненный вихрь не обжег своим дыханием.

— Типичный, ярко выраженный ландшафт пустыни. Вулканическая пустыня среди тундры, — констатирует Александр Ильич.

Мы идем дальше. Кругом по-прежнему голо, мрачно, мертво, лишь кое-где зеленеют крошечные пятнышки мхов — пионеров наступающей жизни. Впрочем, не только мхов. Вот затесался одинокий колосок вейника, вот малюсенький тополек, от горшка два вершка, да что там два, и одного не будет в вы-

соту, а у него уже несколько вполне «взрослых» листьев, в эту пору уже болезненно желтых. Стебелек иван-чая с опушенной семенами пикой... Нет, что ни говорите, а жизнь берет свое даже на этом выжженном вулканом склоне!

Под двенадцатиметровой толщей пепла, оставшейся после последнего извержения, погребен домик вуканологов, который стоял неподалеку. Черное голое поле усеяно тоже черными оплавленными камнями — вулканическими бомбами, от небольших до огромных, размером с деревенскую избу. Все это было вынесено из кратера, подброшено вверх, в небо, было раскалено и уже в воздухе, падая, приобретало свою теперешнюю форму.

Разные вулканические бомбы, похожие то на лепешку, то на веретено, то на ленту, мне показывали в вулканическом музее, кстати единственном в стране. Но одно дело обозреть образцы, упрятанные под стекло витрины, и другое — увидеть их в обстановке, созданной самой природой.

Я откалываю и беру на память кусочек лавы. Сверху он весь в трещинах, наподобие хлебной корки, неровный, угловатый, а по цвету — коричневый, с красноватым оттенком того пламени, из которого родился. Рядом вулканические туфы — пористые сцементированные обломки неправильной формы, коричневые, розоватые в белую крапинку, серые разных оттенков, от почти черного до «благородного мышинного цвета» — прекрасный строительный материал, который, говорят, пойдет на отделку домов в Петропавловске.

Тут же валяются куски пемзы. Должно быть, когда-то лавовый дождь упал в высокогорное озеро; брызги лавы остывали не в воздухе, а в воде, и пузырьки насыщавших их газов не смогли выбраться наружу. Я кладу в карман похожий на губку, легкий, весь в мелких сотах кусок. Из пемзы можно делать бетон, который вдвое легче обычного. Можно строить дома. Или катать ею валенки. Или отмывать грязь на руках... Огромными толщами лежит она у подножий вулканов. А вот обсидиан — иначе вулканическое стекло, темное, непрозрачное, с острым изломом, хоть затачивай карандаши... Какой-то серый камень, бок которого покрыт окислом меди ядовито-зеленого цвета.

В моей маленькой коллекции явно не хватает вулканической серы, но за ней надо дойти хотя бы до фумарол — газовых и паровых струй, выбрасываемых Ключевской; нам сказали, что они километрах в шести от станции, в районе кратера Карпинского. Может быть, там есть те эффектные золотисто-желтые натеки, которые я видел в музее.

Наверное, мы уже близко, потому что в воздухе чувствуется острый запах серы. Но тут на нас наползает нечто похожее на облако, накрывает, обволакивает со всех сторон своей холодной серой массой, после чего горизонт суживается до двух шагов, хоть протягивай вперед руки и бреди ощупью, как слепой. Чуть повернулся — и уже потерял ориентировку, уже трудно угадать, где стоит ближняя сопка; исчезло небо, земля под ногами, не просматривается солнце, всюду, во всем окружающем нас мире только серая мокрая однотонная муть.

Ничего не поделаешь, надо возвращаться — как-либо набрести на лавовый поток и держаться за него, как за путеводную нить.

И все же природа не была к нам совсем уж жестока. Все-таки мы увидели черную, почти инопланетную пустыню, сопки потухших кратеров, застывшую лавовую реку — где еще встретишь такое? — а перед самым отъездом — и сияющие в лучах солнца оба вулкана — Ключевской и Безымянный. Зрелище продолжалось одну минуту, не больше, только на минуту какой-то счастливый порыв ветра сдунул тучи с серебряных сопки, чтобы тут же снова закрыть их от нас.

Многие встречающиеся на Камчатке руды — ртути, серы, вольфрама, золота — и минеральные источники своим происхождением обязаны вулканам.

Кстати, горячих ключей на Камчатке больше, чем в любой другой области Союза, — сто шестнадцать групп. Одна из этих групп, знаменитая Долина гейзеров, открыта лишь в 1941 году. Подумать только, целая долина с двумя десятками уникальных фонтанов кипящей воды и сотнями менее эффектных термальных источников, с грязевыми потоками и озерами — эта долина находилась в неизвестности до 1941 года.

Увы! Мне пока не удалось увидеть Долину гейзеров. Я опоздал на час. Ровно за час до моего приезда в Ключи отсюда улетел вертолет с фотокорреспондентом, который должен был снять гейзеры, чтобы обновить экспозицию в музее.

— Не огорчайтесь, — утешал меня позднее Борис Федорович Студеникин. — Побывайте на Киреунских источниках. Это недалеко от нас.

— Да, но как добраться до этого «недалеко»?

Если в Долину гейзеров теперь проложена туристская тропа, если вокруг самих гейзеров уже заметны следы пребывания человека в виде пустых консервных банок и пней пихты грациозной, то до Киреунских источников пока нет хода.

Правда, некоторые камчадалы с давних пор кое-как пробирались сюда на собаках или пешком, звериными тропами, ставили шатер, долбили вокруг приглянувшегося ключа ямку, чтоб можно было лечь, и купались там, кто сколько выдержит. Стучало сердце, била кровь в виски, но экзема и ревматизм проходили. Когда не было человека, в долбленку залезал медведь: он тоже лечился от каких-то своих болезней; зимой около парящих источников грелись и щипали зеленую траву олены...

...Вертолет летит очень низко. Кто-то сказал, что на Камчатке редко бывает «золотая осень», что деревья зелеными уходят под снег. Но это не так, по крайней мере в этот непохожий на другие год с небывало жарким летом, когда люди ждали дождя, и тоскливой, непривычно мокрой осенью. Стремглав несутся под нами багряные купы берез, кленов, рябин с крупными, как вишня, ягодами, густая темно-зеленая щетка кедрового стланика; хорошо виден белый, извивающийся шнурок океанского прибоя, сам океан, зеленоватый и прозрачный у берега, почти отвесные скалы то красного, то серого цвета, речушки и ручьи с кипящей водой, те самые, по которым поднимаются на нерест знаменитые камчатские лососи.

— Медведь! — повернувшись ко мне, кричит пилот.

Я лихорадочно ищу глазами хозяина камчатской тайги. Бог мой, как он улепетывает от вертолета, от страшного шума над своей головой — в панике, галопом, широкими прыжками, комично подбрасывая толстый откормленный зад.

О том, что мы подлетаем к Киреунским источникам, я узнаю по клубам пара, окутывающим широкое, окруженное горами ущелье. Солнца уже не видно, оно за тучами, идет сильный крупный дождь.

И все равно открывшаяся взору картина необычна и прекрасна. Склоны ущелья покрыты густым пожелтевшим лесом. За некоторые деревья зацепились и повисли на них маленькие пухлые облака. Неширокой бирюзовой лентой свисает со скалы водопад. Видны белые брызги внизу, среди валунов. Скалы голубоваты, кое-где розовы. Ближние подступы к лощине яркие, зелены от зарослей необычайно высокой жесткой травы, которую приходится раздвигать на ходу плечами.

И среди этого ущелья, повсюду, докуда видит глаз в дождливый день, поднимаются матово-белые клубы пара. Создается впечатление огромного пожара, который только что погасили, залили водой, и теперь все дымится, парит округло и густо. Клубы пара колышутся, меняют очертания, шальным

порывом ветра отодвигаются в сторону, на миг открывая то зеленое пятно воды, то пузырящуюся, будто живую, поверхность какого-то темного месива — целебной грязи.

Внизу, там, где нет травы, желтеет ноздреватый голый камень, в котором то ли природой, то ли человеком выдолблены ямы.

Впервые о Киреунских источниках упомянул зоолог, палеонтолог и врач Венедикт Иванович Дыбовский, проживший, кстати сказать, 97 лет. За участие в польском восстании 1863 года его, в то время уже профессора зоологии в Варшаве, приговорили к пятнадцати годам каторги и сослали в Сибирь. По ходатайству прогрессивных русских ученых Дыбовскому разрешили заниматься наукой, и он исследовал озеро Байкал, а также фауну Дальнего Востока. Получив наконец разрешение вернуться на родину, в Минскую губернию, он, однако, поехал не домой, а на Камчатку и с 1879 года стал работать врачом в Петропавловске. Здесь и привлекли его внимание Киреуны. Об их целебных свойствах Дыбовский услышал от фельдшера Григорьева, работавшего неподалеку отсюда, в селе Кресты, и предложил назвать источники Григорьевскими.

Но детально их изучила лишь экспедиция Камчатского областного отдела здравоохранения в 1934 году. Она определила химический состав, дебит (три с половиной миллиона литров в сутки), площадь, занимаемую ключами, число грифонов (их оказалось более двухсот). Некоторые источники били со дна довольно глубоких, до шести метров, воронок, другие оказались послабее, третьи только сочились, образуя никогда не просыхающие лужи. Ученые выяснили, что в древние времена источники вели себя куда более активно, вверх взлетали фонтаны кипящей воды, и Киреунская долина ни в чем не уступала Долине гейзеров...

— Давайте купаться, — предлагает пилот. — Но только, чур, не больше пятнадцати минут! Знаю по собственному опыту...

Раздеваться не хочется — ветер, дождь, крупные, тяжелые капли его поднимают маленькие фонтанчики на спокойной поверхности воды. Но приехать на другой конец страны, добраться в конце концов до уникальных источников, к которым нет дороги, и не попробовать на себе, что они представляют, — это по крайней мере странно. А раз так, была не была!

Трава холодная, скользкая, но каменный чешуйчатый край ямы уже заметно нагрет. Трогаю воду ногой — приятная, теплая. Прыгаю в созданную природой ванну, неожиданно ухажу в воду с головой и тут же стремительно выскакиваю, едва

не ошпарившись: на глубине вода, как кипятки! Наверное, в этом месте бьет очень горячий ключ.

— Забыл предупредить вас,— пилот весело смеется.— Вот сюда плывите, здесь мелко и не обожжетесь. Холодная водичка откуда-то поступает.

Водичка поступает из ручья, чьи-то заботливые руки направили его сюда, ровно столько, сколько требуется... Удивительно приятно сидеть в этой экзотической ванне. Сверху льет дождь, свистит ветер, несется по долине, как по трубе. А в воде тепло, даже слой воздуха над ней нагрелся.

...Пилоты делают крюк, чтобы привезти меня в Ключи.

На заставу я прилетел вертолетом.

Застава стоит на берегу моря: несколько домиков, полигон, вышка, свой особый, всегда немного тревожный, напряженный мир. Время от времени сюда прилетает вертолет, привозит почту, а иногда конфеты или торт для двух маленьких дочек начальника заставы и старшины. С вышки открывается величественный вид на море, а если обернуться — то на покрытые лесом холмы. Холмов много, и они стоят так тесно, что касаются своими основаниями друг друга. Между ними петляет речушка, в которую заходят на нерест лососи. Наверное, можно было бы услышать, как она журчит на перекатах, но все заглушает мерное и глухое дыхание океанского прибоя.

По берегу ходит юноша с аккуратной бородкой, в очках и с двумя фотоаппаратами, подвешенными на груди крест-накрест. Виктор Кайстренко, младший научный сотрудник Сахалинского комплексного научно-исследовательского института. Он занимается вопросами цунами, а на берег, где стоит застава, в ноябре прошлого года набежала волна. Надо спросить очевидцев, посмотреть.

Вместе с начальником заставы круто спускаемся на берег, непривычно мрачный от совершенно черного песка. Сегодня нет шторма, нет бурунов вдали, только широкие привольные волны с шумом набегают на берег. Даже не верится, что эта ленивая вода может вдруг встать на дыбы и понестись, круша и сметая все на своем пути.

— Чем глубже океан, тем быстрее скорость волны цунами,— рассказывает Виктор,— сотни километров в час... Нет, цунами — это отнюдь не одна Япония, но и Камчатка и Курилы. Еще Крашенинников писал о «чрезвычайном наводнении» в 1737 году, о трехсаженной волне, которая «при отлиии столь далеко... забежала, что море видеть невозможно было».

В особо изрезанных местах побережья высота воды может достигнуть пятидесяти и более метров! Еще одна особенность этих волн — их неимоверная длина: расстояние от гребня до гребня достигает сотен и даже тысяч километров! Для таких гигантских волн нужен океанский простор, и не удивительно, что они способны проделывать огромный путь: возникнуть где-то в пучинах Тихого океана, а обрушиться на Курильские острова.

Ученые разных стран, и прежде всего Советского Союза, США и Японии, работают над тем, чтобы научиться предсказывать поведение цунами, оценивать вероятность наводнения на побережье, предвидеть последствия их разрушительного действия.

— Нет, у нас, к счастью, все обошлось. Вот, говорят, у соседа слева...

Летим к соседу слева. Начальник заставы показывает трещины в земле, на крутом берегу, а потом, угощая обедом, добродушно и неторопливо рассказывает о прошлогоднем цунами.

— В воскресенье это случилось, ноябрьским утром. Помню, дома как раз был, хозяйничал — растапливал печь. И вдруг эта самая печь возьми да и заходи ходуном. Жена мне кричит из коридора: «У меня что-то голова закружилась». Она еще не поняла, что это землетрясение. При втором толчке земля ушла из-под ног... Хотя мы все тут и привычны к разным сюрпризам, однако вижу, что дело серьезное. А тут и донесение поступило: в районе Командор сильный подводный толчок, ожидается цунами, примите необходимые меры. А от цунами какими мерами спасешься — удирай повыше и все. Поднял по тревоге личный состав, да на сопку, там и переждали...

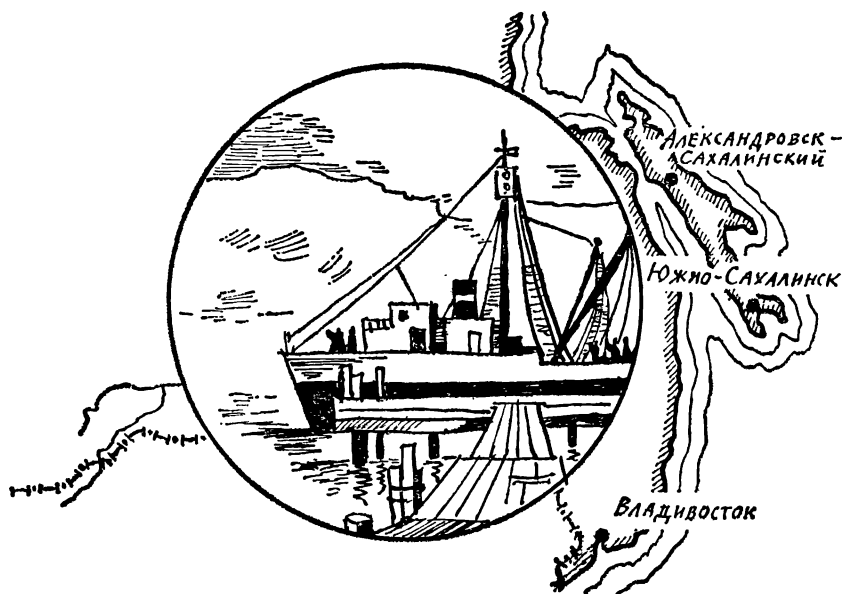
Начальник одной из метеостанций Михаил Яковлевич Учителев, отдавший Камчатке более трех десятилетий трудовой жизни, рассказывал мне о цунами 1952 года. В ту пору он работал на мысе Хадутка. Все началось тоже с землетрясения (впрочем, обычного для тех мест), в пять утра. Минут через сорок вдруг завyli ездовые собаки, привязанные возле землянки. Дежурный наблюдатель вышел, чтобы их успокоить, и тут увидел нечто страшное: на берег по океану, от края и до края, шла черная стена воды; после выяснилось, что ее высота была двенадцать метров. Послышался протяжный гул, задрожала земля... Все, кто в чем был, выскочили во двор и побежали без оглядки на бугор, благо недалеко было. Через минуту от метеостанции, от собак не осталось и следа.

Несколько часов полета, и вертолет выходит на реку Камчатку; некоторое время мы летим над ней, повторяя все ее голубые изгибы, но вдруг начинаем косо приближаться к земле и садимся на пологом, травянистом берегу.

— Хотите посмотреть на крест Атласова? — спрашивает пилот. — Пять минут в вашем распоряжении.

Крест стоит в самом устье какой-то впадающей в Камчатку речки. Он высокий, деревянный, с выжженными по всей перекладине словами: «1697 году июля 13 дня поставил сей крест пятидесятник Володимер Атласов с товарищи 55 человек». И ниже еще одна надпись: «Восстановлен в честь русского землепроходца, открывшего Камчатку — 19—9/VIII—59».

Вот оно, бережное, уважительное отношение к прошлому. Значит, подумалось мне, забвение, которому преданы Нижне-Камчатск или полярная станция возле Тикси, не правило, а досадное исключение. Крест воссоздали по описанию, сделанному Крашенинниковым, увидевшим его через сорок лет после Атласова, — отдали дань уважения отважному русскому человеку, который прошел всю Камчатку с севера до юга и остановился лишь тогда, когда дальше некуда было идти.

НА САМЫХ ДАЛЬНИХ ОСТРОВАХ

«Камчатский Ермак», как Пушкин назвал Атласова, сделал в 1697 году еще одно открытие. С камчатского мыса, получившего затем несколько странное название Лопатка, он увидел на юге землю. Это был вулкан Алаид, самый северный на Курильской гряде.

Я тоже вижу этот вулкан из кабины самолета, совершающего облет Курильских островов. Под нами Парамушир. Вулкан Алаид, извергавшийся в июле 1972 года, увеличил площадь острова на один квадратный километр, и на карте появились новый мыс — Пограничный и новый залив — Зевс. Внизу видны ровные квадраты Северо-Курильска. Город отстроен после того, как его смыло цунами. В то недоброе, страшное утро 5 ноября 1952 года вот так же, как мы сейчас, вот в этом же клочке неба летел над островом самолет, когда чудовищной силы волна накатилась на город, стоящий на берегу. Перепуганный пилот передал по радиации только одну фразу: «Северо-Курильск погружается в океан».

Все началось с землетрясения: разваливались печные трубы, выплескивалась из ведер вода. Океан оставался спокоен,

но все, кто был знаком с цунами, бросились в горы. Через сорок пять минут послышался страшный гул: это с океана шла на берег десятиметровой высоты стена воды. В несколько минут она смыла многие постройки и, отступив, на несколько сот метров обнажила дно пролива. За первой волной пришла вторая, еще более ужасная. Она выворотила из земли даже булыжник мостовой. Сорванные с фундаментов дома оказались за сотни метров от того места, где они стояли. Большую самоходную баржу бросило за два километра.

Поселок Васильево, возле которого мы делаем первую посадку, пострадал меньше; высота волны здесь достигала семи метров, но ее силу ослабили многочисленные рифы и отмели у берега. Сейчас они все в серой пене, то обнажаются, то снова скрываются под водой. Грозно рычит океан, грохочет перекачиваемая волнами галька. Пусто, холодно и голо вокруг, ни кустика, ни деревца, ни цветочка не пробивается сквозь эти камни. Вдалеке стоят полуразрушенные японские ангары, и в их ржавых металлических скелетах свистит ветер.

В августе 1945 года здесь шли жестокие бои. На Парамушире японских солдат было куда больше, чем наших десантников. Остров оцетинился многочисленными дотами, дзотами, артиллерийскими капонирами. И все же лишь двенадцать дней понадобилось советским войскам, чтобы освободить все тридцать шесть Курильских островов. Десантная операция, начавшаяся в ночь на 18 августа, была успешно закончена 30-го.

На карте Курильская гряда напоминает нитку бус, одним концом привязанную к Камчатке, а другим к японскому острову Хоккайдо. Эта нитка слегка провисает под тяжестью бус — островов и мелких бусинок — рифов, скал, утесов. Каменистые, неуютные, темные, они время от времени появляются в поле зрения и плавно уходят назад.

Летим низко над океаном. День сегодня хотя и ясный, но очень ветреный, холодный, и океан сердит. Длинные, пологие волны ходят по его зеленоватой поверхности всюду, до горизонта. Белеет пена, похожая на кусочки ваты. Пустынно: суда не любят приближаться к опасной гряде с бесчисленным множеством подводных и надводных рифов.

Небо под нами чистое, и все, что делается внизу, видно довольно хорошо. Остался позади Онекотан с действующим вулканом Немо. Пилот набирает высоту, чтобы показать кольцеобразное синее озеро в его кратере... Несколько скал среди океана кажутся безобидными, но именно здесь в 1805 году чуть было не потерпел крушение корабль Крузенштерна «На-

дежда», и мореплавателю назвал их Каменными ловушками. Прошли остров Райкоке, тоже, как полагается на Курилах, с вулканом, и тоже с действующим. Скоро должен показаться Матуа, где нам предстоит сделать очередную посадку. А вот и сам остров с вулканом посередине, который, впрочем, называется не вулканом, а пиком и носит имя русского гидрографа адмирала Г. А. Сарычева. Это, конечно, не Ключевская Сопка, «всего» полторы тысячи метров, но оттого что вулкан занимает почти весь остров, выглядит он величественно и грозно. Двугорбая вершина густо дымится, склоны черны, угрюмы, голы, если не считать редких пятен лишайников. Ни ручейка, ни деревца, ни водопада — одни угрюмые дикие скалы, через которые прорублены узенькие тропки. Их проложили пленные китайцы, которых по завершении работ самураи расстреляли, всех до единого. Пленные построили здесь артиллерийские капониры, аэродром, подземные склады, доты, ходы сообщения. В капонирах стояли крепостные русские орудия, вывезенные из Порт-Артура. На острове было триста шестьдесят дотов, пять тысяч японских солдат обороняли его. Не помогло...

Островок крохотный, пятьдесят два квадратных километра, скалистый, обрывистый с трех сторон и лишь с одной, юго-восточной, более пологий. Пилот у нас опытный, но и он приземляется лишь со второй попытки: мешает страшный ветер. Он воет, задыхается, прижимает траву к черной земле, швыряет в лицо мелкие камешки, песок, не дает возможности двигаться против себя, хоть ложись на землю и ползи.

— Тайфунчик! — коротко бросает пилот.

Нас, однако, встречают. Несколько человек бегут, подгоняемые этим самым тайфунчиком.

— Здравствуйте, товарищи! Почту привезли?

Оказии здесь случаются редко, невзначай. Подойдет осенью корабль, привезет продукты на целый год, запросит: «Женщины, которым зимой рожать, есть?» — заберет их, если есть, и до свидания!..

Метеостанция, сейсмостанция, маячок. Далекий, маленький, угрюмый островок, но он наш! Японцы еще ничего не знали о его существовании, когда сюда пришли первые русские люди. Было это в петровские времена. Позднее всю Большую Курильскую гряду снял на карту отряд Мартына Шпанберга, входивший в состав Второй Камчатской экспедиции Беринга. Северные и Средние Курилы исследовал Крузенштерн, Южные — Головин, которого японцы вероломно захватили в плен на острове Кунашир. Именно Головин закрепил на карте названия, которые дали островам населявшие их айны: Пара-

мушир, что означает «большой», Уруп («лосось»), Кунашир («черный остров»), Шикотан («лучшее место») ... Головин мог бы оставить старые русские названия, нанесенные еще на карту 1745 года, — Столбовой, Ольховый, Зеленый, Козел, Брат, Сестра, — но так не поступил, а восстановил имена, которые дали островам их коренные жители. В этом проявилось то уважение к аборигенам, которое неизменно отличало передовых русских исследователей.

Посетивший Матуа в середине XVIII века сотник Черный писал об этом острове: «На нем сопка, коя, по объявлению курильцев, в недавних годах преужасно горела, причем по всему острову разметало камня так, что и летающих птиц во многом числе оными убивало».

С тех пор вулкан свирепствовал семь раз. Последнее извержение, в ноябре 1946 года, было особенно сильным. Поток лавы достиг океана. Вся вершина вулкана на полкилометра вниз оказалась раскаленной, светилась от обилия падающих вулканических бомб. Подземные толчки сотрясали остров. В ужасе метались крысы, завезенные сюда еще японцами, чтобы кормить черно-бурых лисиц. На помощь островитянам пришли корабли, они стояли на рейде, а когда на поселок стали падать раскаленные камни, эвакуировали жителей. Немногочисленное население с тех пор не раз сменилось, но рассказы об извержении вулкана сменщики, как эстафету, передают друг другу.

Сурова природа острова. Даже солнце не может придать теплоту пейзажу. Одна ольха растет тут, да и то лишь по пояс человеку. Все, что поднимается выше, ссекает поднятый ураганом песок. Так и стоят заросли ольхи, будто нарочно подрезанные садовником.

Иду к океану. Самое время отлива, и на берегу валяются разные ракушки, зеленые, ошетилившиеся иголками морские ежи, пятиконечные морские звезды, скользкие, ярко-фиолетовые сверху и желтые снизу. И конечно же, разные бутылки, буи, доски, сети... А повыше, в траве, в брусничнике, красном от ягод, видимо-невидимо куликов. То и дело раздаются выстрелы. Это не теряет времени бортмеханик.

— Лосося тут, наверно, много? — спрашиваю наблюдателя с метеостанции.

— И не видим. Речки нет, вот и не заходит лосось.

— И воды пресной нет, — добавляет его товарищ. — В бочках возим. Пробовали рыть колодец, двадцать метров прорыли, а воды нет. Все один вулканический пепел, а разве он удержит воду!

— Землетрясением интересуетесь? — мой собеседник улыбается. — Раз в месяц регулярно, от трех до шести баллов. Ну а мелких — не в счет.

Да, нелегко жить на острове Матуа.

А люди все равно живут, работают, читают, слушают радио, стараются сделать жизнь интересной, содержательной.

Заходим в одну из квартир, пьем чай. Что ж, квартира как квартиры. Очень чисто. Хорошая мебель. Картины на стенах. Полка с книгами. Транзистор. Весело потрескивает в печке сухой плавник: дрова здесь доставляет океан. Позвякивает посуда в буфете от легоньких толчков земли. Шалит мальчик лет четырех.

— Вы знаете, на материке все время болел, а здесь вот уже год живем — и ни разу! — хозяин озорно улыбается. — Чтоб не сглазить...

Когда мы выходим из дому, холодный тайфун бушует по-прежнему. Но в лицо вдруг ударяет какая-то теплая, «чужая» струя. Это с нами прощается вулкан: с его парящей горячей вершины ветер швыряет нам немного тепла.

И снова океан. Снова внизу острова и островки, на этот раз прикрытые шапками кучевых облаков. Шапки надвинуты глубоко, по самые глаза, и видны лишь скалистые основания с обструганными краями. Теперь до самого Южно-Курильска не будет посадки, но самолет все равно летит строго над островами: на некоторые из них надо сбросить мешки с почтой. Вспоминается море Лаптевых, самолет ледовой разведки, морковного цвета вымпел, который зацепился за антенну ледокола. Месяца два прошло с того дня, а кажется, что миновала вечность, — столько новых, все время сменяющихся впечатлений...

Над островом Кетой летим очень низко, угрожающе быстро надвигаются отвесные скалы, глыбы огромных камней на берегу и кажущийся игрушечным белый домик. Возле него стоят три человека и, задрав кверху головы, машут руками. Через дверь, которую открыл штурман, врывается струя ледяного воздуха, и мешок с почтой летит вниз.

На Кунашире я прощаюсь с пилотами и записываю их адреса.

Темнеет по-южному быстро: как-никак, а широта Сочи. Сумерки уже бродят по летному полю, по маленькому одноэтажному поселку, но солнце еще бросает свои прощальные лучи на кривоплечий вулкан Менделеева. Пятна снега посреди его темно-зеленой шубы выделяются особенно рельефно.

До Южно-Курильска меня подвозят местные авиаторы:

идет грузовая машина со скамейками по бортам и фанерным козырьком по эту сторону кабины. Дорога сначала петляет лесом, корни деревьев прошили ее насквозь, и машину нещадно подбрасывает. Но вот водитель сворачивает к океану и выезжает на берег. Сейчас время отлива, и обнажившееся дно настолько твердо, что тяжелый грузовик почти не оставляет на нем следов.

— Курильский асфальт,— усмехается сидящий рядом ди-спетчер.

Скоро становится совсем темно, и водитель включает фары. Океан кажется пустынным и необитаемым. И вдруг, словно кто-то повернул выключатель, водная гладь озаряется огнями. С каждой минутой их становится все больше. На фоне черного неба и черного океана одно за другим как бы возникают из небытия суда — первое, второе, десятое, может быть, сотое... С их бортов гроздьями свешиваются горящие электрические люстры. Картина выглядит сказочной, неправдоподобной... Идет лов рыбы.

Грузовик довозит меня до небольшого деревянного домика гостиницы с домашними ставнями на окнах и крылечком, защищенным от дождя навесом. В коридоре за выдавшим виды письменным столом сидит худая пожилая женщина в косынке, с быстрыми глазами на загорелом до черноты лице, которое при моем появлении становится озабоченным.

— С приездом!.. Только где же мне вас поместить? — сходу произносит она, хотя я еще не сказал ни слова.

В коридоре вдоль стены стоят заправленные раскладушки, красноречиво свидетельствующие о том, что мест нет и, наверное, не будет.

— Да уж где-нибудь поместите,— запоздало отвечаю я.

— Разве что на моем диване, больше нигде,— говорит женщина, показывая рукой на старомодной диван с высокой спинкой и валиками.

Так я знакомлюсь с «хозяйкой острова», как ее здесь называют, а по должности — дежурной гостиницы Тамарой Константиновной Шалайкиной. Гостиница переполнена. Я заглядываю в книгу, куда записывают паспортные данные жильцов, и на одной неполной странице насчитываю представителей девяти ближних и дальних городов.

Ночью сплю плохо. Коридор, где стоит диван, наполнен дыханием утомившихся за день людей. На улице хлещет дождь, под ветром мотается туда-сюда и скрипит калитка в заборе напротив. С рассвета к этим звукам прибавляется карканье воронов. В окно видно, как они сидят на верхушке голого топо-

ля, чистят перья и переговариваются противными гортанными голосами.

— Что, не спится с непривычки? — спрашивает Тамара Константиновна, должно быть заметив, что я без конца ворочаюсь. — Ничего, поживете с недельку, привыкнете.

— Я на три дня приехал.

— Самолета, однако, не будет. Через неделю первый самолет полетит... Тайфунчик начался.

Дует действительно изрядно. Холодный дождь с тяжелыми, крупными каплями слепит глаза, когда я иду по длинной улице Третьего сентября, очевидно главной в Южно-Курильске. Она застроена одноэтажными деревянными домами и прижата к океану. С заборов, сделанных из рыболовных сетей, медленно стекают крупные капли. Залиты водой борозды между грядами на огородах.

На главной улице нет новых домов, а крыши старых обвязаны тросами, чтоб не снес ветер. Поселок строится в цунамибезопасной зоне, высоко наверху. Крутые деревянные лестницы ведут на голую сопку; оттуда, не сходя с места, можно увидеть и Тихий океан, и Охотское море.

Сворачиваю в первый попавшийся переулок и выхожу на берег. В разгаре прилив, и «курильский асфальт», по которому мы вчера мчались на машине, залит водой. На берегу стоят в воде старые, ржавые шхуны, лодки. Мимо проходит суденышко с черными, сплюсненными колоколами кальмаров, устилающих палубу. Трактор, натужно ревя, тащит по песку в море плашкоут...

В гостинице, куда я возвращаюсь, хорошенько продрогнув, тепло, топится плита на кухне и пахнет жареными грибами.

— Да не грибами, кальмаром, — улыбается Тамара Константиновна. — Это я вам приготовила.

На сковороде лежит нечто цветом и формой похожее на лапшу; рядом тряпками валяются черные пучеглазые кальмары — их еще не успели очистить.

— Ешьте, вкусно ведь, — уговаривает Тамара Константиновна.

...Дождь льет три дня и три ночи подряд, а на четвертый день стихает. Ветер дует с прежней силой, все так же вздрагивает под его ударами здание гостиницы, скрипит калитка напротив, но в разрывах туч все чаще проглядывает солнце, и я решаюсь добраться до знаменитого на Кунашире места, которое называется Горячий пляж.

— Провожатого с собой возьмите, а то заблудитесь, — заботится Тамара Константиновна и тут же, выглянув в окош-

ко, кричит кому-то на улице: — Петя! Сходишь с товарищем на Горячий пляж!

Пете лет тринадцать на вид, он веснушчат, вихраст, худ и, как вскоре выясняется, сам собирался туда же, намереваясь сварить в кипящем источнике краба, конечно, если удастся его поймать.

Тропка идет вдоль бледно-зеленых зарослей молодого бамбука. Его тонкие узловатые прутья сплелись между собой так густо, что стали непреодолимым препятствием даже для медведей. Двести растений на квадратном метре! Плотная, упругая стена так высока, что я не могу дотянуться рукой до ее верхнего края. Затем начинается царство гигантских лопухов, тоже выше человеческого роста, с метровой ширины листьями, красиво просвечивающими на солнце.

Но вот дорожка уходит вверх, на сопку, заросли бамбука и лопухи остаются внизу, и мы попадаем под власть кунаширского леса. Издали он кажется черным, но стоит чуть углубиться в него, как поражаешься огромному разнообразию красок.

Вот стоит, широко раскинув ветви, великолепный куст шиповника с очень крупными оранжевыми ягодами. Жительницу Крайнего Севера, лиственницу, обвивает фиолетовая толстая лиана. Дно ручья устлано ярко-красной крупной галькой. Тут же пятном на обнаженном клочке скалы распластался натек серы чистейшего бледно-лимонного цвета.

— Магнолия, — объясняет мой юный спутник, останавливаясь возле высокого дерева с мясистыми глянцевыми листьями.

Да, южная, вечнозеленая магнолия рядом с елью, лиственницей, пихтой. Где еще увидишь такое странное, противоестественное соседство!

На Кунашире вообще многое необыкновенно, непривычно. Черные бабочки махаоны величиной с летучую мышь. Кошки без хвоста, более похожие на рысь, чем на своих сестер с материка. Гортензия, которая у нас растет в цветочных горшочках, а здесь обвивает деревья от корня и до вершины. Грибы со шляпками диаметром в двадцать сантиметров.

— Осторожно! — прерывает мои размышления Петя. — Ипритка, смотрите не дотроньтесь... — он показывает на опаленный осенью стелющийся кустарник.

Это — сумах, метко прозванный на Курилах иприткой. Я привык его встречать на Кавказе, в Крыму, там он в большинстве безвреден, а здесь ядовит. Стоит прикоснуться к нему, как через сутки-двое начнется сильный зуд и на коже вскочат болезненные красные пузыри.

Подъем в некоторых местах крут, я сажусь на ствол поваленного дерева перевести дух и прислушиваюсь. К шуму леса присоединяется какой-то посторонний шум, он то затихает, то усиливается. Наверное, это шумит океан.

Так оно и есть. Редет лес, с горюшки открывается величественный вид на безграничный водный простор и широкий песчаный берег.

Я, конечно, предупрежден, знаю, что увижу здесь, и все равно открывшаяся панорама поражает своей нереальностью. Весь огромный пляж дышит, словно живой. Какая-то таинственная сила то тут, то там вздымает песок, он лениво шевелится, образуя круглую воронку, и из этой воронки начинает бить струя воды. Через некоторое время она уходит в свое раскаленное вулканом подземелье, чтобы спустя минуту-другую снова вырваться наружу. И так все время. Трогаю песок, он, понятно, тоже теплый, даже горячий, если копнуть глубже.

Между фонтанами воды на этом живом, шевелящемся берегу торчат обрубки стальных труб — буровых скважин. К одной из них подходит молодая женщина с блокнотом в руке, поворачивает вентиль, и в тот же миг воздух вокруг буровой становится белесым от облака пара, который с гулом вырывается из трубы. Через несколько минут мы знакомимся, и техник-гидролог Наталья Поселенова рассказывает о своей гидрологической партии, которая пробурила на Горячем пляже тридцать шесть скважин и теперь следит за их режимом. Решается вопрос о строительстве второй в стране геотермальной электростанции. Первая построена на юге Камчатки. Кунашир — еще одно место, где люди хотят заставить работать даровое тепло земли.

Поздним вечером природа удостаивает меня удивительным и редким зрелищем, которое можно увидеть только вблизи Курильских островов. На фоне черного неба, над океаном вдруг возникает светящийся столб. Становится отчетливо видно облако, будто его подсветили прожекторным лучом. Это так называемый курильский свет, который, как выяснили ученые, возникает в результате взаимодействия вулканического тепла с частицами водяного пара. Вскоре свет гаснет, и в разрывах облаков опять показываются крупные, обмытые дождями звезды.

...Тамара Константиновна оказалась права: самолеты не летают всю неделю. За это время она сжилась с постояльцами, успела у каждого расспросить, откуда он родом, чем занимается, по какому делу приехал в Южно-Курильск, и в меру сил

старается помочь им. Старенький телефонный аппарат работает с полной нагрузкой.

— Директора мне... Василий Иванович? Здравствуй, дорогой. Это Тамара Константиновна. Тут у меня живет один мальчик, жалуется на тебя. Ну отпусти ты ему, пожалуйста, что он просит. Нет наряда, говоришь? Будет наряд, как только самолеты пойдут...

Через минуту она звонит в райком комсомола.

— Валерий, это ты? Тамара Константиновна. Послушай, голубчик, помоги ты этой девахе перевестись на другую работу. Ты знаешь, о ком я прошу.

Кому-то она пытается достать икры («Хоть три баночки»), кому-то билет на ближайший пароход («Две недели сидит человек, сколько ж можно!»).

Через день доходит очередь и до меня.

— Аэропорт? — кричит в трубку Тамара Константиновна. — Девочки, когда вы летать начнете? Ну не вы, самолеты когда летать начнут? Завтра, говоришь? Так вот, имей в виду, тут надо одного хорошего товарища на Сахалин отправить. — Она еще что-то устроивает, за кого-то хлопчет и, закончив разговор, победоносно смотрит на меня: — Завтра обещают один борт до Александровска. Полетите?

Разным исследователям Сахалин своей формой что-нибудь напоминал. Например, Чехов сравнивал его со стерлядью. Зоологу А. М. Никольскому почудилось, что остров имеет вид суковатой дубинки, положенной прямо на меридиан. Эту дубинку во всю ее длину природа расщепила на две половины, различные по своему виду: одна как бы выстрогана из тундры, голая и безлесная, другая — из таежной области Сибири.

Мы подлетаем к той половине, которая «выстрогана» из леса. Ветка теплого течения Куроиси обогревает эту западную часть Сахалина, оттого она и покрыта лесом.

У входа в Александровскую гавань стоят, насупившись, Три Брата, похожие на Трех Братьев, стерегущих вход в Авачинскую бухту. Так же сердятся возле них буруны, так же угрюмы эти три черные скалы. На них 10 июля 1890 года смотрел с палубы парохода «Байкал» Антон Павлович Чехов, и они напоминали ему знакомых по Крыму Трех Монахов.

В Александровске я первым делом ищу музей Чехова. Он на тихой улице его имени — небольшой одноэтажный дом на четыре окна, с дверью под козырьком. Здесь останавливался Чехов. В музее — прижизненное издание книги «Остров Саха-

лин», несколько личных вещей писателя, серия линогравюр его племянника С. М. Чехова. Тишина...

О Сахалине в России в ту пору знали мало, разве что по неселой песне «Бежал бродяга с Сахалина». С ней перекликались выстрадавшие, как и эта песня, слова Чехова: «...кажется, что будь я каторжником, то бежал бы отсюда непременно, несмотря ни на что...»

Много воды утекло с тех пор. На месте печально знаменитой александровской каторжной тюрьмы построен стадион, и сейчас на нем тренируются бегуны и волейболисты. В Александровске — бывшем Александровском посту, где находился центр царской сахалинской каторги, — живет сто тысяч человек. Это хорошо спланированный город с большой квадратной площадью в центре, березами и тополями, так украшающими его широкие улицы, и базаром, на котором в дополнение к рыбным деликатесам продают липкие от смолы кедровые шишки.

До 1947 года Александровск был центром Сахалинской области, а до этого Сахалинского округа, и я разыскиваю здание, где помещался окружком партии. Тут у меня свои «личные» интересы. Секретарем окружкома здесь работал человек, который навсегда связал для меня Сахалин с моим родным брянским краем. Речь идет о Николае Ивановиче Иванове, в 1918 году руководителе Унечской организации РКП(б). Это он вместе с комдивом Николаем Щорсом подписал и послал из Унечи приветственную телеграмму Ленину и получил на свое имя ответ от Владимира Ильича.

История заселения русскими Сахалина началась в 1805 году, когда экспедиция под начальством И. Ф. Крузенштерна водрузила на берегу залива Анива русский флаг в знак присоединения острова к России. Через полвека Геннадий Иванович Невельской исправил географическую ошибку, доказав, что Сахалин не полуостров, как думали Лаперуз и Крузенштерн, а остров, и поднял на Сахалине русский флаг. Свое открытие он сделал на собственный страх и риск, нарушив инструкцию не заходить в Амурский лиман. За это министерство внутренних дел и Главный штаб потребовали разжаловать Невельского, но Николай I решил иначе — назвал его поступок молодецким, добавив при этом: «Где раз поднят русский флаг, он уже опускаться не должен».

Открытие Невельского долго оставалось неизвестным иностранцам. Ни «просвещенная Европа», ни соседняя Япония не подозревали о существовании пролива между Сахалином и материком. Это сослужило хорошую службу русскому флоту.

Под конец Крымской войны соединенная англо-французская эскадра, оскандалившаяся у Петропавловска, решила взять реванш. Она вошла с юга в Татарский пролив, рассчитывая, что найдет там наши военные суда и, пользуясь численным преимуществом, потопит их. Каково же было удивление французских и английских адмиралов, когда никаких русских судов в проливе не оказалось! Воспользовавшись открытием Невельского, они благополучно прошли к устью Амура.

...Из Александровска я уезжаю ранним утром. Ночью выпал снежок, припорошил дорогу, крыши и последние листья на деревьях. Не очень вместительный, переполненный автобус везет меня в Тымовское, где находится ближайшая железнодорожная станция. Дорога узкая, трудная, и автобус прижимается к обочине на разминовках, чтобы пропустить встречные машины с углем. Из окна видны копры шахт, они возвышаются над тростниковыми — камышовыми по-местному — зарослями, такими же густыми и непролазными, как и на Кунашире. Дорога становится все круче, и в глаза бросается грозный, предупреждающий об опасности плакат: «Водитель! Впереди Камышевский перевал». Автобус, ревя всем своим металлическим нутром, медленно ползет вверх, крутыми петлями.

Станция Тымовское еще недавно была конечной. Затем дорогу продлили к северу до Альбы и дальше к Ногликам. Этот районный центр уже давно был связан с нефтяной Охой узкоколейкой; теперь через весь остров проходит почти тысячекилометровая Транссахалинская магистраль Оха — Корсаков.

Железные дороги на Южном Сахалине строили японцы, и их колея не совпадает с нашей, она почти на полметра уже. Уже, понятно, и вагон, в который я сажусь на станции Тымовское, он весь какой-то миниатюрный и, прямо скажем, не очень удобный.

Я стою у окна в узеньком — трудно разминуться двоим — коридоре купированного вагона и смотрю, как бегут мимо голые деревья и проплывают покрытые хвойным лесом горы, зубчатые гребни Западного хребта, быстрые речки с гулкими мостами, совхозные, уже убранные, пустые поля. Здесь в долине реки Тыми, защищенной высокими горами от северных ветров, лежат самые плодородные земли Сахалина.

Иногда попадают поникие дремучие заросли медвежьей дудки с тряпками вялых листьев. В детстве у себя на родине я делал из этого растения «водомер» или «духовое ружье»,

чтобы невзначай облить товарища водой или выстрелить горошиной. Здешняя медвежья дудка похожа скорее на дерево, чем на траву, в ней может скрыться всадник на лошади. Такой она вырастает всего за две недели июня. Здесь вообще все растения большие. Горох, взбираясь по палке, поднимается до высоты человека. В два человеческих роста вымахивает сахалинская гречиха. Ягоды поленики — «северного ананаса» — достигают размера малины...

Поезд приближается к пятидесятой параллели, в течение сорока лет делившей Сахалин на две части — нашу и оккупированную Японией. Еще остались следы широкой просеки в лесу, перерезавшей остров, за ней снова начинается лес, где сорок лет не ступала нога русского человека. Охрану границы несла здесь 79-я стрелковая дивизия генерала Батунова. 11 августа 1945 года наши войска перешли в наступление. По пояс в болотной воде, продираясь через лесные чащобы, с боями продвигались они вперед. Шли по азимуту. Одной из первых была взята станция Котон, впоследствии переименованная в Победино.

Поезд стоит на ней с минуту, и я успеваю рассмотреть лишь чистенькое здание вокзала, деревянные домики поселка вдаль, железнодорожный состав с лесом. Встречные составы стоят на каждой станции — с тем же лесом — кругляком или пиловочником, с нефтью, с углем, с огромными рулонами бумаги, с рыбой в изотермических вагонах.

О каменном угле узнал еще сподвижник Невельского Орлов, увидев на одежде знакомого нивха пуговицы, сделанные из этого «черного камня». Два месяца спустя участник той же экспедиции Невельского лейтенант Бошняк обследовал на мысе Дуэ обнаженные пласты каменного угля. Местные жители кроме пуговиц вытачивали из него своих божков. В 1853 году здесь была заложена первая угольная шахта.

За открытием угля последовало открытие нефти. В 1879 году в пост Николаевский-на-Амуре якут Павлов привез с Сахалина бутылку «керосин-воды», которая в районе Охи текла поверх обычной, речной. Сахалинская нефть сыграла большую роль в годы Великой Отечественной войны, когда был проложен через Татарский пролив нефтепровод Оха — Комсомольск-на-Амуре. Его строительство описано в романе В. Ажаева «Далеко от Москвы». К нефти добавился природный газ, поисками которого успешно занимаются работники ВНИГРИ. Были разведаны руды редких и цветных металлов, минеральные источники, целебные грязи...

У Поронайска железная дорога наконец подходит к морю,

точнее к заливу Терпения, название которому в 1643 году дал голландский мореплаватель Фриз; из-за непогоды ему пришлось, набравшись терпения, долго стоять в этих местах.

Город Поронайск вырос из маленького Тихменевского поста, где до революции трижды в году устраивались большие ярмарки, на которые съезжались жители — с севера эвены и нивхи, с юга — айны. Теперь город известен не ярмаркой, а рыболомбинатом, бумагой, которая поступает не только в наши города, но и идет за рубеж — в Индию, Кубу, ГДР; лесной гаванью, куда сплавщики приводят плоты по реке Поронай («большой реке» в переводе с языка айнов); шкурками цветных норок и морским портом, в котором сейчас стоят и наши и иностранные суда; они видны из окна вагона.

Теперь чуть ли не до самого Южно-Сахалинска можно будет любоваться морем. Освещенное неожиданно выглянувшим солнцем, оно кажется очень синим. Ленивые волны, набегая на отлогий песчаный берег, шевелят длинные темно-бурые плети морской капусты. Последние годы эта водоросль усиленно пропагандируется как весьма полезный продукт, содержащий чуть ли не все элементы таблицы Менделеева и разные нужные минеральные вещества, однако продвигается к потребителю довольно слабо. В Александровске я был свидетелем, как некий приезжий попросил в ресторане на закуску салат «сахалинский», как известно, приготовленный именно из этого «продукта моря». «Я заказывал салат, а не эту траву!» — слышался вскоре его возмущенный возглас. Но польза от морской капусты, конечно, большая, и сейчас ее не только собирают в море, но и специально выращивают на берегу Анивского залива в городе Корсакове: берут обычные веревки и на несколько часов укладывают их в лодки вместе с только что выловленной морской капустой со зрелыми спорами. Потом эти веревки развешивают в море между натянутыми тросами. Огород посажен.

...Где-то за горизонтом затерялся крохотный заповедный островок Тюлений, плоская каменная глыба столь ничтожных размеров, что на картах ее обозначают условной точкой. Но эта точка есть на всех картах мира. На острове длиной пятьсот и шириной сто метров живут десятки тысяч котиков. Впрочем, сейчас площадь острова несколько прибавилась: инженеры в содружестве с учеными изменили направление волн, чтобы намыть песчаный пляж для лежбища. Его площадь увеличилась вдвое, и вдвое увеличился приплод.

Покой котиков здесь тщательно оберегают. Только в тридцати милях от островка разрешен рыбный промысел. Над ост-

ровом не летают самолеты, а проплывающие мимо суда не дают гудков.

В последние годы эта маленькая частица сахалинской земли стала научной лабораторией ученых. Работающие здесь сотрудники Сахалинского отделения ТИНРО установили удивительную закономерность: в судьбе котиков заметную роль играют дни летнего солнцестояния — с 20 по 23 июня. В эти четыре дня наблюдается массовый приход котиков (каким-то особым, пока неизвестным науке чутьем находят они сюда дорогу). В эти дни секачи обзаводятся гаремом, а самки — потомством...

Может быть, мне сойти на ближайшей станции и попробовать добраться до заповедного острова? Но стоит ли? На дворе осень, и котики, должно быть, уже покинули лежбища до следующего летнего солнцестояния.

Короткая остановка в Арсеньевке, на перешейке Поясок, самом узком месте острова, всего двадцать семь километров от края и до края. Через этот «поясок» несколько лет назад построили железную дорогу, чтобы еще одной стальной нитью соединить оба берега.

После станции с энергичным названием Ай поезд сворачивает в глубь острова, и вот уже видны дымящие трубы Долинского целлюлозно-бумажного комбината. В нескольких километрах отсюда — Стародубское, в которое я обязательно съезжу. К этому селу у меня особый интерес: на том месте много лет назад, когда русские люди только обживали Сахалин, обосновались мои земляки из древнего моего Стародуба...

И наконец, главный город области, цель пути, конечная остановка поезда.

Самые точные сведения о городе — куда пойти, что посмотреть или купить — можно получить в гостинице от дежурной по этажу, или горничной, или просто тети Маши, которая приехала в Южно-Сахалинск чуть ли не вместе с нашими войсками, давно обжилась, привыкла к климату, к кальмарам и морской капусте, к океану и ветру со странным названием «муссон». Она уже давно говорит «наш остров», «наш город», «наша река». Но вот я завожу разговор и спрашиваю, откуда она родом, из каких мест приехала, и вижу, как сразу грустнеют ее выцветшие глаза и становится тише голос.

— С Лисок мы. Може, слышали? Теперь, правда, по-иному зовется — Георгиу-Деж.

— Слышал, тетя Маша. И даже бывал в вашем городе.

— Да ну!.. — она сразу оживляется и начинает суетить-

ся. — Да вы садитесь, в ногах правды нет... И давно вы в Лисках-то были? Что там теперь? Ежели вы на базар за яблоками ходили, так я рядом жила...

В гостинице, где я остановился, есть своя «тетя Маша». От нее я узнаю, что мне обязательно надо сходить на турбазу «Горный воздух», чтобы оттуда поглядеть на город «свысока». Затем посетить парк культуры и отдыха, куда ее младшая дочка каждую субботу бежит на танцы, затем — городской музей и вообще «помотаться» по улицам (авось что-нибудь интересное и увижу).

Название «Горный воздух» заставляет вспомнить Кисловодск, и я ищу, нет ли чего общего между кисловодским пейзажем и этим. Общего мало, может быть, сам воздух, прозрачный, легкий, который хочется пить маленькими глотками. Дорога полого поднимается в гору, вьется между стоящими по сторонам ровными, как бы выверенными по отвесу, деревьями. Лес, лес. Здесь гораздо теплее, чем в Александровске, и желтая листва опала лишь наполовину. Двухэтажные разноцветные домики турбазы красиво вписаны в картину, открывшуюся с высоты. Видны большой и малый лыжные трамплины, считающиеся лучшими на всем Дальнем Востоке. На соревнования сюда приезжают спортсмены многих городов страны и даже из Японии... Вдали по склону горы змейкой тянутся туристы в тренировочных костюмах. Они идут в сторону пика Чехова, возвышающегося над горной цепью, с востока подступающей к Южно-Сахалинску.

Город отсюда как на ладони. Я навожу фотоаппарат, и в окошечке визира помещается только один из микрорайонов — поднимающиеся друг за другом в гору четырехэтажные дома. На минуту теряешь представление о том, какой перед тобой город — Орел или Воронеж, Красноярск или Нижний Тагил. Но стоит отвести взгляд от визира, как иллюзия похожести исчезает и пейзаж снова приобретает неповторимость. Да, это Южно-Сахалинск с его то рыжими, то зелеными, то лиловатыми далями, с каменными гребнями гор неповторимого рисунка, и его нельзя спутать ни с каким другим городом, как нельзя ни с чем спутать точно такие же строения, скажем, Петропавловска, по той простой причине, что они видны на фоне заснеженных вулканов.

Я снова смотрю на город в объектив, и мне кажется, что среди новых строений я различаю несколько старых; одно из них похоже на пагоду с загнутыми кверху краями крыши. Это музей.

Старый дом японской архитектуры стерегут два каменных

чудовища у входа. Во дворе стоит нацеленная в небо осадная пушка, отлитая русскими мастерами в 1875 году. За домом небольшой, уютный дендрарий со множеством чисто сахалинских и курильских растений.

Я задерживаюсь в зале, рассказывающем о таинственном племени тончей. В витрине лежат костяные орнаментированные пластины, хорошо отшлифованные топоры, наконечники стрел и обожженные глиняные горшки. Все это было сделано сорок столетий назад бесследно исчезнувшими с Сахалина «малорослыми людьми» — тончами. Известны и другие названия этого племени: «люди, живущие в землянках», «люди, покрывающие свое жилище лопухами» и «люди, делающие глиняные горшки».

Легенды об этом племени со слов аборигенов острова — нивхов и айнов записали русские исследователи Сахалина — зоолог Поляков, геолог Лопатин, врач Кириллов, политический ссыльный Штернберг, и было это в прошлом веке. О том, куда исчезли тончи, легенды умалчивали. Завеса таинственности приоткрылась лишь в наши дни. На Сахалине работал археологический отряд, возглавляемый Р. В. Козыревой, которая, основываясь на данных раскопок, объяснила исчезновение тончей тем, что часть их сроднилась с айнами, а остальные переселились на Алеутские острова. Очевидно, они были хорошими мореходами; по крайней мере достоверно доказано, что тончи жили на Курилах и на японском острове Хоккайдо. А раз так, то, пользуясь течениями, они могли доплыть и до Алеутских островов.

На Сахалине и Курилах они обосновались задолго до айнов, которые, пока не были получены достоверные сведения о тончах, считались древнейшими жителями этих мест. Русские впервые встретились с айнами в 1806 году, когда лейтенант флота Хвостов высадил с фрегата «Юнона» на берег Анивского залива пять матросов. Это были первые русские поселенцы острова.

Между айнами и русскими сразу же установились добрые отношения, прерванные лишь захватом японцами Южного Сахалина и Курил. Возможно, что этому способствовал облик айнов: они очень напоминали русских крестьян — широкоплечие, плотные, хорошо сложенные, с окладистыми бородами. Айны с готовностью принимали русское подданство и русскую веру. Еще в 1749 году специально для айнов была открыта русская школа на острове Шумшу.

Крашенинников писал об айнах: «...они несравненно учтивее других народов, и притом постоянны, праводушны, че-

столюбивы и кротки. Говорят тихо, не перебивая друг у друга речи... Старых людей имеют в великом почтении. Между собой живут весьма любовно...»

Судьба айнов трагична. Некогда сильный, свободолюбивый и многочисленный народ, много столетий воевавший с японскими колонизаторами, по сути дела был уничтожен ими. Осталось в живых немного.

...Центр Южно-Сахалинска выглядит нарядно. На площади Победы — мемориальный комплекс, посвященный тридцатилетию разгрома милитаристской Японии: танк и артиллерийские орудия, участвовавшие в освобождении города. Очень много зелени, на клумбах догорают последние осенние цветы, алеют ярко-красные кисти рябин.

А утром я сажусь в автобус и уезжаю в Стародубское.

Откуда они, эти люди, кто выстроил и обжил деревянные, аккуратные домики с садами, заборами, скворечнями и уже бесполезными пугалами на пустых грядках? Кто живет на этой длинной улице, тянущейся вдоль берега моря? Есть ли среди них мои земляки? Пожалуй, едва ли. Приехавшие на Сахалин после войны новоселы из Брянской области обосновались в другом, Анивском районе и, долго не раздумывая, одно из сел назвали Брянским. Стародубское получило свое имя давно, и после освобождения Южного Сахалина лишь восстановило его. Да и в этой улице я не вижу ничего общего ни с одним из стародубских сел, тех, что в десяти тысячах километров отсюда, — с бревенчатыми избами, скрипучим колодцем-журавлем, мальвами и буйно цветущим «золотым шаром» в палисадниках. Все отошло в историю, осталось в ней, и я лишь могу представить, как в конце прошлого века ехали сюда переселенцы; как выли бабы, покидая свои родные стародубские края; как собирали свой убогий скarb и привязывали коров к телегам; как двигались через всю Россию крестьянские обозы; как потом у Владивостока все это грузили на пароход или баржу и везли сюда, на незнакомый, казавшийся страшным остров...

Теперешние переселенцы не гнали за собой коров и ехали не на телегах, а, получив подъемные, садились в поезд. И не голод гнал их на «вольные земли», как в прошлом веке, а от века присущее русским людям чувство поиска, желание узнать, а что же там, за поворотом. И конечно, долг, обязанность перед страной: надо же кому-то обживать новый край.

Стучусь в первый приглянувшийся дом, захожу в комнату и прошу дать напиток. Просьба моя несколько странна, потому что неподалеку есть столовая, есть киоск и магазин, где

продают газировку, но открывшая мне старая женщина не удивляется и приносит наполненный водой деревянный, раскрашенный ковшик. Наверное, она из села, наверное, привыкла, что вот так запросто могут постучаться к ней в избу и попросить воды.

— Ковшик, должно быть, из родных мест привезли? — спрашиваю, чтобы завязать разговор.

— Так, милочка, так, с родных.

— Издалека сами?

— Ох издалека, милочка. С Горьковской области мы.

— Да, далековато, — соглашаюсь я. — А не скажете ли, почему ваше село Стародубским называется?

— Откуда ж мне знать, милочка. Старая я...

У хозяйки узнаю, что в Стародубском есть небольшой морской причал, база на берегу залива Терпения.

База оказывается заводом, который выпускает консервы и еще «волшебную муку» из небольшого и невзрачного на вид моллюска с красивым именем «леда». Этого моллюска полно в заливе, никто его до сих пор не ловил, потому что не знали, на что он годен. А недавно додумались. Если эту леду высушить и размолоть, то получится отличный корм для домашних птиц.

Наконец наступает пора прощания. Мое затянувшееся путешествие приближается к концу. Завтра я сяду в поезд, который из Южно-Сахалинска без пересадки довезет меня до Москвы. Через Холмск. Через Татарский пролив. Через Комсомольск-на-Амуре и дальше, через сотни станций и разъездов Великого Сибирского пути...

Да, пора и честь знать. С грустью прощаюсь я с главным городом области на островах. С прелым запахом опавшей листвы, с рябинами, на которых остались лишь спелые ягоды, а листья уже облетели, с горбатыми мостиками парков, с выставленными в витринах куколками в национальной одежде нивхов и изделиями из раковин морского гребешка, с тетей Машей...

На вокзале, как и на всех вокзалах мира, суматошно, грустно и весело одновременно. Уезжает, окруженная провожающими, большая семья, должно быть, навсегда покидает Сахалин, судя по обилию вещей. Кто-то отправляется в отпуск — со своего обманчивого юга на юг «настоящий», кавказский, к теплу и пальмам.

...Часа через два будет Холмск, последний город, который я увижу на Сахалине. Там я и попрощаюсь с островом. А пока

под колеса бросаются бездонные ущелья, скалы, мосты, виадуки. Закругления настолько круты, что кажется, будто поезд только чудом не сходит с рельсов. В окно страшно смотреть. Кажется, еще секунда — и поезд со всего маха врежется в скалу, но вместо этого он влетает в черную дыру тоннеля, на полном ходу проскакивает его, чтобы через считанные минуты ворваться в новый тоннель. На тепловозные гудки огрызается гулкое эхо, рассыпается по горам и возвращается к поезду, к вагонам, к пассажирам, припавшим к окнам, из которых можно увидеть и хвост и голову поезда одновременно. Спустившись к мосту, прозванному Чертовым, он тут же начинает подъем и, сделав стремительную петлю, опять устремляется к тому самому мосту, чтобы промчаться уже под ним.

И вот виден Холмск, обращенный лицом к морю, к шумному морскому порту, заставленному судами, котлован строящегося ковша для рыболовного флота, бетонные, в виде треугольных пирамид, глыбы у берега и наконец паромный причал с захватом для кормовой части парома.

Паром из Ванинского порта только что подошел. Лязгает стальными защелками опущенный причальный мост, матросы снимают стяжки креплений, убирают чугунные башмаки из-под колес, и поезд медленно выезжает на твердую землю. Для него уже закончилось плавание через Татарский пролив, двести семьдесят пять километров водной дороги остались за кормой.

Точно по расписанию дизель-электроход, он же паром «Сахалин-3», отваливает от берега. Впереди добрая неделя дороги, купе, незнакомые попутчики, которые, как сказала проводница, подсядут в Советской Гавани. Конечно, куда проще было сесть в Южно-Сахалинске на самолет и через десять часов приземлиться в Москве. Но я устоял от соблазна. Мною овладело желание, какое испытал в свое время Иван Александрович Гончаров, возвращавшийся из кругосветного путешествия на фрегате «Паллада». Он записал в своем дневнике: «...путешествие идет к концу; чувствую потребность от дальнего плавания полечиться — берегом... мне лежит путь через Сибирь, путь широкий, безопасный, удобный, но долгий, долгий! И притом Сибирь гостеприимна, Сибирь замечательна: можно ли ее проехать на курьерских, зажав глаза и уши?»

У меня есть время, чтобы и смотреть, не «зажав глаза и уши», и подвести первые итоги, вспомнить, что видел, с кем на какое-то недолгое время свела судьба, и поблагодарить либо посетовать на нее за это.

Далеко не всю страну, а только ее северный фасад да боковую, восточную стену нашего огромного дома довелось мне увидеть и бегло познакомиться с ними.

Почти четыре месяца дули мне в спину попутные ветры. Иногда они заносили меня в сторону от намеченного пути, но я благодарен им за это — больше удавалось посмотреть.

Что запомнилось мне из увиденного всего более? Трудно ответить сразу, но, не откладывая ответа на потом, можно сказать, что больше всего, пожалуй, — неприметные с виду поселки и неприметные с виду люди, которые, не куражась и не хвалясь по-пустому, несли нелегкую ношу трудной северной жизни. Обживали неимоверной величины край, делали его ближе к «материку».

Где-то на юге страны, в Грузии ли, в Туркмении ли, еще палит солнце, а в Арктике, должно быть, валит снег и первый мороз сковывает ледяным глянцем одинокие тундровые озера. Идет бесконечный дождь на Курилах, холодный туман окутывает дымящуюся Камчатку. Все ниже опускается ртутный столбик в термометре, ввешенном на одной из улиц Норильска. Жители Тикси вставляют в квартирах третьи рамы. Валит с ног южак в Певеке. Ключом кипит океан, мешая сейнерам подойти к берегу Кунашира... И все это — сама жизнь. Во имя ее, будущей и настоящей, люди выносят все трудности. И еще — чтобы быть достойными первых, тех, кто обживал кромку двух океанов, северные и восточные берега страны...

СОДЕРЖАНИЕ

ПОД НОЧНЫМ СОЛНЦЕМ

3

ГОРОДОК НЕ ВЕЛИК И НЕ МАЛ

33

КОГДА НЕТ ЛЕТНОЙ ПОГОДЫ

49

ОАЗИС НА ТАЙМЫРЕ

68

ХАТАНГА, ОСВЕЩЕННАЯ СОЛНЦЕМ

90

ТЕПЛАЯ АРКТИКА

105

ЗДЕСЬ СХОДЯТСЯ ДВА ОКЕАНА

121

ПО КОЛЕБЛЮЩЕЙСЯ ЗЕМЛЕ

143

НА САМЫХ ДАЛЬНИХ ОСТРОВАХ

166

Метельский Г. В.
М 54 По кромке двух океанов. М., «Мысль»,
1978.
187 с. (Путешествия. Приключения. Поиск).

Автору, писателю и путешественнику, довелось про-
ехать вдоль северного и восточного побережья нашей стра-
ны. Обо всем увиденном — о природе, о новых городах, о
людях, осваивающих эти суровые края, — он рассказывает
в своей книге.

М $\frac{20901-021}{004(01)-78}$ 189-78

91(С)

ИБ № 618

Метельский Георгий Васильевич
ПО КРОМКЕ ДВУХ ОКЕАНОВ

Заведующая редакцией К. О. Добронравова

Редактор Т. М. Галицкая

Младший редактор И. А. Невзорова

Художественный редактор С. М. Полесипская

Технический редактор Е. А. Данилова

Корректор З. Н. Смирнова

Слано в набор 11 августа 1977 г. Подписано в печать 29 декабря 1977 г. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага типографская, № 1. Усл. печатных листов 11,62 с вкл. Учетно-издательских листов 11,85 с вкл. Тираж 80 000 экз. А07454. Заказ № 1826. Цена 95 коп.

**Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71,
Ленинский проспект, 15.**

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 113054. Москва, Валовая, 28

НОВЫЕ КНИГИ

В 1978 г.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ»
ВЫПУСТИТ В СВЕТ:

Урванцев Н. Н. Таймыр — край мой северный. 17 л. с ил. (Путешествия. Приключения. Поиск). 1 р. 65 к.

Книга принадлежит перу известного советского полярного исследователя. Ветеран героической эпопеи освоения советского Крайнего Севера Н. Н. Урванцев, пройдя тысячи километров неведомой земли, впервые разведal угольные и рудные богатства Таймырского полуострова. Об этих экспедициях, сопряженных с большими трудностями, а нередко и с опасностями, рассказывает он в своей книге, рассчитанной на массового читателя.

Мариковский П. И. В пустынях Казахстана. 10 л. с ил. (Рассказы о природе). 1 р. 15 к.

В книге известного популяризатора доктора биологических наук П. И. Мариковского описываются путешествия автора по пустыням Юго-Восточного Казахстана. Книга дает яркое представление о различных типах среднеазиатских пустынь —

песчаной, глинистой, каменистой, об истории развития их своеобразной природы, о следах древних поселений человека. Рассчитана на массового читателя.

Головань Г. А. По дну тропического моря. 10 л. (Рассказы о природе). 1 р.

Автор книги, океанолог, несколько лет провел на Кубе. Он рассказывает о совместной работе кубинских и советских океанодогов, о рыболовецких кооперативах Кубы, о своих встречах с рыбаками и другими жителями острова Свободы. Живописно и красочно рисует он богатейший животный и растительный мир прибрежных вод Кубы.

Книга иллюстрирована уникальными цветными и черно-белыми фотографиями, выполненными под водой. Рассчитана на массового читателя.

Устименко Ю. В. Познакомьтесь: Ирландия. 10 л. с ил. 1 р.

Журналист-международник, несколько лет проработавший в Дублине в качестве корреспондента ТАСС и много ездивший по стране, рассказывает об истории, природе, хозяйстве Ирландии, о ее проблемах, об освободительной борьбе ирландцев.

Книга иллюстрирована цветными и черно-белыми фотографиями; рассчитана на массового читателя.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ

Предварительные заказы на большинство книг издательства «Мысль» принимают все магазины, распространяющие общественно-политическую литературу.

Если вышедшей книги в местном книжном магазине не оказалось, посылайте заказы в отделы «Книга — почтой» местного книготорга или по адресу: 103009. Москва, Центр, проезд Художественного театра, 6. Магазин № 84, отдел «Книга — почтой».

•

**ХАТАНГА,
ОСВЕЩЕННАЯ СОЛНЦЕМ**

ТЕПЛАЯ АРКТИКА

ЗДЕСЬ СХОДЯТСЯ ДВА ОКЕАНА

ПО КОЛЕБЛЮЩЕЙСЯ ЗЕМЛЕ

НА САМЫХ ДАЛЬНИХ ОСТРОВАХ

95 коп.

